

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 2, 2019**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна — главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна — заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Алексеева Лариса Михайловна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Безукладников Константин Эдуардович — доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Бартош Дана Казимировна — доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Зеленина Тамара Ивановна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Иоселиани Аза Давидовна — доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна — доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Мишланова Светлана Леонидовна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Проскурнин Борис Михайлович — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталия Николаевна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзиева Галина Владимировна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Шутемова Наталия Валерьевна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Платонова Елена Анатольевна — ответственный секретарь, кандидат филологических наук (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Плюснина Екатерина Михайловна — ответственный за сайт, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Карзенкова Елена Петровна — технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ивашкевич Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Магальянес Фернандо Латас — доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)

Мирчевска-Бошева Биляна — ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна — доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна — доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Табидзе Манана Шотаевна — доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филологический профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)

Травински Беата — доктор филологических наук, профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)

Ходжиматова Гулчехра Масандовна — доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Шавхелишвили Бела Абрамовна — кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) — профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлуцзянского государственного университета КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)

Яхьяпур Марзие — кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

© Редакционная коллегия, 2019

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 28.06.2019. Дата выхода в свет 01.07.2019.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Территория распространения — Российская Федерация.
Договор с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10/2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издаётся с 2017 года.
Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год. Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлегией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL**
№ 2, 2019

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

Svetlana V. Shustova — Editor-in-chief, Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Anna V. Averina — Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)

Larisa M. Alekseeva — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Konstantin E. Besukladnikov — Grand Ph.D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Dana K. Bartosh — Grand Ph.D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow City University, Institute of Foreign Languages)

Tamara I. Zelenina — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Aza D. Ioseliani — Grand Ph.D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)

Yulia A. Komarova — Grand Ph.D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)

Boris V. Kondakov — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Svetlana L. Mishlanova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Boris M. Proskurnin — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Nelly A. Trofimova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, St.-Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Natalia V. Shutuyomova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena A. Platonova — Executive Secretary, Ph.D. (Philology) (Russia, Perm, Perm State University)

Ekaterina M. Plusnina — Executive Secretary, Ph.D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena P. Karzenkova — Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich — Ph.D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Fernando Magallanes Latas — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)

Biljana Mirchevska-Bosheva — Grand Ph.D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)

Mekhriniso B. Nagzibekova — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva — Grand Ph.D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Manana Sh. Tabidze — Grand Ph.D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)

Beata Travinski — Grand Ph.D. (Philology), Professor (Germany, Mannheim, Institute of German Language)

Gulchehra M. Hodzhimatova — Grand Ph.D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Bella A. Shavhelishvily — Ph.D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)

Shi Hongsheng — Grand Ph.D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)

Yahyapur Marziye — Ph.D. (Philology), Professor (Iran, Tegeran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	4
<i>Бадаева Н. В., Шипова И. А.</i> КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА СО ЗНАЧЕНИЕМ «МОТОР», «ТОРМОЗ», «ЛОКОМОТИВ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ	4
<i>Гладкова К. Ю.</i> СЕМАНТИКА ВОПРОСОВ “HOW” В РОМАНЕ Г. СВИФТА «ВОДОЗЕМЬЕ»	10
<i>Коннова М. Н.</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	16
<i>Манжула О. В.</i> ПРИНЦИПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СВЯЗЕЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЯХ	29
<i>Наззибекова М. Б., Шарипова С. С.</i> СЕМАНТИКА, ВАЛЕНТНОСТЬ И ПЕРЕДАЧА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ПРИСТАВКОЙ ПОД- (ПОДО-) НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК	35
<i>Салимова Д. А.</i> ОСНОВНЫЕ ПЛАСТЫ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТОВОМ ПОЛЕ «ЗАПИСОК КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ» Н. А. ДУРОВОЙ	42
<i>Симонова А. В., Андросова С. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ АЛЛОФОНАХ ФОНЕМЫ /Т/И ЕЁ ФОНЕМНЫХ ЗАМЕНАХ В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ВОКАЛЬНОЙ РЕЧИ	50
<i>Царенко Н. М.</i> КОГНИТИВНАЯ НЕОЛОГИЧНОСТЬ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	59
<i>Юшкова Л. А.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ В РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛОВ)	63
МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА	68
<i>Исаева Е. В., Зубарева Е. О.</i> АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ В E-LIBRARY.RU	68
<i>Зубарева Е. О.</i> ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА "МИГРАЦИЯ"	75
СОЦИОЛИНГВИСТИКА	84
<i>Шавхелишвили Б. А., Табидзе М. Ш.</i> КИСТЫ ПАНКИСИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	84
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	89
<i>Архипова И. В.</i> ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ТАКСИСНЫЕ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	89
<i>Астахова Т. Н.</i> МОДАЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ SOLLEN КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ	94
<i>Боднарук Е. В.</i> ГЛАГОЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ	99
<i>Сюткина Н. П., Шустова С. В.</i> ЭМОТИВНО-ИНТЕНСИВНО-КАУЗАТИВНЫЙ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБКОМПЛЕКС	106
ЛИНГВОДИДАКТИКА	112
<i>Храмченко Т. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРОТКИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	112
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ	117
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	120

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42

Бадаева Наталья Валерьевна

Преподаватель кафедры немецкого языка,
Московский государственный институт международных отношений,
Университет МИД России
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76
Тел.: +74954349141
E-mail: natalia_badaea@mail.ru

Шипова Ирина Алексеевна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры немецкого языка,
Московский педагогический государственный университет
119571, Москва проспект, Вернадского, д. 88
Тел.: +74954381859
E-mail: schipowa@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА СО ЗНАЧЕНИЕМ «МОТОР», «ТОРМОЗ», «ЛОКОМОТИВ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

В статье речь идет о механистической метафоре в немецкоязычном публицистическом дискурсе в сфере экономической проблематики. Объясняются механизмы восприятия когнитивных метафор данного вида, анализируются некоторые типы этих метафор. Основное внимание уделяется метафорам со значениями «Мотор», «Тормоз», «Локомотив», связанным с действием разных механизмов. На материале текстов немецкоязычных периодических изданий теоретические положения о когнитивной метафоре получают наглядное подтверждение. Высказываются предположения о дальнейших исследованиях в данной области.

Ключевые слова: метафора, когнитивная метафора, языковая картина мира, механистическая метафора, механизмы воздействия, специфика восприятия.

Введение

Метафора как один из элементов образной системы языка фигурирует практически во всех сферах человеческого общения, что говорит о её значимости и о непреходящей ценности для любых лингвистических изысканий. Поэтому исследования метафоры, видов метафоры, её специфики и механизмов воздействия на адресата никогда не потеряют своей ак-

туальности. С того времени как древние обратили свое внимание на роль метафорического переноса в риторике прошли сотни лет, и естественно, метафора не могла не измениться. Более того, в современном мире она все более утрачивает свой образный характер, и апеллирует к сознанию современного человека, который видит мир сквозь призму промышленного, механизированного мировосприятия, она во многом перестает отражать своеобразие мышления и становится наглядным пособием по объяснению процессов, происходящих с людьми и окружающих их механизмов. Такая метафора давно превратилась из стилистической в когнитивную.

Когнитивная метафора является средством понимания и познания мира, именно она играет теперь значительную, а иногда и ведущую роль в формировании картины мира современной культуры как в одной стране, так и в пространстве всего мира в условиях глобализации. Метафора систематизирует осмысление явлений, упорядочивает действия согласно структуре этого понятия [ср. Лакофф, 1990, с.], и, таким образом, выступает как важный элемент отражения картины мира, а, следовательно, ее языкового воплощения.

Основная часть

Обращаясь к публицистическому дискурсу в целом и его экономической проблематике, в частности, мы постоянно сталкиваемся с языковыми единицами, имеющими много общего с категориями механики. Очевидно, что в этих единицах отражается не столько финансовая конъюнктура, сколько некие иные элементы, принципы функционирования которых находятся в непосредственной взаимосвязи с работой механизмов различных типов.

Само понятие «Механизм» весьма неоднозначно и включает в себя множество разнообразных объектов, тем не менее, осмысляемых как механизм, поскольку так или иначе они объединяются одной и той же семантической доминантой — это всегда устройство, либо система, приводящее тела в действие. Механизмы делятся на простые и сложные, которые могут представлять собой набор / совокупность других механизмов (или машин). Иными словами, механистические метафоры нельзя рассматривать как некое гетерогенное явление в рамках какого-либо дискурса. Об этом пишет А.Н. Баранов, разделяя виды Механизмов при их метафоризации на механизм Транспортного средства, механизм Машины, Робота, Станка и др. [Баранов, 2014, с. 85]. Это вполне справедливо, что будет показано ниже.

Например, в текстах экономического содержания можно наблюдать появление метафоры «Мотор» как отражение влияния работы некоего механизма на целостную систему мировой экономики:

(1) Die USA sind noch immer mit Abstand die größte Volkswirtschaft der Welt. Die fehlende Kraft des amerikanischen *Wachstumsmotors* berührt die wirtschaftliche Dynamik anderer Länder negativ [Spiegel Online, 30.09.2008].

(2) Aus Hoffnungsträgern werden Krisenfälle: Die Konjunktur in China, Indien und den anderen asiatischen Wirtschaftsmächten wird den weltweiten Abschwung wohl kaum abfedern. Die Daten zeigen, dass der *Wachstumsmotor* Asiens deutlich an Schwung verliert [Spiegel Online, 02.01.2009]

Рост мировой экономики и международной внешней торговли имплицитивно представляется как глобальный механизм сложной внутренней комплектации, сообщающий некий импульс другим телам (механизмам), которые, в свою очередь, также вызывают определенное

воздействие внутри системы. Характер этого воздействия может быть замедляющим, и тогда в текстах возникает метафора с семантикой процесса торможения:

(3) Das verlangsamte Wachstum der Weltwirtschaft und des Welthandels infolge der Finanzmarktkrise wird aus Sicht des Bundesverbandes des Deutschen Groß- und Außenhandels (BGA) "nicht ohne bremsende Auswirkungen auf die deutsche Außenwirtschaft" bleiben [Manager Magazin, 10.09.2008].

Статистический анализ текстов Berliner Morgenpost, Focus Money Online, Manager Magazin, Reuters Wirtschaftsnachrichten, Spiegel Online, Welt определенного этапа экономического развития (в нашем случае это период экономического кризиса 2008–2011 гг.) свидетельствует, что в таком случае метафора «Торможения» оказывается наиболее частотной:

(4) Ein Boom mit anschließendem Wachstumseinbruch sei nicht ausgeschlossen, erklärten die Experten. Allerdings geben die OECD-Ökonomen zu, dass eine Zinserhöhung das weitere Wachstum *bremsen* würde, mit „negativen Effekten für andere Regionen“ [Focus Money Online, 02.06.2010].

(5) Das ohnehin bereits schwache US-Wirtschaftswachstum könnte weiter *abgebremst werden*, warnte der US-Notenbankchef am Mittwoch vor dem Wirtschaftsausschuss des Kongresses. Die Risiken für das Wirtschaftswachstum blieben ein Grund zu "großer Sorge" [Manager Magazin, 24.09.2008].

В картине мира, формируемой средствами СМИ, экономический рост представляется как некий абстрактный механизм неуточненного происхождения, однако же, в его устройстве содержится как минимум еще один механизм — тормоз, что дает право предположить, что экономический рост сам по себе воспринимается не просто механизмом, но сложно устроенным механизмом. Интересно и то, что в (5) действие торможения выражается с помощью пассивной конструкции, которая оставляет неясным, что или кто именно выступает как сдерживающий механизм.

Как «Тормоз» метафорически может интерпретироваться внешняя торговля:

(6) Der schwache *Außenhandel* wird damit auch zu Jahresanfang die gesamte Wirtschaft kräftig *bremsen* — Volkswirte erwarten deshalb im ersten Quartal bereits einen ähnlich stark Einbruch des Bruttoinlandsproduktes wie Ende 2008 [Manager Magazin 10.03.2009].

(7) "Der *Außenhandel* ist eine deutliche *Bremse* für die Konjunktur im ersten Quartal", sagte Torsten Polleit von Barclays. Besserung sei nicht in Sicht [Reuters Wirtschaftsnachrichten, 10.03.2009].

Геополитические риски становятся частью механизма в рамках экономической конъюнктуры, когда они метафорически представляются как «Тормоз», что наблюдается в (8):

(8) Zudem dürften *geopolitische Spannungen im Nahen Osten oder in der Ukraine* die Stimmung getrübt und so die Konjunktur *gebremst* haben. Das zeige sich etwa an der nachlassenden Nachfrage nach Vorleistungsgütern [Welt, 21.07.2014].

Использование данной метафоры можно констатировать и в ряде других областей функционирования экономики.

Даже конституция Германии в масс-медиа периода кризиса профилируется как глобальный механизм, в который для улучшения его работы предлагается встроить дополнительные «тормозящие» детали:

(9) Um der ausufernden Verschuldung wieder Herr zu werden, hat die Bundesregierung in Berlin jüngst die *Schuldenbremse* in der Verfassung verankert [Focus Money Online, 08.07.2009].

Немаловажное место в экономическом дискурсе занимает метафора «Lokomotive» — «Локомотив». Возможно, это самая образная из механистических метафор, к тому же всегда имеющая положительный знак, в отличие от метафоры «Торможение». С большой долей уверенности можно предположить, что подобный позитивный метафорический фон связан с той исторической ролью, которую бурное развитие железных дорог в середине XIX в. сыграло в индустриализации Германии, и, следовательно, в ее экономическом развитии. Ведущей отраслью во времена промышленной революции в Германии наряду с металлообработкой стало именно железнодорожное строительство вкупе с производством железнодорожных двигателей.

(10) Speziell der deutschen Wirtschaft spricht er aber die Rolle einer *Konjunktur-Lokomotive* zu. "Was in Deutschland passiert, nämlich der beeindruckende Zuwachs an Arbeitsplätzen, wird sich über die Grenzen hinaus auswirken [Focus Money Online, 08.07.2009].

(11) Die Kanzlerin ernennt Deutschland zum „Wachstumsmotor“, ihr Finanzminister Wolfgang Schäuble spricht von einer „*Wachstumslokomotive*“, und der Bundespräsident preist das „Jobwunder“. Allerlei Sonderwege werden als Vorzüge deklariert, Deutschland wird zum Vorbild für die Welt erklärt [Welt, 25.09.2014].

Денотативный набор, профилируемый посредством данной метафоры, выглядит следующим образом: «Локомотивы» — страны, определяемые как экономические субъекты [Кураков, Кураков, 2004, с. 412]. В основном таким денотатом в немецкоязычном публицистическом дискурсе выступает, разумеется, Германия. Однако в этом качестве могут рассматриваться и другие государства:

(12) Die Wirtschaftsleistung *der USA*, lange die *Wachstumslokomotive der Weltwirtschaft*, wird nach der neuen IWF-Prognose um 2,7 Prozent in diesem Jahr einbrechen, im nächsten Jahr aber mit 1,5 Prozent wieder auf Wachstumskurs liegen [Handelsblatt, 01.10.2009].

Приведенные выше метафорические модели «Двигатель», «Торможение» и «Локомотив» обнаруживают внутреннюю сочетаемость, что наблюдается в (13):

(13) Der Exportweltmeister leidet stärker als andere Länder unter der Weltwirtschaftskrise und entwickelte sich deshalb von der Lokomotive zum Bremsklotz des Euro-Raums [Berliner Morgenpost, 13.02.2009].

Локомотив как лексическая единица в когнитивном плане семантически неразрывно связан с понятием «Поезда», и, по сути, является его частью. Таким образом, метафора «Локомотива» имплицативно вливается в метафору Поезда – «Поезд»:

(14) Die Rezession würde *wie ein Zug* unter Volldampf in den kommenden zwei Jahren über die größte Volkswirtschaft der Welt hinwegrollen — und auch ein 800 Milliarden Dollar schweres Investitionsprogramm könnte *den Zug* nur leicht *abbremsen*, aber keinesfalls aufhalten [Manager Magazin, 21.01.2009].

Комбинация родственных «Механизмов» в рамках одного контекста естественна и логична, она увеличивает образность и усиливает прагматическое воздействие на адресата. Заметим, что в (15) метафора «Поезд» фигурирует в первом случае как образное сравнение «*wie ein Zug unter Volldampf*» и лишь в заключительном сегменте высказывания переходит в разряд когнитивного варианта метафоры. Глагол *abbremsen* — *оттормаживать*, в свою оче-

редь, характеризует процесс, типичный для поезда как механизма, и выступает, с одной стороны, в метафорическом значении, а с другой, в денотативном.

Метафорическое осмысление экономики как абстрактного механизма происходит также благодаря употреблению в словосочетаниях глагола *ankurbeln* — *привести что-либо в действие с помощью приводной рукоятки*, (завести мотор / двигатель вручную). При этом некий абстрактный механизм, имплицативно ассоциируется с двигателем. В словаре Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache (DWDS) употребление этого глагола иллюстрируется в составе сочетаний: *den Motor, die Maschine, den Traktor, das Auto ankurbeln*. Прямое значение дополняется переносным: *die Wirtschaft, das Geschäft, den Absatz ankurbeln*. В дополнение отмечено, что начиная приблизительно с 1925 г., в языке появляется словосочетание *die Wirtschaft ankurbeln*, которое становится фразеологизмом и употребляется уже повсеместно.

(15) Getragen wurde der Aufschwung vor allem von den boomenden Exporten, die um 14,2 Prozent zulegten. Aber auch höhere Investitionen der Unternehmen kurbelten die Wirtschaft an: Sie gaben 9,4 Prozent mehr für Maschinen, Fahrzeuge und andere Ausrüstungsgüter aus, während die Bauausgaben um 2,8 Prozent zunahmen [Manager Magazin, 21.01.2009].

Фрагмент (15) иллюстрирует использование вышеназванного словосочетания, при этом обращает на себя внимание его экспрессивность, возникающая в результате инверсии в обоих предложениях, что акцентирует метафорический потенциал глагола и его образность.

Заключение

Приведенные примеры не позволяют проиллюстрировать всех возможных вариантов использования метафоры со значением различных механизмов в немецкоязычном публицистическом дискурсе экономической проблематики, но доказывают их несомненную продуктивность и многогранность употребления. Их яркость и наглядность связаны с когнитивными механизмами мировосприятия современного человека, в жизни которого механизмы стали неотъемлемой частью окружающей действительности, и в сочетании с обозначением различных немеханистических сфер деятельности они создают органично воспринимаемую языковую картину мира.

Дальнейшее изучение принципов воздействия метафоры на адресата во всех областях коммуникации не только важно, но и чрезвычайно интересно. Выявление закономерностей использования метафорических моделей в различных видах дискурса на сегодняшний день является одним из самых многообещающих направлений когнитивных исследований, имеющих важное значение для расширения научного знания в языке и науке в целом. В них заложен большой потенциал с точки зрения поиска решения актуальных практических задач, таких как отслеживание общественного мнения, методы его формирования и многое другое.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 387—416.
3. Кураков Л.П., Кураков В.Л. Экономика и право: словарь-справочник. Москва: Вуз и школа, 2004. 1288 с.
4. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, DWDS.de URL: <https://www.dwds.de/imprint> (дата обращения: 25.05.2019).

Источники

5. Berliner Morgenpost. URL: <https://www.morgenpost.de> (дата обращения: 25.05.2019).
6. Focus Money Online. URL: <https://www.focus-magazin.de/focus-money> (дата обращения: 25.05.2019).
7. Manager Magazin. URL: <https://www.manager-magazin.de> (дата обращения: 25.05.2019).
8. Reuters Wirtschaftsnachrichten. URL: <https://de.reuters.com/news/archive/economics> News (дата обращения: 25.05.2019).
9. Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de> (дата обращения: 25.05.2019).
10. Welt. URL: <https://www.welt.de> (дата обращения: 25.05.2019).

Badayeva N. V.

*Lecturer, Moscow State Institute of International Relations,
University of Foreign Affairs of Russia*

Shipova I. A.

*Grand Ph.D. (Philology), Department of the German Language,
Moscow Pedagogical State University*

**COGNITIVE METAPHOR WITH THE MEANING
"MOTOR", "BRAKE", "LOCOMOTIVE" IN GERMAN
ECONOMIC MEDIA DISCOURSE**

The article deals with the mechanical metaphor in the German-speaking media discourse in the area of economic issues. The logic of perception of cognitive metaphors of this type are explained and analyzed. The focus is on metaphors "Motor", "Brake", "Locomotive" associated with action of different mechanisms. Based on German-language media, theoretical propositions about cognitive metaphor are vividly confirmed. Future investigation are to be done in this area.

Keywords: metaphor, cognitive metaphor, linguistic world view, mechanical metaphor, affecting mechanism, specificity of perception.

ЦЕНТР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Факультет современных иностранных языков и литератур
Кафедра лингводидактики

Поддержка студентов, молодых ученых и преподавателей!
Демонстрируйте свои самые актуальные инновационные технологии и
творческие проекты, пробуйте лучшие новые идеи, обучайтесь и
совершенствуйтесь!

<http://zentrpedagoginn-psu.blogspot.com>

УДК 821.111:81'37"19

Гладкова Катерина Юрьевна

Преподаватель кафедры лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 3422396283

E-mail: Katerina_G_L@mail.ru

СЕМАНТИКА ВОПРОСОВ “HOW” В РОМАНЕ Г. СВИФТА «ВОДОЗЕМЬЕ»

В статье рассматривается ключевое для исследования понятие художественной интеррогативности в аспекте анализа семантики вопросительных предложений группы “How” в романе Г. Свифта «Водоземье». Автором осуществляется анализ компонентов плана содержания вопросительных контекстов (темы, коммуникативной функции, прагматического компонента), семантический анализ лексем вопросительных контекстов, а также стилистический анализ контекстов. В целом художественная интеррогативность в романе может быть охарактеризована как обладающая свойствами субъективности, образности, эмотивности, ценностности и как реализующая свойство диалогичности художественного текста.

Ключевые слова: интеррогативность, художественная интеррогативность, художественное познание, вопрос “How”, Г. Свифт.

Введение

Понятие «интеррогативность» достаточно тщательно исследовано в науке с позиции разных областей знания: философии, психологии, логики, лингвистики, психолингвистики, литературоведения и т. д. Данное понятие неразрывно связано с проблемой познаваемости мира. Попытки исследования феномена вопрошания предпринимались еще в Античности, где вопрос рассматривается как способ получения нового знания о мире.

Показательны с этой точки зрения хорошо известные в философии Античности диалоги Сократа (метод Сократа), целью которых является поиск истины и самопознание. В лингвистике интеррогативность изучается как свойство текста, исследуются специфика и функции интеррогативности в текстах различных функциональных стилей.

Художественная интеррогативность, реализующаяся в художественном тексте, репрезентирует индивидуальную авторскую концепцию и является отражением художественного мышления автора. Результаты художественного познания представлены в образе как особой, ценностной, субъективной форме отражения реальности.

В данной статье мы рассмотрим проблему художественной интеррогативности на материале романа Г. Свифта «Водоземье» в контексте анализа семантики вопросительных предложений группы “How”. Творчество Г. Свифта характеризуется усиленным вопрошанием, что дает богатый материал для исследования проблемы художественной интеррогативности.

Основная часть

Г. Свифт (р. 4 мая 1949 г.) – современный британский писатель, обладатель Букеровской премии 1996 г. за роман «Последние распоряжения» (“Last Orders”, 1996). Творчество Г. Свифта представлено серией известных романов (“The Sweet Shop Owner”, 1980, “Ever After”, 1992, “The Light of The Day”, 2003 и др.), сборников рассказов (“Learning To Swim And Other Stories”, 1982, “England And Other Stories”, 2014) и критических эссе (“Making An Elephant: Writing From Within”, 2009 и др.).

Исследователи творчества писателя относят его к числу наиболее ярких представителей современной психологической прозы, отмечая глубокое осмысление тем истории, семьи, семейной истории, проблемы нравственного выбора, присущих творчеству писателя [Encyclopedia Britannica, эл. рес.].

Роман «Водоземье» (“Waterland”, 1983) считается одним из ключевых произведений Г. Свифта, отражающем характерные черты творчества писателя. Роман повествует о семейной драме главного героя произведения – школьного учителя истории Тома Крика. Повествование ведется от первого лица в формате лекций по мировой истории. Таким образом, свойство диалогичности художественного текста реализуется в данном произведении в формальной организации повествования, а именно в форме диалога между лектором и слушателями, между рассказчиком и аудиторией читателей. Кроме того, данное свойство выражено в частотном использовании автором вопросно-ответных контекстов, актуализирующих свойство вопрошания в художественном тексте.

В ходе анализа нами была сформирована база данных, включающая 725 вопросительных контекстов. Данные контексты были систематизированы нами по грамматическому признаку на несколько групп:

- общие вопросы (42 %),
- специальные вопросы (39 %),
- разделительные «ли»-вопросы (5 %).

Остальные вопросы (14 %) представляют собой утвердительные предложения (в том числе назывные) с вопросительной интонацией.

Группа «специальные вопросы» была далее разбита на следующие подгруппы по наличию определенного вопросительного местоимения:

- вопросы “what” (38 %),
- вопросы “how” (21 %),
- вопросы “why” (18 %),
- вопросы “who” (11 %),
- вопросы “where” (7 %),
- вопросы “when” (3 %),
- вопросы “which” (2 %).

Семантика вопросов группы “How” была проанализирована в соответствии со следующей методикой:

1. Анализ компонентов плана содержания предложения, включающий следующие этапы:
 - a) анализ пропозиционального компонента (темы) предложения;
 - b) анализ коммуникативного компонента предложения;

- с) анализ прагматического компонента предложения.
2. Анализ семантики ключевых слов вопросительных предложений.
3. Стилистический анализ вопросительных контекстов.

Анализ тематики вопросительных контекстов группы “*How*” позволил сделать вывод о том, что в данных контекстах репрезентированы тема жизни и связанная с ней тема судьбы, тема смерти, реализованная в микротемах естественной и противоестественной смерти, тема истории, тема семьи, тема любви, которая также реализована в микротемах естественной любви и противоестественной любви, тема труда. Все темы, представленные данной подгруппой контекстов, связаны друг с другом и входят в единый тематический комплекс романа.

Анализ коммуникативного компонента вопросительных контекстов группы “*How*” дал представление о соотношении собственно-вопросов (21 %) и несобственно-вопросов (79 %) в данной группе. Под собственно-вопросами мы понимаем вопросы, реализованные в своей первичной функции, то есть в функции запроса информации какого-либо рода. Несобственно-вопросительные предложения являются вопросами, реализованными во вторичной функции, то есть выражения просьбы, сомнения, утверждения, уверенности, удивления и т. д. [Кобозева, 2000].

Кроме того, большинство вопросов группы “*How*” безответны (79 %), несмотря на то, что они обращены к внешнему адресату. Примечательно, что большинство безответных вопросов не являются риторическими, автор воспроизводит в вопросе некую проблемную ситуацию, на которую ни герои произведения, ни сам автор в силу разных причин не способны дать ответ. По И.И. Ковтуновой функцией вопросов данного типа (лирические вопросы) является репрезентация динамики мыслительного процесса и эмоциональных переживаний лирического героя [Ковтунова 1986, с. 128–142].

С точки зрения прагматики, вопросы группы “*How*” имеют в качестве адресанта главного героя произведения, рассказчика Тома Крика, который в своих рассуждениях о жизни, мироустройстве, истории, семье реализует авторскую концепцию, являясь, таким образом, героем-протагонистом, а также других персонажей произведения. Адресатами в вопросно-ответных ситуациях данной группы выступают как внешние адресаты (читатели, ученики, коллеги главного героя, члены семьи, знакомые и т. д.), так и внутренний адресат в тех случаях, когда вопросы повествователя адресованы себе. Важно отметить, что большинство вопросов, предполагающих наличие внешнего адресата, фактически становятся вопросами, обращенными к внутреннему адресату (например, безответные вопросы), что акцентирует функции лирического вопроса, обозначенные выше.

Анализ семантики ключевых слов вопросительных предложений группы “*How*” позволил сделать вывод о том, что в них репрезентированы такие компоненты значения, как «свобода» – «несвобода» (“*flat country*”, “*revolution*”, “*pile upon*”, “*servant*”), «развитие» – «цикличность» (“*advancing*”, “*retreating*”), «закономерность» – «хаотичность» (“*history*”, “*drama*”, “*adult mess*”, “*revolution*”, “*fabrication*”, “*experiment*”), «уединенность» – «открытость» (“*flat*”, “*taciturn*”, “*refuge*”, “*shelter*”), «прошлое» – «настоящее» (“*past*”, “*present*”, “*Here and Now*”, “*long ago*”). Проанализируем следующий пример:

How many of the events of history have occurred, ask yourselves, for this and for that reason, but for no other reason, fundamentally, than the desire to make things happen? I present to you History, the fabrication, the diversion, the reality-obscuring drama [Swift, 2010, p. 46].

В данном контексте оппозиция «закономерность – хаотичность» репрезентирована в частотном употреблении существительного “*reason*”, значение которого акцентировано на использовании сочетания указательных местоимений “*this*”, “*that*” с предлогом “*for*”, актуализирующих компонент значения «причинность», а также использованием антитезы “*for this reason – for no reason*”, актуализирующей идею причинности – беспричинности событий. Идея беспричинности, хаотичности истории выражена также в употреблении глагольного сочетания “*make things happen*”, где в семантике глагола “*happen*” заложен компонент значения «спонтанность», который далее усиливается употреблением ряда существительных (“*fabrication*”, “*diversion*”, “*reality-obscuring drama*”), актуализирующих значение неопределенности, вымысла, нелогичности [Oxford Dictionary Online, эл.рес.].

Важно также отметить идею времени, репрезентированную в семантике вопросов группы “*How*”. Временной компонент значения актуализирован, во-первых, с помощью лексических единиц (“*history*”, “*present*”, “*past*”, “*future*”, “*hours*”, “*Here and Now*”, “*times*” и т. д.), во-вторых, с точки зрения грамматического аспекта, во временных формах использованных в контекстах глаголов. Так, среди всех вопросительных контекстов группы “*How*” 63 % вопросов относятся к настоящему времени, 31 % вопросов – к прошедшему временному контексту, и лишь один контекст реализует идею возможного будущего.

Преобладание настоящего времени глагола характерно для тех контекстов, которые использованы в рассуждении рассказчика о тех или иных (в том числе прошедших) событиях своей жизни. Использование настоящего времени глагола (Present Indefinite) для описания ситуаций в прошлом позволяет сделать вывод о вневременном характере повествования: рассказчик осмысляет тревожащие его нравственные вопросы не только здесь и сейчас, но в принципе всегда, поскольку проблемы, поднимаемые автором, имеют непреходящую ценность. Идея вневременного существования актуализирована в форме метафоры “*Here and Now*”, которая дает представление о времени как об определенной локации, в которой герои романа могут находиться.

Одним из свойств, присущих вопросам группы “*How*”, является наличие образов, обладающих в контексте романа символическим значением. Например, образы главных героинь романа Сары Аткинсон и Мэри Мэткаф становятся своеобразными образами-символами, репрезентирующими ключевые для произведения идеи. Так, Сара Аткинсон воплощает в романе, с одной стороны, идеи мудрости, порядка, здравости, с другой – нездоровья и безумия. Героиня Мэри Мэткаф зачастую сравнивается с Мадонной, Девой Марией (*little Madonna*), однако религиозный образ, приписываемый героине иронически обыгрывается автором на прямо противоположный, поскольку в Мэри Мэткаф нет чистоты и непорочности, присущей Деве Марии. Кроме того, образ Мадонны в христианской культуре неразрывно связан с идеей материнства, которая противопоставлена автором трагической невозможности Мэри иметь детей.

Не менее значимым является образ больницы, связанный в романе с образом Сары Аткинсон. Проанализируем следующий пример:

How do the Atkinsons mark, in 1874, the ninety-second birthday of Sarah? With beer and merriment? With raised tancards and toasts?They mark Sarah's birthday by building an asylum [Swift, 2010, p. 99].

В приведенном вопросно-ответном контексте реализуется частотно употребляемая автором романа антитеза, актуализирующая положительную семантику существительных *“birthday”*, *“merriment”*, *“raised tancards”*, *“toasts”*, с одной стороны, и отрицательную семантику противопоставленного им существительного *“asylum”*. Использование параллелизма парцелированных вопросительных предложений, которые отчасти выступают в функции ответа на вопрос *“How”*, предлагая варианты развития ситуации, а также неожиданный, алогичный ответ также акцентируют отрицательные коннотации существительного *“asylum”*, являющегося ключевым в данном контексте.

Необходимо отметить, что в английском языке данное существительное может быть употреблено в значении «больница» и «сумасшедший дом» [Oxford Online Dictionary]. Примечательно, что в романе образ больницы и сумасшедшего дома иронически сопоставляются и противопоставляются автором.

Не менее важным образом-символом, репрезентированным в вопросах группы *“How”*, является образ Элизиума, своеобразного рая на земле, к которому стремятся героини романа. Рассмотрим следующий пример:

So how do we know – lost in the desert – that it is to the oasis of the yet-to-come we should be travelling anyway, and not to some other green Elysium that, a long while ago, we left behind? [Swift, 2010, p. 140]

В данном контексте антитеза *“the oasis of yet-to-come”* – *“green Elysium”* реализует смысловое противопоставление прошлого и настоящего, а также реального и нереального. Идея нестабильности человека в мире, идея поиска актуализирована парентезой *“lost in the desert”*, которая акцентирует семантику как существительного, так и глагола, одним из компонентов значения которых является значение потерянности. Символическое значение Элизиума, который в греческой мифологии являлся частью подземного мира и местом успокоения душ героев [БЭС, эл. рес.], автором романа иронически снижается, что приводит к пониманию Элизиума как одному из пройденных этапов на пути человека. Этому способствует употребление существительного *“Elysium”* в колокации с местоимениями *“other”*, *“some”*, выражающими семантику неопределенности, а также использование прилагательного *“green”*, придающего определяемому существительному иронический оттенок.

Таким образом, анализ образов-символов, репрезентированных в вопросах группы *“How”* показал, что, в целом, автором используется ирония как средство переосмысления символического значения того или иного образа. Ирония становится своеобразным средством познания художественной реальности, а ее частотное употребление также выражает идею нестабильности, присущей художественному миру данного произведения.

Заключение

В целом, анализ семантики вопросительных предложений группы *“How”* позволил сделать вывод о том, что вопросительные контексты данной группы являются одним из способов репрезентации тематического и идейно-эмотивного уровня романа. Так, ключевая идея произведения, идея поиска истины и невозможности ее обретения отчасти реализована в се-

мантике вопроса “How”, поскольку одним из компонентов его значения является вопрошание об образе действия. Кроме того, анализ показал, что вопросительным контекстам данной группы присущи свойства образности, эмотивности, ценностности, алогичности, что позволяет характеризовать художественную интеррогативность романа в целом.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь онлайн. URL: <https://www.endic.ru> (дата обращения: 03.05.2019).
2. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. Москва: Наука, 1986. 205 с.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал, 2000. 352 с.
4. British Council. URL: <https://literature.britishcouncil.org/writer/graham-swift> (дата обращения: 03.05.2019).
5. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Graham-Swift> (дата обращения: 03.05.2019).
6. Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 03.05.2019).
7. Swift G. Waterland. Picador, 2010. 356 p.

Gladkova K. Iu.

*Lecturer, Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

SEMANTICS OF “HOW”-QUESTIONS IN “WATERLAND” BY G.SWIFT

The article presents the results of analysis of semantics of “How”-questions in “Waterland” by G.Swift. The following components of semantics of the questions are studied: the topic, the communicative function, the pragmatic aspect of the above mentioned questions. Component analysis and stylistic analysis of interrogative contexts are also conducted in the research. The results of the research show that literary interrogation in the novel can be characterized by the following features: dialogism, subjectivity, imagery, emotivity.

Key words: interrogation, literary interrogation, cognition, “how”-question, G.Swift.

УДК 81'367

Коннова Мария Николаевна

Доктор филологических наук, доцент Института образования,

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

236014, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14

Тел.: 84012595595*3501

E-mail: mkonnova@kantiana.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Анализируются когнитивные механизмы концептуализации времени в англоязычной картине мира в исторической динамике. Внимание сосредоточено на изучении аксиологически маркированных концептуальных метафорах, аккумулирующих представления о времени как о ценности. Доказывается, что первоначальные аксиологические контуры категории времени формируются в рамках христианской мировоззренческой парадигмы. Общая динамика категории состоит в её последовательной деаксиологизации, обусловленной изменением эталонной ценности, с которой в процессе метафорического проецирования отождествляется время. Процесс деаксиологизации включает два этапа: на стадии десакрализации абсолютная ценность замещается относительными ценностями; на втором этапе происходит нивелировка ценностного компонента, в ряде случаев сопровождаемая сдвигом в сторону отрицательного полюса ценностной шкалы.

Ключевые слова: время, концептуальная теория метафоры, когнитивный сдвиг, диахрония.

Введение

Метафоры времени представляют собой традиционный объект когнитивных исследований. Сформулированная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория концептуальной метафоры [Lakoff & Johnson, 1980] оказалась чрезвычайно эффективным инструментом изучения когнитивных механизмов постижения времени¹. Время, сущность которого представляет собой область неизвестного, не может быть осмыслено и ослвлено «буквально» [Hillis Miller, 2003, p. 87]. Оно являет собой предельную абстракцию; в его структуре невозможно выделить более конкретную и наглядную часть, на которую сознание опиралось бы в качестве прототипа. Постигающий время скорее интуитивно, чем посредством разума, человек прибегает к помощи метафорических и метонимических переносов для уяснения этого сложного понятия. Интуиция достаточно четко очерчивает ему границы и содержание абстрактного концепта и обеспечивает должный отбор аналогических (метафорических) и ассоциативно сопряженных (метонимических) средств его описания [ср. Никитин, 2005, с. 50]. В процессе метафорического и метонимического осмысления физическое время приобретает референ-

¹ Обзор исследований темпоральных метафор (см. [Коннова 2018, с. 72-85]).

циальные и фактуальные свойства, превращаясь из независимой от воли субъекта постоянной величины в параметр измерения явлений и событий [Рябцева, 1997, с. 78–79].

Предметом преобладающего большинства исследований как в отечественной, так и зарубежной лингвистике являются пространственные основания концептуализации и вербализации времени [см., в частности: Bonato et al. 2012; Boroditsky, 2018; Casasanto, 2016; Evans, 2004; Ozcaliskan, 2015; Pagán Cánovas, Jensen, 2013; Traugott, 1975]. Значительно в меньшей степени изучен аксиологический потенциал темпоральных метафор. Среди требующих решения вопросов — проблема дифференциации различных типов ценностей, с которыми время соотносится в ходе метафорической проекции, выявление магистрального вектора изменений ценностных представлений о времени, а также установление их экстралингвистических причин. Данная лакуна определяет проблемное поле настоящего исследования, цель которого — анализ когнитивных механизмов аксиологической концептуализации времени. Исследование проводится на материале английского языка. Эмпирический материал, привлекаемый в процессе работы (лексикографические, корпусные, текстовые данные), охватывает основные периоды развития английского языка — от древнеанглийского и среднеанглийского до современного английского языка.

Основная часть

Метафоры, передающие посредством наглядных образов сложные смыслы, принадлежат к ряду ключевых способов концептуализации времени. От обширного класса метафорически интерпретируемых понятий время отличается тем, что метафоры — это едва ли не единственный способ описать его значение, поскольку в обыденной картине мира для него не существует естественного таксономического класса [Плунгян, 1997, с. 160].

Метафорическое осмысление времени в категориях конкретных областей является следствием фундаментального для естественного языка процесса опредмечивания мира [Malotki, 1983]. В основе метафорической концептуализации времени лежит аналогия; благодаря аналогии метафора становится средством формирования пароморфной модели, в рамках которой система временных отношений и признаков представляется с помощью системы, принадлежащей к иной сфере опыта, где осмысляемый элемент представлен более очевидно [ср. Гак, 1998, с. 13]. Представления, основанные на двигательном опыте и отражающие восприятие физического мира посредством органов чувств, перерабатываются в сознании таким образом, чтобы облегчить процесс когнитивного структурирования абстрактных областей [Casasanto, Boroditsky, 2008, p. 580]. Время, осмысляемое посредством метафор, предстает относительной, рационально познаваемой категорией. Сопоставляемое с однопорядковыми сущностями (материей, пространством, движением), оно опредмечивается и вписывается в объективную картину мира, объединяя отдельные её фрагменты в целостный и законченный образ [Рябцева, 1997, с. 79]. Метафора, служащая для осмысления атрибутивных характеристик времени, представляет собой не столько однородную, унифицированную модель, сколько спектр разнообразных возможностей, структурированный по нескольким функциональным осям [Sobolev, 2009, p. 904].

В когнитивных исследованиях метафора традиционно понимается как концептуальный феномен, как способ концептуализации абстрактной или незнакомой сферы сквозь призму конкретной или интуитивно понятной сферы. Метафоризируемый предмет или событие

представляет собой концептуальную область цели, тогда как концепты, используемые для его осмысления, относятся к области источника; цель и источник принадлежат либо к различным таксономическим доменам и не связаны прагматической функцией, либо принадлежат к различным функциональным доменам. Метафора представляет собой системное межфреймовое проецирование (*frame-to-frame mapping* в терминологии Дж. Лакоффа), в процессе которого структура концептуальной области источника накладывается на структуру области цели. Процедуру метафорического переноса Дж. Лакофф и М. Тёрнер представляют следующим образом: 1) слоты источникового домена (фрейма) проецируются на слоты целевого домена; 2) отношения, характерные для домена источника, проецируются на отношения в области цели; 3) качества из домена источника проецируются на качества в области цели; 4) энциклопедические (фоновые) знания о домене источника, а также свойственные ей инферентные модели (*inference patterns*) проецируются на знания об области цели [Lakoff, Turner, 1989, p. 63–64].

Схематически представляемые в виде пропозиций, концептуальные метафоры указывают на существование в сознании носителей языка набора устойчивых, основанных на реальном опыте ассоциаций между сопрягаемыми областями [Voers, 1996, p. 25]. Результаты нейролингвистических исследований позволяют предположить наличие у человека сложных когнитивных систем, в которых характер концептуального метафорического переноса, напр., между областями пространства и времени, может быть вычислен посредством нейронных карт (*neural maps*). Это своеобразные нейронные сети (*circuits*), связывающие сенсомоторную систему с более высокими областями коры головного мозга. Метафорические проекции представляют собой подобного рода нейронные карты, соотносящие сенсомоторную информацию и абстрактные идеи в рамках слаженных нейронных совокупностей (*neural ensembles*), существующих в разных областях головного мозга [Tendahl, Gibbs, 2008, p. 829].

Основанием сложных структурных метафор выступают традиционные для языкового сообщества культурные модели, иерархические системы ценностей, норм и представлений, вследствие чего структурные метафоры в значительной мере национально специфичны [Lakoff, Johnson, 1999, p. 60; Voers, 2003, p. 233]. Как следствие, использование языковых метафор, эксплицирующих ту или иную концептуальную схему, не имеет характера универсальной лингвистической или когнитивной способности, но представляет собой культурно-обусловленный процесс, отражающий языковые практики, свойственные данному языковому сообществу [Wearing, 2009, p. 1027].

Концептуальные метафоры, являющиеся неотъемлемой частью знаний о мире, активируются в процессе понимания языковых метафор. Концептуальные метафоры, представляющие собой своего рода аксиомы и общеизвестные правила вывода, имеют существенное значение для правильной интерпретации контекста, что, в свою очередь, облегчает процесс инференции метафорических значений из конкретных высказываний в дискурсе. Совокупность базовых концептуальных метафор, являющих собой часть контекста, можно рассматривать как интегральную часть когнитивной среды (*cognitive environment*). С опорой на высказывание и когнитивный контекст происходит извлечение как буквального, эксплицитного значения, так и конвенциональных и неконвенциональных импликатур, несущих коммуникативное значение [Tendahl, Gibbs, 2008, p. 1840, 1845]. Наличие общей концептуальной схемы способствует верной интерпретации всего многообразия основанных на ней языковых выражений, в том

числе иokkaзиональных образований, выступающих расширением конвенциональной модели [Thibodeau, Durgin, 2008, p. 533]. При этом ведущее значение для адекватной интерпретации метафоры имеют предшествующие знания, представленные в виде фрейма, определяющего внеязыковые контекстуальные ожидания метафоры. Именно экстралингвистические знания, в частности, понимание национально-культурного элемента семантики метафор, обуславливают невозможность буквального понимания метафорических выражений [Банин, 1995, с. 63; Сукаленко, 1991, с. 5].

Метафорические модели относятся к числу ведущих средств ценностной интерпретации действительности. Реализуемые посредством метафор оценочные значения связаны с нормами бытия и поведения человека и могут быть квалифицированы как значимый фрагмент ценностной картины мира, специфической для данного языкового коллектива. Культурная маркированность метафоры, её способность выражать мировидение проистекают из связи образного основания метафоры с категориями культуры — символами, стереотипами, прототипическими ситуациями [Опарина, 1999, с. 38]. Темпоральные метафоры способны отображать аксиологические смыслы, вытекающие из культурного контекста, в рамках которого длительное время происходило формирование особенностей национальной концептосферы. В аксиологических концептуальных метафорах проявляется ключевое качество временной координаты мира — её ценностный, креативный характер: в физическом мире она дает количественную оценку происходящему, в метафизическом — качественную и относительную, в обыденном — психологическую, в духовном — бытийную [Рябцева, 1997, с. 82].

Время как дар: христианское восприятие времени

Ценностные контуры категории «время» в картине мира носителей английского языка содержательно оформляются под влиянием христианства [Wendorff, 1985; Чупрына, 2000; Коннова, 2007, 2018; Нильсен, 2015], проникновение которого в глубины народного бытия сформировало национальное мировидение, оказав решающее влияние на выбор исторических путей развития англоязычной культуры [ср. Ensor, 1936, p. 137]. Христианизация Британии в V–VIII вв. приводит к постепенному формированию совершенно нового, ранее не существовавшего в языческой англосаксонской парадигме, образа времени. Время утрачивает «свою божественность, становясь произведением Бога для нужд человека» [Чупрына, 2000, с. 40]. Осмысление времени получает свое когнитивное оформление в форме темпорального концепта, структурируемого метафорической проекцией TIME IS GOD'S CREATION. В данном концепте источником аналогии для концептуализации времени становится понятийная область «Творение». Реализации метафоры TIME IS GOD'S CREATURE, глубоко синкретичные по форме и содержанию, построенные по законам логики древней, не отделяющей «конкретного от абстрактного, образа от идеи, символа от символизируемой реальности» [Лосский, 2004, с. 404], встречаются в творениях древнеанглийских авторов Беды Достопочтенного, Эльфрика, Алкуина. Так, в созданном королем Альфредом переводе произведения Аврелия Августина «Обращение к Творцу» данная метафора лежит в основе в описании времен года:

(1) “*Du recst gear and redst þerh gewrixle þara feower tyda, þæt is lencten and summer and herfest and winter/ Ты управляешь годом и устанавливаешь порядок четырех времен, что есть весна, лето, осень и зима*” (Sol. Aug. 53) [Oxford English Dictionary].

Онтологический темпоральный концепт, структурируемый метафорой TIME IS GOD'S CREATION, ассоциативно связан с антропоцентрически ориентированным концептом, основанием которого выступает метафорическая проекция TIME IS A GIFT OF THE GOD. В проектируемом на понятийную область времени источниковом фрейме «дар» центральное положение занимает подфрейм «податель», аккумулирующий представления о Том, Кто является Единым Подателем всех благ материальных и духовных, дарующим «всему жизнь и дыхание и всё» (Деян. 17: 25). В языковых реализациях названной концептуальной метафоры темпоральные лексемы выступают в качестве дополнения в группе сказуемого, выраженного глаголом семантики дарения (*to grant, to give, to spare*). Ср.:

(2) God be oure gyde, and then schull we spede... *God seend vs a ffayre day!* / Господь да будет нашим наставником, и тогда преуспеем.. *Господь да пошлет нам благополучный день* (1450 God be oure 1, 6) [Middle English Dictionary].

Время осмысливается как драгоценное достояние, как «залог», полученный в пользование. Опасение утратить данное «в распоряжение» время способствует выдвиганию в фокус внимания носителей языка идеи «напрасной траты» времени. Для её ословливания используются языковые метафоры с синонимичными глаголами *lōsen* («лишаться, терять»), *lēsen* («утрачивать»), *wasten* («тратить напрасно»), напр.:

(3) “*Noman mai his time lore Recovere/* Никто не может свое *потерянное время* получить обратно” (a 1393 Gower CA 3.577) [Middle English Dictionary].

Время как ресурс: экономический образ времени

На рубеже средне- и ранненовоанглийского периодов в картине мира носителей английского языка постепенно начинает меняться система ценностей, служившая фундаментом для осмысления действительности. В коммерческой среде время начинает восприниматься как источник материального благосостояния, приобретая, наряду с трудом и деньгами, значение ключевой составляющей европейского «прогресса» [Ganslandt, 1991, p. 99; ср. Noonan, 1957; Le Goff, 1980]. Ценностной доминантной становится утилитаризм. Человек оказывается центром ценностных отношений мира, приобретая статус «хозяина» вселенной и «распорядителя» её богатства. Изменяется и понятие о цели человеческого существования: идея устремленности к благам вечным вытесняется идеей земного, временного преуспеяния. На когнитивном уровне этот процесс сопровождается перестройкой фрейма, служившего источником для метафорического моделирования времени. Из области источника «дар» удаляется центральный концепт «податель дара», в центр фрейма выдвигается периферийный подфрейм «получатель дара», приобретающий в новом источниковом фрейме статус ключевого подфрейма «владелец». Идея «обладания», составлявшая в рамках концептуальной метафоры TIME IS A GIFT OF THE GOD ядро деятельностного подфрейма «распоряжение [даром]», становится переходным звеном в процессе образования нового темпорального концепта, когнитивной основой которого выступает метафорическая схема TIME IS A PERSONAL POSSESSION (ВРЕМЯ — ЭТО СОБСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА) [см.: Коннова, 2007, 2009]. Абстрагируясь от категории бытия, время становится «уже не только Божественным, но и личным достоянием» [Найденова, 2003, с. 93].

Возникает новая модель времени, которая может быть условно обозначена как «экономическая». В рамках «экономической» модели меняется характер эталонной ценности, в соот-

несении с которой измеряется ценность времени — на место ценности абсолютной приходит ценность относительная, связанная с представлениями о материальных благах, сопутствующих человеческому существованию. Начальный этап указанного когнитивного сдвига относится к среднеанглийскому периоду. Среди возникающих в XIV в. языковых метафор присутствуют нейтрально-маркированные выражения, позволяющие уподобить время вещи или субстанции, которую можно по своему усмотрению «удерживать» (ср. выражение *keren time*), «искать» и «находить» (*fynden time and space*), «давать» (*give time*) или «выигрывать» (*wynne tyme*). Ср.:

(4) We bisecher... þin help... vor to do attachie þulke misdoeres... where & whenne þt jon *mai kere time* / Мы молим о твоей помощи, чтобы схватить таких преступников, где и когда у тебя будет время (букв. «сможешь удерживать время») (1344 *Anc.Pet.* [PRO] SC 8-192.9580) [Middle English Dictionary].

В конце среднеанглийского периода усиливается процесс постепенного абстрагирования времени от категории бытия. Немалую роль в стимулировании этого когнитивного процесса сыграло всё более широкое распространение в XIV–XV вв. института ростовщичества, сердцевиной которого было «обращение» со временем, своеобразное «взимание платы» за время пользования заемными денежными средствами или товарами. В подобной языковой ситуации кредитору усваивается роль «распорядителя» времени, что на словесном уровне фиксируют конструкции с производными от глагола *setten* («устанавливать») — *time settere* («кредитор», букв. «установитель» времени), *time settinge* («продление кредита»). Ср. примеры XIV в.:

(5) Þet wors is þe *time-zettere* ontrewē, huanne he yziþ þet uolk mest nyeduol / Худшим является *заимодавец* неправедный, когда он использует людей нуждающихся (1340 *Ayenb.* [Arun 57] 36/6) [Middle English Dictionary].

В этот же период в результате сужения экстенционала лексемы *time* до одной только области — времени пользования заемным капиталом — становится возможным отождествление бытийной категории «время» с одним из его «экономически насыщенных» элементов — концептом «период кредитования». На языковом уровне экспликацией этого процесса становится выражение *to zelle to tyme* («продавать в кредит», букв. «на время»).

Отделение времени от категории бытия приводит к возникновению концепта, структурируемого образной схемой TIME IS A COMMODITY / ВРЕМЯ — ЭТО ТОВАР и аккумулирующего представления о времени как о субстанции или вещи, которые могут быть проданы. В языке этот когнитивный сдвиг эксплицируется возникающим в начале XV в. выражением *sellē times*, в буквальном прочтении означающем «продажу времен»:

(6) I seyde to þee þat summe of hem lene to vsure, not for to ben iholde open vsureris, but in manye sotile wysis by her couetis þei *sellē tymes* to her neizboris in lenynge of her good / Говорю вам, что некоторые из них дают деньги в рост, но чтобы не считали их откровенными ростовщиками, многими незаметными путями ... они продают времена своим ближним, давая в долг свое добро (a1425 *Orch. Syon* [Hrl 3432] 291/3) [Middle English Dictionary <https://quod.lib.umich.edu/m/med>].

Новое, экономически ориентированное восприятие времени окончательно закрепляется в англоязычной картине мира в ранненовоанглийский период. Великие географические открытия, развитие мануфактурного производства, становление нового типа экономических отно-

шений, равно как и другие социально-экономические факторы, сопровождавшие переход от эпохи Средневековья к Новому времени, оказывают непосредственное влияние на процесс категоризации темпорального опыта. Человек учится ценить время и переживает его «как нечто такое, что можно потратить, или как то, с помощью чего можно нечто приобрести» [Найденова, 2003, с. 92].

Ярким языковым свидетельством нового восприятия времени являются концепты времени, актуализируемые в произведениях У. Шекспира. Характерные для них насыщенность временными смыслами, разнообразие темпоральных маркеров, обилие хрононимов свидетельствуют о значимости временного измерения для индивидуально-авторского восприятия бытия великим драматургом, и, в целом, об обостренном восприятии времени в современную ему эпоху.

В авторской картине мира У. Шекспира одним из ключевых механизмов осмысления времени выступает концептуальная метафора TIME IS A RESOURCE / ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС. Степень «рациональности» распоряжения временем при этом может варьироваться. Для эмоционально-нейтральной «констатации факта» траты времени используются сочетания с глаголами *to expend* («тратить»), *to give* («давать»), *to bestow* («уделять»), *to grant* («давать»), *to share* («делить»), *to consume* («потреблять») и их производными. Ср.:

(7) All is whole; / Not one word more of the *consumed time* [букв. ни слова более о потраченном, поглощенном времени] (“All's Well that Ends Well”, 1603; Act V, Sc. III).

Мысль о «рачительном» распоряжении временем регулярно ословливается посредством словосочетаний, включающих имена, актуализирующие идею пользы (напр., *advantage*, *benefit*, *use*). Образ «неправильного» использования времени-ресурса передают, наряду с возникшими еще в среднеанглийский период выражениями *to waste time* («тратить время даром»), *to lose time* («терять время»), также конструкции с глаголами *to trifle away* («тратить понапрасну»), *to dally* («терять время попусту»), *to wear out* («истощать»), *to neglect* («пренебрегать; проявлять мало заботы»). Ср.:

(8) Besides, you waste the treasure of your time [букв. вы тратите сокровище вашего времени] with a foolish knight (“Twelfth Night; or What You Will”, 1602; Act II, Sc. V).

В эту эпоху ключевую роль в упорядочивании темпорального пространства бытия, в рационализации использования времени начинают играть механические часы. Ср. следующее высказывание в «Двенадцатой ночи», где именно часы напоминают о бездумной трате времени — метафорически, «бранят»:

(9) [Clock strikes.] OLIVIA. The clock upbraids me with the *waste of time* [букв. Часы бранят меня за пустую трату времени] (“Twelfth Night”, 1602; Act III, Sc. I).

Характерные для ренессансного мироощущения рационализм и индивидуализм рожают драматическое осознание ограниченности возможностей человека кратким мгновением настоящего [Гурочкина, Персина, 2007, с. 220]. Часы предстают зримым символом времени, его «овеществленным» воплощением. Эта «наглядность», предельная «осязаемость» времени лежит в основе метонимического отождествления хода механических часов с течением жизни. Ср. следующий фрагмент монолога короля в исторической драме «Король Ричард Второй», в котором человек и часы трагически меняются местами:

(11) *I wasted time, and now doth time waste me;*
For now hath time made me his numb'ring clock:

My *thoughts* are *minutes*; and with sighs they jar
 Their watches on unto mine eyes, the outward watch,
 Whereto *my finger*, like a *dial's point*,
 Is pointing still, in cleansing them from tears.
 Now sir, the sound that tells what *hour* it is
 Are clamorous *groans* which strike upon my *heart*,
 Which is the *bell*. So *sighs*, and *tears*, and *groans*,
 Show *minutes*, *times*, and *hours*; but my time
 Runs posting on in Bolingbroke's proud joy,
 While I stand fooling here, his Jack of the clock.
 ("King Richard the Second", 1596; Act V, Sc. V).

Идея «опредмечивания» темпоральной ткани бытия находит своеобразное преломление в концепте, структурируемом метафорической проекцией TIME IS A COMMODITY, в рамках которого время наделяется качествами предмета, который потенциально может быть куплен или продан. Ср. следующий фрагмент «Виндзорских насмешниц», где говорящий пытается склонить адресата к оказанию ему услуги за определенную плату и просит «обменять» время на деньги:

(13) Believe it, for you know it. There is money; spend it, spend it; spend more; spend all I have; only *give me so much of your time in exchange of it* [букв. *дайте мне столько вашего времени в обмен на мои деньги, сколько ...*] as to lay an amiable siege to the honesty of this Ford's wife ("The Merry Wives of Windsor", 1601; Act II, Sc. II).

Темпоральные метафоры «монетарной» семантики в текстах У. Шекспира отличаются устойчивостью и значительным разнообразием языкового оформления. Объектные и адвербиальные конструкции включают сочетания с такими лексемами «товарно-денежной» сферы, как *to purchase* («приобретать»), *to buy* («покупать»), *to sell* («продавать»), *to borrow* («брать займы»), *to prize* («оценивать»), [to work] *on leases* («[работать] займы»), *to redeem* («искупать»). Ср.:

(14) ... and by my soul, / *If this right hand would buy two hours' life* [букв. «Если бы эта правая рука могла купить два часа жизни»], / That I in all despite might rail at him ("The Third Part of King Henry the Sixth", 1591; Act II, Sc. VI).

Концепты «экономической» сферы могут становиться основой для создания персонифицированного образа времени. Ср. следующий диалог в «Комедии ошибок», в котором время метафорически именуется «банкротом»:

(15) Dromio of Syracuse. No, no, the bell; 'tis time that I were gone. It was two ere I left him, and now the clock strikes one.

Adriana. The hours come back! That did I never hear.

Dromio of Syracuse. O yes. If any hour meet a sergeant, 'a turns back for very fear.

Adriana. As if *Time were in debt* [букв. как будто бы *время было в долгу*!] <...>

Dromio of Syracuse. *Time is a very bankrupt* [букв. *Время — настоящий банкрот*], and *owes more than he's worth to season*. / Nay, *he's a thief too*: have you not heard men say / That Time comes stealing on by night and day? / If *'a be in debt and theft*, and a sergeant in the way, / Hath he not reason to turn back an hour in a day? ("The Comedy of Errors", 1593; Act IV, Sc. II).

Отметим, что темпоральные концепты, сформировавшиеся в рамках христианской модели времени, и структурируемые метафорами *TIME IS A GIFT OF THE GOD*, *TIME IS GOD'S CREATION*, с появлением новых концептуальных метафор и не исчезают, но продолжают существовать, участвуя в осмыслении носителями английского языка их темпорального опыта. Поэтому, несмотря на то, что в целом концепты христианской модели оттесняются на периферию, они по-прежнему сохраняют свой аналогический потенциал и присутствуют в темпоральной аксиосфере англоязычного сообщества. Как следствие, они могут быть в любой момент актуализированы. В широком контексте христианского понимания времени предельно высокое ценностное переосмысление могут получать концепты, структурируемые метафорами *TIME IS A POSSESSION*, *TIME IS A COMMODITY*, *TIME IS MONEY*, *TIME IS A RESOURCE*. Ср. контекст функционирования метафоры *to sell hours* (букв. «продавать часы») в Сонете 146, где лирический герой, обращаясь к своей душе, призывает её посредством скоротечных часов земной жизни (*“hours of dross”*) приобретать божественную вечность (*“Buy terms divine”*):

(16) Poor soul the centre of my sinful earth,
 My sinful earth these rebel powers array,
 Why dost thou pine within and suffer dearth
 Painting thy outward walls so costly gay?
 Why so large cost having so short a lease,
 Dost thou upon thy fading mansion spend?
 Shall worms inheritors of this excess
 Eat up thy charge? is this thy body's end?

Then soul live thou upon thy servant's loss,
 And let that pine to aggravate thy store;

Buy terms divine in selling hours of dross [букв. Покупай вечные сроки, продавая часы хлама];

Within be fed, without be rich no more,

So shall thou feed on death, that feeds on men,

And death once dead, there's no more dying then.

В XVII–XX вв. языковые реализации концептуальных метафор экономической модели времени становятся всё более разнообразными, детально отображая всевозможные способы «обращения» со временем как собственностью человека. В текстах XX в. среди конструкций — реализаций образной схемы *TIME IS A COMMODITY* намечается тенденция к буквальному прочтению темпоральных сочетаний *to sell time* («продавать время»), *to hire time* («брать время на прокат»), *to rent time* («сдавать время в аренду»), *to purchase time* («покупать, приобретать время»), *to buy time* («покупать время»). Ср.:

(17) The radio public will be swamped with addresses for every available hour from the stations willing to *sell time* to the candidates and their supporters (Chicago Tribune, Apr. 1932).

Время и цифровые технологии: техноцентрический образ времени

В XX в. глобальные трансформации технологического, промышленного, социального и интеллектуального характера вызывают изменения в концептуализации темпорального опыта. Возникшие в конце минувшего столетия концепты «удаленный труд» (*“teleworking”*), «дистанционное обучение» (*“distant learning”*), «мобильная занятость» (*“mobile work”*) вносят

изменения в темпоральные и пространственные модели, структурирующие существование отдельных лиц и целых организаций [Lee & Sawyer, 2011, p. 295]. Результатом экспансии компьютерных технологий становится тот факт, что время в современном сетевом сообществе утрачивает свои онтологические свойства линейности, необратимости, измеримости [Lee, 1999, p. 53]. Ускорение экономики, сопровождаемое увеличением темпа производства и потребления всё новых и новых товаров, приводит к возникновению предпосылок для формирования новой модели времени. В ней время предстает мгновенным (“instantaneous time”) и, более того, безвременным (“timeless time”) [Castells, 2004, p. 37]. В этой утрате временем своей ценности находит свое проявление «ценностный нигилизм как признак современной эпохи» [Марьянчик, 2001, с. 13]. Повсеместное внедрение настольных компьютеров, ноутбуков, а в последние годы также «смартфонов», способствует формированию нового типа времени, который именуется в зарубежной социологии сочетанием “iTime”. Телекоммуникационные технологии и мобильная информация, лежащие в основе “iTime”, делают человека «доступным» для внешнего мира практически в любой момент времени и в любой точке пространства. В “iTime” — растяжимом, мобильном, «портативном» времени — стираются границы между личным и общественным временем, работой и досугом, между днем и ночью, временем и пространством. Время “iTime” сжато и вместе с тем бесконечно, поскольку не ограничено естественными природными циклами дня и ночи [Agger, 2011, p. 119–125]. Сетевое время телекоммуникаций порождает хроническую рассеянность и темпоральный когнитивный диссонанс, сопровождаемый постоянной нехваткой времени [Fuchs, 2014, p. 112]. Результатом становится социальная и физическая десинхронизация, под которой западные социологи понимают усугубление неспособности организаций и индивидов приспособиться к постоянному ускорению темпа функционирования общественных структур [Vostal, 2015, p. 72; Menzies, 2000, p. 76].

Проникновение в картину мира носителей английского языка новой, «компьютерной» реальности оказывает воздействие на особенности категоризации темпорального опыта. Когнитивный сдвиг в осмыслении времени эксплицирует возникшая в последней трети XX в. концептуальная метафора TIME IS A VIRTUAL ENTITY (ВРЕМЯ — ВИРТУАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ). Структурируемый данной образной схемой концепт аккумулирует представления о времени как о явлении компьютерного мира.

В рамках новой техноцентрической модели формируется концепт, структурируемый метафорической проекцией TIME IS A VIRTUAL ENTITY. Языковые реализации данного концепта, впервые возникающие в начале 1970-х гг. (ср. сочетание *computer time*), получают всё более широкое распространение во второй половине 1990-х из-за повсеместного распространения системы Интернет. Когнитивные признаки «синхронности», «сверхвысокой скорости» движения информационных потоков, лежащие в основании функционирования сети Интернет, закрепляются в смысловой структуре сочетаний *computer time*, *electronic time*, *Internet time*, *cybertime*, *digital time*, *virtual time*. Техноцентрическая модель, в силу своей сравнительной новизны, лишена статичности и в настоящее время всё еще продолжает оформляться как на когнитивном уровне, так и в виде словесных экспликаций. Ср. неологизмы *CyberMonday* («киберпонедельник»), “iTime” («мобильное время»).

Заключение

В данной статье были рассмотрены когнитивные механизмы аксиологического осмысления времени. Как свидетельствуют результаты проведенного анализа, процесс концептуального оформления ценностного сегмента категории «время» в картине мира носителей английского языка обусловлен действием универсального когнитивного механизма межфреймового (метафорического) проецирования. В ходе исторического развития англоязычного сообщества в ценностном наполнении категории «время» происходят изменения, которые могут быть охарактеризованы как последовательная деаксиологизация. Процесс деаксиологизации сопровождается изменением эталонной ценности в рамках источникового фрейма (домена), структура которого проецируется на целевой фрейм «время» в процессе метафорического переноса. В теоцентрической модели времени — это абсолютная ценность; в экономической модели времени — это относительные (материальные) ценности; в техноцентрической модели времени аксиологический компонент элиминируется. Отметим, что в картине мира современных носителей английского языка различные аксиологические модели времени сосуществуют. Поэтому, несмотря на то, что в целом концепты христианской модели отесняются на периферию, они по-прежнему сохраняют свой аналогический потенциал и присутствуют в темпоральной аксиосфере англоязычного сообщества и могут быть в любой момент актуализированы.

Список литературы

1. Банин В.А. Субстантивная метафора в процессе коммуникации (на материале английского языка). Дис. ... к. филол. н. Москва, 1995. 274 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
3. Гурочкина А.Г., Персинина А.С. Концепт «время» и его образная объективация в поэтическом идиолекте У. Шекспира // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Москва, Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 215–223.
4. Коннова М.Н. Концептуальная метафора времени в современном английском языке. Дис. ... к. филол. н. Москва, 2007. 283 с.
5. Коннова М.Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках. Дис. ... д. филол. н. Москва, 2018. 505 с.
6. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев: Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2004. 504 с.
7. Марьянчик В.А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект). Автореф. ... д. филол. н. Архангельск, 2013. 38 с.
8. Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и источникам права). Москва: Издание Сретенского монастыря, 2003. 208с.
9. Никитин М.В. Пространство и время в ментальных мирах // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. ст. к юбилею профессора Н.А. Кобриной. Санкт-Петербург: Тригон, 2005. С. 47–61.
10. Нильсен Е.А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций (на материале английского языка). Дис. ... д. филол.н. Санкт-Петербург, 2015. 535 с.
11. Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура: Сборник обзоров ИНИОН. Москва, 1999. С. 27–48.
12. Плунгян В.А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. Москва: Изд-во «Индрик», 1997. С.158–169.

13. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. Москва: Изд-во «Индрик», 1997. С. 78–95.
14. Сукаленко Н.И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания. Автореф. . д. филол. н. Киев, 1991. 40 с.
15. Чупрына О.Г. Представления о времени в древнем языке и сознании. Москва: Прометей, 2000. 150 с.
16. Agger Ben. iTime: Labor and life in a smartphone era // Time and Society. 2011. № 20 (1). P. 119–136.
17. Boers F. Applied Linguistics Perspectives on Cross-Cultural Variation in Conceptual Metaphor // Metaphor and Symbol. 2003. № 18 (4). P. 231–238.
18. Boers F. Spatial Prepositions and Metaphor. A Cognitive Semantic Journey along the UP-DOWN and the FRONT-BACK Dimensions. Günter Narr Verlag, Tübingen, 1996. 221 p.
19. Bonato M., Zorzi M., Umiltà C. When time is space: Evidence for a mental time line // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2012. № 36 (1). P. 2257–2273.
20. Boroditsky L. Language and the Construction of Time through Space // Trends in Neurosciences. 2018. № 41 (10). P. 651–653.
21. Casasanto D. Temporal language and temporal thinking may not go hand in hand // Conceptualizations of time. Lewandowska-Tomaszczyk, B. (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2016. P. 169–186.
22. Casasanto D., Boroditsky L. Time in the mind: using space to think about time // Cognition. 2008. № 106. P. 579–593.
23. Castells M. Informationalism, Networks, and the Network Society: A Theoretical Blueprint // The network society: a cross-cultural perspective / ed. by Manuel Castells. Cheltenham. MA, USA: Edward Elgar Publishing Ltd., 2004. PP. 3–45.
24. Ensor R.C.K. England 1870-1914. Oxford University Press-Clarendon Press, 1936. 634 p.
25. Evans V. The Structure of Time. Language, meaning and temporal cognition. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 286 p.
26. Fuchs C. Digital prosumption labour on social media in the context of the capitalist regime of time // Time & Society. 2014. № 23(1). P. 97–123.
27. Ganslandt H.R. Zeit und Politik // Zeit: fünf Vorträge / Hrsg. Von H. Koessler. Erlangen: Univ.-Bibliothek Erlangen-Nürnberg, 1991. S. 89–103.
28. Hillis Miller, J. Time in Literature // Daedalus. 2003. № 132 (2). P. 86–97.
29. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
30. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.
31. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1989. 230 p.
32. Le Goff, J. Time, work, and culture in the Middle Ages. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. 384 p.
33. Lee H. Time and information technology: monochronicity, polychronicity and temporal symmetry // European Journal of Information Systems. 1999. № 8. P. 16–26.
34. Lee H., Sawyer S. Conceptualizing time, space and computing for work and organizing // Time and Society. 2011. № 19 (3). P. 293–317.
35. Malotki E. Hopi Time. A Linguistic Analysis of the Temporal Concepts in the Hopi Language. Mouton Publishers: Berlin, New York, Amsterdam, 1983. 677 p.

36. Menzies H. Cyberspace Time and Infertility: thoughts on social time and the environment // *Time & Society*. 2000. № 9 (1). P. 75–89.
37. Middle English Dictionary. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/med> (дата обращения: 02.02.2019).
38. Noonan J.T., Jr. *The Scholastic Analysis of Usury*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957. 432 p.
39. Oxford English Dictionary. URL: <http://dictionary.oed.com/cgi/entry> (дата обращения: 02.02.2019).
40. Pagán Cánovas, C., Jensen M.F. Anchoring time-space mappings and their emotions: The timeline blend in poetic metaphors // *Language and Literature*. 2013. № 22 (1) P. 45–59.
41. Sobolev D. Metaphor Revisited // *New Literary History*. 2009. № 39. P. 903–929.
42. Tendahl M., Gibbs R. Complementary perspectives on metaphor: Cognitive linguistics and relevance theory // *Journal of Pragmatics*. 2008. № 40. P. 1823–1864.
43. Thibodeau P., Durgin F.H. Productive figurative communication: Conventional metaphors facilitate the comprehension of related novel metaphors // *Journal of Memory and Language*. 2008. № 58. P. 521–540.
44. Traugott E.C. Spatial Expressions of Tense and Temporal Sequencing: A contribution to the Study of Semantic Fields // *Semiotica*. 1975. № 15 (3). P. 207–230.
45. Vostal F. Academic life in the fast lane: The experience of time and speed in British academia // *Time & Society*. 2015. № 24 (1). P. 71–95.
46. Wearing C. Metaphor and the Natural Semantic Metalanguage // *Journal of Pragmatics*. 2009. № 41. P. 1017–1028.
47. Wendorff R. *Zeit und Kultur. Geschichte des Zeitbewusstes in Europa*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985. 734 S.

Konnova M. N.

Grand Ph.D. (Philology),

Associate Professor at the Institute of Education,

Immanuel Kant Baltic Federal University

**METAPHORIC CONCEPTUALIZATION OF TIME IN THE ENGLISH LANGUAGE:
A VALUE-ORIENTED STUDY**

The current research aims to investigate how conceptual metaphors of temporality are motivated by the systems of values held by a social community. Drawing on lexicographical and textual data from Old, Middle and Modern English we observe how gradual changes in value systems — from Christian theocentric outlook of the Middle Ages to modern secular egocentric world view— trigger cognitive shifts in the source domain of metaphoric mapping. We argue that it is analysis of historical "roots" of conceptual metaphors and investigation of modern technologies that impacts on the society where metaphor studies touch upon broad areas of the Humanities thus gaining remarkable insight into interrelated processes of conceptual dynamics and linguistic change.

Key words: tense, conceptual metaphor theory, cognitive shift, diachronic.

УДК: 004.912

Манжула Оксана Владимировна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
профессиональной коммуникации,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: 8 (342) 2396833
E-mail: achilleon@mail.ru

**ПРИНЦИПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СВЯЗЕЙ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЯХ¹**

В статье рассматриваются особенности образования лингвистических онтологий и принципы установления в них связей между терминами и выражениями, особенности установления иерархии понятий. Отмечается проблема необходимости проведения большого объема работы для создания онтологии при обработке терминов вручную и описываются способы облегчения деятельности по созданию онтологий предметных областей при автоматизированном способе работы с онтологиями. Описывается методика и средства автоматизированной работы по формированию онтологий. Указывается также актуальность автоматизации данной области лингвистики.

Ключевые слова: лингвистическая онтология, компьютерная лингвистика, профессиональная лексика, обработка текстовой информации, концептуализация предметной области, реферирование текста, тезаурус.

Введение

В настоящее время из-за больших объемов электронных документов возрастает потребность в обработке неструктурированной текстовой информации, а также в повышении эффективности методов обработки текстов, которые используются в данный момент. Актуальными задачами являются поиск информации, рубрикация, фильтрация и кластеризация текстов, поисковые запросы, аннотирование документа, поиск аналогичных тестов, поиск дублирующих текстов на разных языках. В связи с этим, актуальным способом обработки данных является обработка при помощи лингвистических онтологий.

Основная часть

Под онтологией мы понимаем систему понятий определенной предметной области, представляющую собой набор сущностей, которых соединяют различные отношения. Исследователи Б.В. Добров и Н.В. Лукашевич определяют онтологию как «систему явной концептуа-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00825

лизации предметной области, то есть формального представления предметной области» [Добров, Лукашевич, 2007, с. 49].

Онтологии широко используются в компьютерной лингвистике для спецификации понятий и отношений, характеризующих область знаний. Удобство применения онтологий как способа представления предметных знаний обусловлено их формальной структурой, значительно упрощающей обработку их компьютерными программами.

Если мы будем рассматривать лингвистическую онтологию в отношении автоматической обработки текста, то здесь можно отметить два варианта установления связей между лингвистическими онтологиями определенных предметных областей и лексиконом этих предметных областей. В рамках одного из вариантов, вначале выстраивается система понятий, к которым прикрепляются наборы терминов, слов, словосочетаний. Машины обнаруживают эти выражения в текстах, и это дает возможность идентифицировать соответствующие понятия и все, что связано с ними. В рамках другого варианта, имеющиеся в употреблении лингвистические ресурсы, такие, как глоссарии, специальные словари и тезаурусы могут задавать концептуализацию данной предметной области. Как утверждают исследователи, «При применении таких ресурсов обычно необходимо автоматически разрешать многозначность слов, то есть выбирать их правильное значение» [Лукашевич, Добров, 2015, с. 48].

В качестве одного из самых известных примеров лингвистической онтологии мы можем привести онтологию WordNet. Данная лингвистическая онтология выводит систему значений слов общезначимого английского языка как иерархическую структуру. Вследствие этого, появляются множественные проекты, описывающие терминологическую систему определенной предметной области на базе модели лингвистической онтологии WordNet, таким образом, они разрабатывают лингвистическую онтологию данной предметной области.

Лексические онтологии в современной действительности применяются в качестве баз данных для компьютерных приложений. Так, они используются для поиска информации, проведения анализа текста, выделения необходимого знания, эффективной обработки множественной информации. Лингвистические онтологии дают возможность программе выделить необходимые семантические отличия, понятные для людей, но не идентифицируемые машиной.

Лингвистические онтологии не являются новым понятием в языкознании, однако, в современном применении они используются с конца XX в. Множественные работы по созданию и применению лингвистических онтологий проводятся в области прикладной лингвистики в России и за рубежом. Наиболее значимыми мы считаем исследования П. Бутелаара, Ф. Чимиано, П. Хаазе, Б.В. Доброва, Н.В. Лукашевич. Самыми большими лингвистическими онтологиями являются SUMO, OMEGA, DOLCE. Лингвистические онтологии популярны во многих отраслях науки, поскольку они позволяют обработать данные на языке, свойственном определенной науке.

Поскольку лингвистические онтологии используются в компьютерных программах, встает вопрос стандартизации способов их представления. Повсеместно развиваются языки, применяющиеся в разных системах. Примерами таких языков могут послужить RDFS и OWL. Разрабатывается множество редакторов для работы с лингвистическими онтологиями, которые взаимодействуют с конкретным форматом данных.

Лингвистическая онтология работает следующим образом. Сначала создается большой корпус, включающий в себя множество текстов, которые относятся к определенным предметным областям, для которых предназначается лингвистическая онтология. Затем из собранных текстов извлекаются термины, слова и словосочетания, являющиеся значимыми в данных предметных областях. Это производится при помощи автоматизированных операций.

На следующем этапе с предложенным корпусом и со словарями данных предметных областей работают специалисты для изучения приведенных языковых выражений, их определений в словаре, употребления в текстах, определения понятий для соответствия приведенных языковых выражений.

Специалисты набирают для понятий по корпусу максимально возможное количество выражений, значения которых соответствуют данному понятию. Эти выражения называют терминами онтологии. Вслед за этим специалисты проводят концептуальный анализ каждого понятия с целью определения отношений его онтологической зависимости.

Отношения онтологической зависимости значимы для широкого круга понятий, их выявляют посредством анализа определений соответствующих терминов в терминологических словарях, вариантов употреблений в текстовых контекстах и сопоставления определений и контекстов. Поэтому процесс создания лингвистической онтологии состоит из следующих этапов: «формирование терминологической базы некоторой предметной области по массиву текстовой информации; анализ полученной информации человеком-экспертом, с целью «фильтрации» терминов и указания определения данных терминов; установление человеком-экспертом отношений между набором терминов предметной области» [Абрамов, 2010, с. 52].

При автоматической обработке текстов происходит быстрое формирование лингвистической онтологии для определенной предметной области. В компьютерной лингвистике разработаны современные средства для работы с лингвистической онтологией, а работа экспертов обеспечивается поддержкой. Например, им предоставляются средства для автоматизированного разделения и объединения лингвистических онтологий для различных целей. Для облегчения их деятельности, разработаны специальные алгоритмы и методы построения тематического представления содержания текста посредством понятий лингвистических онтологий.

При автоматизированной работе с лингвистическими онтологиями, используются методы компьютерного аннотирования, деления, рубрицирования, реферирования текста по тематическому принципу. При использовании современных технологий, лингвистические онтологии задействованы для анализа и конкретизации результатов поисковых запросов.

В традиционной лингвистике на каждом из этапов необходимо участие человека. Например, на этапе формирования текстовой информации, человек определяет содержание и структуру текста, оценивая содержание как принадлежность текста к предметной области, а под структурой понимая порядок следования структурных элементов текста в определенной последовательности. Также, при определении размера текста, человек накладывает ограничение на размер текстового фрагмента, который он обрабатывает, поскольку статистические методы обработки зависят от объема исследуемого фрагмента. Эти допущения и ограничения позволят в некотором смысле универсализировать построение лингвистической онтологии текста на естественном языке.

Таким образом, на этапе формирования текстовой информации из текста необходимо выбрать термины для включения в онтологию. Необходимо отметить, что при отборе терминов-«кандидатов» словарный запас и частота использования слов зависят от темы текста. Машинная обработка онтологии подразумевает, что ключевые слова текста (слова, частота повторения которых в тексте выше других) являются основными и именно их компьютер включает в разряд терминов. Статистические методы поиска ключевых слов в тексте используются компьютерными программами обработки из-за их простоты и независимости от ресурсов.

В связи с обработкой данных машиной при составлении лингвистических онтологий, структура лексической онтологии представляет собой следующий набор элементов: «понятия, отношения, аксиомы, отдельные экземпляры» [Константинова, Митрофанова, 2008, с. 9].

Лингвистические онтологии охватывают огромное количество терминов предметной области и в то же время обладают онтологической структурой, которая проявляется в отношениях между понятиями. Таким образом, мы рассматриваем лингвистическую онтологию в виде особой лексической базы данных.

Понятия в лингвистической онтологии рассматриваются как имеющие принадлежность к классу представителей предмета или явления (например, Насекомое, Жизнь). Классы или понятия представляют собой общие категории, которые можно включить в некую иерархию. Такой класс обычно описывает группу индивидуальных сущностей, объединенных на основании наличия общих атрибутов. Понятия также связаны определенными отношениями (например, Высота, Расположение), которые соединяют и описывают классы. Чаще всего в онтологиях используется отношение категории, когда определенный предмет или понятие относится к определенной категории. Этот тип отношений имеет ряд других названий, встречающийся в различных исследованиях:

- таксономическое отношение;
- отношение IS-A;
- класс — подкласс;
- лингвистика: гипоним — гипероним;
- родо-видовое отношение;
- отношение a-kind-of [Константинова, Митрофанова, 2008, с. 10].

Аксиомы в таком случае можно рассматривать как задающие условия соотнесения категорий и отношений. Аксиомы несут в себе очевидные утверждения, которые связывают понятия и отношения. Аксиомой мы можем считать утверждение, которое вводится в онтологию в уже готовом виде, при этом, из аксиомы выводятся другие утверждения. Они выражают информацию, которая не может быть отражена в онтологии вследствие построения иерархии понятий и установки различных отношений между ними.

Пример аксиомы: *«Если N обманщик, то он кого-нибудь обманет»*. Благодаря аксиомам, в дальнейшем компьютерные программы могут осуществлять умозаключения в рамках онтологии. Аксиомы дают информацию о правилах, которые позволяют добавлять информацию автоматически. Аксиомы иногда представляют собой ограничения, которые накладываются на определенные отношения, делающие возможным выведение умозаключений. Так ограничения понятий указывают на то, какой тип понятия выражает определенное отношение.

Также в онтологии входят термины-экземпляры. Экземплярами называются представители класса сущностей или явлений, конкретные элементы категории. Так, экземпляром класса млекопитающие является собака Стрелка. Экземпляры в онтологии выстраиваются в иерархии. На высшем уровне такой иерархии будут находиться категории, на нижнем — конкретные экземпляры. При этом отмечается, что в тех проектах, где ключевым понятием является коллекция (OpenCus) «Экземпляром коллекции может быть любой термин онтологии» [Соловьев, Добров, Иванов, Лукашевич, 2006, с. 22].

Для обеспечения автоматической работы этих свойств используется определенный перечень отношений, аналогичный набору отношений в классических информационно-поисковых тезаурусах. Дополнительно вводятся более ограниченные онтологические определения данных отношений. Упомянутая система отношений показывает важные связи между сущностями, она также применяется с целью описания отношений между понятиями во многих предметных областях, что является доказательством универсальности предложенной модели. Неоспорима также способность данной модели описывать базовые свойства и базовые отношения понятий, которые имеются во всех предметных областях. Поскольку созданные ресурсы представлены в большом объеме, это является еще одним доказательством удобства данной модели.

Заключение

Разработка лингвистических онтологий — это перспективное направление современных исследований в области обработки информации, которая представлена на естественном языке. При формировании лингвистических онтологий возникает ряд проблем, которые более успешно решаются при помощи автоматизированных систем. На данный момент имеется множество лингвистических онтологий, которые формируются по определенному алгоритму. Также в данный момент существуют приложения, которые успешно используют лингвистические онтологии в работе.

Список литературы

1. Абрамов А.В. Создание лингвистической онтологии образовательной предметной области // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2010 № 2(14). С. 53–61.
2. Добров Б.В., Лукашевич Н.В. Лингвистическая онтология по естественным наукам и технологиям для приложений в сфере информационного поиска // Ученые записки Казанского государственного университета. Физико-математические науки. 2007 г. Том 149, кн. 2. С. 49–72.
3. Лукашевич Н.В., Добров Б.В. Проектирование лингвистических онтологий для информационных систем в широких предметных областях // Онтология проектирования. Издательство: Предприятие «Новая техника». Самара, 2015 № 1(15). С. 47–69.
4. Митрофанова О.А., Константинова Н.С. Онтологии как системы хранения знаний / Всероссийский конкурсный отбор обзорно-аналитических статей по приоритетному направлению "Информационно-телекоммуникационные системы". 2008. Т. 48. № 2. С. 1–4.
5. Соловьев В.Д., Добров Б.В., Иванов В.В., Лукашевич Н.В. Онтологии и тезаурусы. Казань, Москва: Казанский государственный университет, МГУ им. М.В. Ломоносова. 2006. 157 с.

Manzhula O. V.

PhD of Philology,

Professional Communication Department,

Perm State University

PRINCIPLES OF INSTALLING RELATIONS IN LINGUISTIC ONTOLOGY

The article deals with the features of the formation of linguistic ontologies and the principles of establishing the connections between terms and expressions in them, especially the establishment of a hierarchy of concepts. The problem of the need for a large amount of work to create an ontology when processing terms manually is noted. The author describes the ways to facilitate the creation of domain ontologies in an automated way to work with ontologies. The methodology and means of automated work on the formation of ontologies are described. The relevance of the automation of this field of linguistics is also indicated.

Keywords: linguistic ontology, computer linguistics, professional vocabulary, text processing, conceptualization of the subject area, text reviewing, thesaurus.

УДК: 491.550 -3 +491.71

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна

Доктор филологических наук, профессор
кафедры перевода и межкультурной коммуникации,
Таджикский национальный университет
Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17
Тел.: 8(992)915146877
E-mail: mnagzibekova@mail.ru

Шарипова Саодат Сайдуллаевна

Старший преподаватель кафедры общего языкознания
и сравнительной типологии,
Таджикский национальный университет
Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17
Тел.: 8(992)919011470
E-mail: sh.saodat@mail.ru

**СЕМАНТИКА, ВАЛЕНТНОСТЬ И ПЕРЕДАЧА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
С ПРИСТАВКОЙ ПОД- (ПОДО-) НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК**

В статье анализируется семантика, валентность и передача русских глаголов движения с приставкой под- (подо-) на таджикский язык. Сопоставительный анализ приставочных глаголов движения в русском и таджикском языках обуславливает расширенное и углубленное изучение категории пространства. Отмеченные дифференциальные семантические признаки, а также сформулированные правила соответствий русских приставочных глаголов движения и их таджикских эквивалентов могут послужить основой дальнейших изысканий в этом направлении.

Ключевые слова: русский язык, таджикский язык, глаголы движения, приставка под- (подо-), семантика, валентность, способы передачи.

Введение

Всем материальным объектам окружающего мира свойственна наиболее общая характеристика пространства и перемещения в нем. Справедливо в этой связи рассуждение П.А. Флоренского, который отмечает, что «вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства» [Флоренский, 1993, с. 55]. В различных культурно-языковых группах проявляется общность языковых картин, вследствие чего возможны сходства и различия в экспликации самой концепции движения в пространстве, в которой отражены свойственные данному языковому обществу особенности менталитета и национальные традиции.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления межкультурных и ментальных барьеров в процессе изучения русских приставочных глаголов движения носи-

телями других языков, в частности, таджикского языка. Как правило, подобного рода барьеры возникают вследствие отсутствия сопоставительного анализа русских приставочных глаголов движения и их таджикских эквивалентов с учетом их дифференцирующих семантических признаков: направленности движения, способа передвижения и типа ориентации. Исходя из этого, возникает необходимость разработки системы правил эквивалентности русских приставочных глаголов движения и их таджикских коррелятов.

Приставочным глаголам движения, указывающим на направленность действия в сторону приближения и на исходный пункт, свойственна обязательная валентность «куда?». Такие типы глаголов в лингвистике получили название аллативных моделей глаголов. К ним следует отнести глаголы движения с пространственными приставками *в-* (*во*), *под-* (*подо-*), *при-*, *за-*, а также с приставкой *до-*. В статье рассматриваются глаголы движения с приставкой *под-* (*подо-*). Материалом для исследования послужили данные из русско-таджикского, таджикско-русского словарей. В качестве иллюстративного материала выступили произведения писателей XX в., а именно, произведения М. Шолохова и их переводы на таджикский язык, выполненные Э. Мулокандовым и Шамси Собиром.

Основная часть

Лингвистическая литература и словарные источники приводят одиноковые определения пространственной приставке *под-* (и её алломорфу *подо-*). Так, Академический словарь современного русского литературного языка в словарной статье, посвященной приставке *под-* (*подо-*), отмечает следующие значения: 1) направленность действия снизу вверх (*подпрыгивать*); 2) направленность действия в сторону нижней части, к низу или под низ чего-нибудь (*подшивать*); 3) приближение к кому-, чему-либо (*подползти*) [Словарь русского языка, 1981, с. 62].

1. В качестве одного значения ученые дают следующие толкования данной приставки: 1) «приближение к чему-н.» [Ожегов, Шведова, 1995, с. 531]; «приближение к чему-либо или кому-либо» [Барыкина, Добровольская, Мерзон, 1989, с. 43]; «непосредственная близость ориентира как конечного пункта» [Волохина, 1993, с. 85]; «глаголы типа *подъехать* используются в тех случаях, когда конечный пункт концептуализуется как некий ориентир, к которому приближается объект» [Зализняк, 2000, с. 189]. Второе значение определяется как «действие совершается снизу, внизу чего-н.» [Толковый словарь русского языка, 1996, с. 51]; «направление действия, движение под предмет» [Барыкина, Добровольская, Мерзон, 1989, с. 43]; «окончание перемещения субъекта / объекта ниже пространственного ориентира» [Волохина, 1993, с. 84].

Русская Грамматика-80 представляет 9 типов значений приставки *под-* (*подо-*), и только три из них выражают значение направления: 1) глаголы со значением «действие направить вниз, подо что-нибудь»: *подлезть*; 2) глаголы со значением «действие направить снизу вверх»: *подлететь*; 3) глаголы со значением «приблизить(ся), присоединить(ся) к чему-нибудь с помощью действия»: *подойти*. [Русская грамматика, 1980, с. 367].

В современном русском языке глагольная приставка *под-* (*подо-*) является многозначной и до сих пор не сложилось единого мнения о ее локальном значении, поскольку на сегодняшний день нет четкой дифференциации двух пространственных признаков этой приставки, в частности глагол *подкатывать* — *подкатить* актуализирует семантику «*катить, приближая к чему-либо*» или «*закатывать подо что-либо*».

Наиболее уместным, на наш взгляд, является интерпретации Л.А. Вараксина, считающего, что глаголы движения с приставкой **под-** (**подо-**) выражают два значения: «значение направленности действия под предмет» и «значение приближения к чему-либо» [Вараксин, 1996, с. 81].

Таким образом, в нашем исследовании мы исходим из двух основных значений приставки **под-** (**подо-**): 1) «приближение к чему-нибудь»; 2) «движение подо что-нибудь».

1. Валентность глаголов движения с приставкой **под-** (**подо-**) в значении «приближение к чему-нибудь» представлена предложно-падежными формами локативных существительных в форме дательного падежа с предлогом *к* и выражена моделью V + Ррег К + дат. падеж.

Полтораста расседланных лошадей 1-й сотни спешенные казаки подогна́ли к Дону выше колена, от которого Дон под прямым углом сворачивает на восток (М. Шолохов. Тихий Дон).

На следующий день задолго до рассвета Давыдов разбудил спавшего на сеновале деда Шукаря, помог ему запрячь жеребцов и подъехал ко двору Харламовых. (М. Шолохов. Поднятая целина).

Перед восходом солнца к бригадной будке подъехал верховой.

Надо бы и ему спокойно подъехать к стану, спокойно поговорить, убедить людей в неуместности праздничных настроений,... (М. Шолохов. Поднятая целина).

Андрей подошел к крыльцу, глянул снизу вверх на старуху просящими глазами... (М. Шолохов. Поднятая целина).

Давыдов подошел к Федотке, шепотом спросил: — Видал ножичек? (М. Шолохов. Поднятая целина).

После ухода Бунчука Листницкий минут пять ходил молча, потом подошел к столу. (М. Шолохов. Тихий Дон, книга 2).

2. Сочетаемостный потенциал рассматриваемых глаголов с пространственной приставкой **под-** (**подо-**) со значением «движение подо что-н.» представлен также предложно-падежной формой локативных существительных в форме винительного падежа и предлога *под*:

Говорила Наташа, высовываясь в окно кареты и глядя на высокого толстого человека в кучерском кафтане, очевидно, наряженного барина по походке и осанке, который рядом с желтым безбородым старичком в фризовой шинели подошел под арку Сухаревой башни (Л. Толстой. Война и мир).

Подъезжая под мост Лейтенанта Шмидта, сверху кто-то плюнул (М. Зощенко. Фельетоны).

1. Передача русских глаголов движения с приставкой **под-** (**подо-**) простыми глаголами таджикского языка

Данный способ передачи непродуктивен, поскольку лишь несколько глаголов движения с приставкой **под-** (**подо-**) могут передаваться на таджикский язык простыми глаголами, в частности *подойти* – *подходить* → **омадан**, **расидан**; *подъехать* → **омадан**; *поднести-подносить* → **овардан**, **бурдан**, **расондан**; *подогнать* — *подгонять* → **рондан**.

Макар встал, подошел к Тимофею (М. Шолохов. Поднятая целина). — *Макар аз ҷояи бархеста ба сари Тимофей омад.*

Надо бы и ему спокойно подъехать к стану, спокойно поговорить, убедить людей в неуместности праздничных настроений,... (М. Шолохов. Поднятая целина). — *У мебоист*

оромона ба бошишгоҳ **омада**, ба одамон фаҳмонда меод, ки кайфияти идонашон он бемавридаст, ...

Перед восходом солнца к бригадной будке **подъехал** верховой (М. Шолохов. Поднятая целина). — Пеш аз тулӯи офтоб ба назди хоначаи бригада саворе **омад**.

Через полчаса они вдвоем **подъехали** ко двору Алексеевны на пароконной подводе (М. Шолохов. Поднятая целина). — Пас аз ним соат онон бо аробаи дуаспа ба назди ҳавлиши Алексеевна **омаданд**.

В кубрике миноносца ему **поднесли** еще стакан спирта (М. Шолохов. Поднятая целина) — Ба кубрики (хобгоҳи) киштии минаандоз баӯ як стакон идигар спирт **оварда** менӯшонанд.

На другой день перед вечером **подъехали** к хутору (М. Шолохов. Тихий Дон, книга 2) — Рӯзи дигар қарибиҳои бегоҳӣ ба хутор **расиданд**.

Однако анализ иллюстративного материала показал, что рассматриваемые глаголы движения могут быть переданы на таджикский язык и такими не зафиксированными в русско-таджикском словаре в качестве эквивалента простыми глагольными единицами как *рафт*ан и *бурдан*. Несмотря на то, что данные таджикские глаголы указывают на «движение от центра», а приставка **под-** (**подо-**) — на «движение к центру», переводчики сочли уместным данный вариант перевода, что, на наш взгляд, является неверным решением в силу неадекватности перевода. Сравните:

Подвел меня к ним мордатый, показал секретаря (М. Шолохов. Поднятая целина). — Ҷавони рафидарӯй маро ба пеши онҳобурда (вместо оварда) котибро нишон дод.

Подошел без кнута, глажу его по храпу, а он и мне на плечо голову положил и вздыхает... (М. Шолохов. Поднятая целина) — Қамчинро партофта ба пешаи **рафт**аму (вместо **омада**му — Ш.С.) рӯяширо сила кардан гирифтам, вай сарашро ба китфи манн монда оҳу фиғон кашид...

Давыдов решительно остановил своих лошадей, слез с арбы и **подошел** к дрожкам (М. Шолохов. Поднятая целина). — Давыдов бо қатъия титамом аспони худро боздошт; аз ароба фуромада, ба назди дрожки **рафт** (вместо **ома**).

Давыдов **подошел** к Федотке, шепотом спросил: — Видал ножичек? (М. Шолохов. Поднятая целина). — Давыдов назди Федотка **рафт**у (вместо **омаду**) пичиррос зада пурсид: — Кордчаро дидӣ?

Сваха **поднесла** ему вторую, и старик как-то сразу смешно опьянел (М. Шолохов. Тихий Дон, книга 2). — Қудозан ба ӯ румкаи дюймо **дод** (вместо овард) ва пирамард яқбора ба як тарзи хандаовар маст шуда монд.

2. Передача русских глаголов движения с приставкой **под-** (**подо-**) сложно-именными глаголами таджикского языка

Согласно данным русско-таджикского словаря глаголы движения с приставкой **под-** (**подо-**) могут быть переданы на таджикский язык следующими эквивалентами, по структуре соответствующими модели **V + N**: *подойти* — *подходить* → **назди комадан, наздик шудан**; *подъехать* — *подъезжать* → **наздик омадан, наздик шудан(савора)**; *подвести* — *подводить* → **наздик овардан, наздик бурдан, наздик кардан**; *подогнать* — *подгонять* → **найд кардан**; модели **Adv + N**: *поднести* (*разг.*) → **дартоз омадан, шитобон омадан, давон омадан, давон-давон омадан**; *подтащиться* (*разг.*) → **базӯр омадан, афтону хезон омадан**;

подкатиться → *ѓелон омадан*; модели **Adj + N**: *подогнать* — *подгонять* → *тезтар рондан*. Следует отметить структурное отличие от общей части рассматриваемых единиц глагола *ба таги чизе паридан* — *подлететь*, которое осложнено предлогом *ба* и образовано по модели **Prep + N + V**. Данный глагол, как и его русский эквивалент, включает семантику «движение подо что-нибудь».

Анализ указанных глаголов движения таджикского языка показал, что в качестве именной части могут быть задействованы такие существительные как *наздик*, наречия *дартоз*, *тозон*, *давон*, *афтону хезон*, *давон-давон*; а также прилагательное *тезтар*. В качестве модификаторов употребляются глаголы *шудан (гардидан)*, *кардан (намудан)*, *бурдан*, *омадан*. Приведем примеры функционирования сложно-именных эквивалентов глаголов движения с приставкой *под-* (*подо-*):

Андрей подошел к крыльцу, глянул снизу вверх на старуху просящими глазами... (М. Шолохов. Поднятая целина) — *Андрей ба пеши дари даромад наздик шуда, бо чаимони илтиҷоомез ба пиразан нигариста гуфт:...*

Тот подъехал, поворачивая свою невзрачную лошадедку, сбоку выжидаяще поглядел на есаула (М. Шолохов. Тихий Дон). — *Вай сари аспи назарногири худро гардонда, наздик омад, бо чаими интизор аз пахлу ба есаул нигоҳ кард.*

Листницкий угадал есаула Калмыкова, следом за ним подошел Чубов (М. Шолохов. Тихий Дон). — *Листницкий есаул Калмиковро шинохт, аз қафои вай Чубов наздик шуд.*

Тот подъехал, поворачивая свою невзрачную лошадедку, сбоку выжидаяще поглядел на есаула (М. Шолохов. Тихий Дон, книга 2) — *Вай сари аспи назарногири худро гардонда, наздик омад, бо чаими интизор аз пахлу ба есаул нигоҳ кард.*

3. Передача русских глаголов движения с приставкой *под-* (*подо-*) сложно-деепричастными глаголами таджикского языка

Передача русских глаголов движения с приставкой *под-* (*подо-*) сложно-деепричастными глаголами таджикского языка является наиболее продуктивным способом, поскольку преобладающая часть таджикских эквивалентов группы рассматриваемых русских глаголов в структурном плане соответствует этому типу сложных глаголов. Глаголы движения в таджикском языке представлены следующими сложно-деепричастными сочетаниями: *подойти* — *подходить* → *омада расидан*; *подбежать* — *подбегать* → *давида омадан, тохта омадан*; *поднести-подносить* → *бардошта овардан, бардошта бурдан*; *подвезти* → *оварда расондан, бурда расондан, оварда мондан, бурда мондан*; *подтащить* → *кашонда овардан*; *подкатить* → *ѓелонда овардан, тела дода овардан, ѓелонда бурдан*; *подогнать* — *подгонять* → *њай карда овардан, љай карда бурдан*; *подлететь* — *подлетать* → *парида омадан*; *подползти* — *подползать* — *хазида омадан, гавак кашида омадан, хазида дар омадан* (во 2-ом знач.); *подплыть* — *подплывать* → *шинокунон омадан*; *поднести* → *зудрасида омадан*; *подтащиться* (разг.) → *кашола шуда омадан*; *подкатиться* — *ѓелида омадан, ѓелида даромадан* (во 2-ом знач.), *ѓелида рафтан* (во 2-ом знач.)

Лагутин подбежал к Листницкому. (М. Шолохов. Тихий Дон) — *Лагутин ба пеши Листницкий давида омад.*

Так с рук на руки и передавали, пока наши не подбегли (М. Шолохов. Поднятая целина). — *То расид аомадани одамони мо... маро аз даст ба даст медоданд.*

Вот уснешь, **подползет** к тебе гадюка, тяпнет в притимное место, вот ты и отжениховался! (М. Шолохов. Поднятая целина). — *Хобат, ки бур дягон мори афъӣ хазида меояду чоӣ нозукатро мезагад, анна сонӣ ту аз баҳри домодшавӣ ҳам мебарой!*

Вскоре **подошел** Макар Нагульнов (М. Шолохов. Поднятая целина). — *Дере нагузашта, Макар Нагульнов расида омад.*

Геворкянц **подполз**, извиваясь по-змеиному (М. Шолохов. Тихий Дон, кн. 2). — *Геворкянс морвор печутоб хӯрда хазида омад.*

Примечателен также факт передачи русских глаголов движения с пространственной приставкой **под-** (**подо-**) таджикскими сложными глагольными конструкциями. Так, согласно данным русско-таджикского словаря, рассматриваемые глаголы в таджикском языке могут быть представлены следующими моделями: **Part + N + V** — *тохта наздик шудан* → *подбежать*; *бардошта наздик кардан* → *поднести*; *гелонда наздик кардан* → *подкатить*; *хазида наздик шудан* → *подползти*; *шино карда наздик шудан* → *подплыть*; **pastPart + N + V**: *шинокунон наздик шудан* — *подплывать*; **Part + Prep + N + V**: *давида ба пеш омадан* → *подбежать*; *давида ба таги (чизе) даромадан* → *подбежать* (во 2-ом знач.); *хазида ба таги (чизе) даромадан, гавак кашида ба таги (чизе) даромадан* → *подлезть* (во 2-ом знач.). Однако использование данных глаголов на примере нашего иллюстративного материала нами не было выявлено.

Таким образом, проведенный анализ теоретических данных и имеющегося в нашем распоряжении иллюстративного материала показал:

1) валентность глаголов движения с приставкой **под-** (**подо-**) в своем первом значении «приближение к чему-нибудь» представлена предложно-падежными формами локативных существительных в форме дательного падежа с предлогом *к*; а во втором значении «движение подо что-н.» представлена предложно-падежной формой локативных существительных в форме винительного падежа и предлога *под*:

2) русские глаголы движения с приставкой **под-** (**подо-**) передаются на таджикский язык простыми, сложно-именными и сложно-деепричастными глаголами. Вопреки данным русско-таджикского словаря, согласно которым самыми востребованными глаголами движения в таджикском языке являются сложно-деепричастные глаголы, было выявлено, что в художественной литературе и в повседневной разговорной речи носители таджикского языка чаще всего используют простые глаголы.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ приставочных глаголов движения с приставкой **под-** (**подо-**) с их таджикскими соответствиями позволил нам сделать следующие выводы. Дифференцированность признаков рассматриваемые приставочные глаголы движения проявляют и в своем сочетаемостном потенциале, демонстрируя специфичные свойства валентности. Сочетаемостный потенциал приставочных глаголов движения приставкой **под-** (**подо-**) в значении «приближение к чему-нибудь» в форме дательного падежа с предлогом *к*; со значением «движение подо что-н.» — в форме винительного падежа и предлога *под*.

Русские приставочные глаголы движения передаются на таджикский язык тремя способами: 1) посредством простых глаголов; 2) сложно-именными глаголами; 3) сложно-деепричастными глаголами. Структурно-сопоставительный анализ позволил выявить наиболее

лее продуктивный способ передачи для каждой глагольной приставки. Следует отметить в этой связи, что данные, приведенные в словарях, имеют значительное расхождение с таджикскими переводами художественных произведения русских писателей. Однако, обобщая полученные показатели, можем заключить, что наиболее продуктивным способом передачи русских глаголов движения с приставкой *под-* (*подо-*) является первый способ, то есть простые глаголы.

Список литературы

1. Барыкина А.Н., Добровольская В.В., Мерзон С.Н. Изучение глагольных приставок. 3 изд., перераб. и доп. Москва: Русский язык, 1989. 252 с.
2. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный университет», 1993. 225 с.
3. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. Москва: Языки русской культуры, 2000. 159 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: АЗЪ, 1995.
5. Русская грамматика. Т. 1. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. 783 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981. Т. 1: А–Й. 1981. 698 с.; Т. 2: К–О. 1983. 736 с.; Т. 3: П–Р. 1983. 752 с.; Т. 4: С–Я. 1984. 794 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.И. Ушакова. Москва: Астрель, Аст, 1996.
8. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. Москва: Прогресс, 1993. 324 с.

Nagzibekova M. B.

Grand Ph.D. (Philology), Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Tajik National University

Sharipova S. S.

Senior Lecturer, Department of General Linguistics, and Comparative Typology, Tajik National University

SEMANTIC, VALENCE AND TRANSFER OF RUSSIAN VERBS OF MOVEMENT WITH THE ATTACHMENT *под-* (*подо-*) IN THE TAJIK LANGUAGE

*The article analyzes semantics, valence and transmission of Russian verbs of movement with the prefix *под-* (*подо-*) into the Tajik language. A comparative analysis of the prefixal verbs of the movement in the Russian and Tajik languages leads to an extended and perfected study of the category of space. The noted differential semantic features, as well as the formulated correspondence rules for Russian prefixed verbs of the movement and their Tajik equivalents, can serve as the basis for further research in this direction.*

*Key words: the Russian language, the Tajik language, verbs of movement, the prefix *под-* (*подо-*), semantics, valence, modes of transmission.*

81-112: 82

Салимова Дания Абузаровна

Доктор филологических наук, профессор

кафедры русского языка и литературы, Елабужский институт,

Казанский федеральный университет

423600, г. Елабуга, ул. Тугарова, д. 8

Тел.: +79172633228

E-mail: daniya.salimova@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ ПЛАСТЫ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
В ТЕКСТОВОМ ПОЛЕ «ЗАПИСОК КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ» Н. А. ДУРОВОЙ**

В статье освещена краткая диахронно-синхронная (этимологическая, стилистическая) характеристика заимствованных слов в тексте известного автора XIX в. Надежды Дуровой. Попытка связать языковой материал с историко-культурной атмосферой России начала XIX в. века реализована на выводах о роли разных тематических пластов заимствований в тексте военной прозы.

Ключевые слова: Надежда Дурова, текст, военная лексика, заимствования, этимология.

Введение

Актуальность темы данной статьи обусловлена, с одной стороны, современными социокультурными процессами в русском языке, которые характеризуются проникновением в его лексическую систему большого количества иноязычных слов; с другой, — значимостью пласта заимствований в лексической системе русского языка в диахронном плане, то есть во все периоды развития, в том числе — и в XIX в. Этот «золотой век» в истории русского общества (и культуры), как известно, характеризуется огромными социально-экономическими и политическими изменениями и как следствие — большим потоком заимствованных лексем в систему русского языка. Таких «нововведений» вполне закономерно стало много и в художественных текстах, особенно в тех, авторами которых стали люди — непосредственные участники исторических событий в судьбе России.

Основная часть

Обращение к творчеству Н.А. Дуровой, автора, произведения которого в лингвистическом плане исследованы очень мало, объясняется особой значимостью исследований, проводимых на материале ее произведений как уникальном образце развития региональной лингвистики XIX в., в контексте возрождения национальной культуры. Произведения Натальи Андреевны, человека героической биографии, первой женщины-офицера, прожившей большую часть жизни в малом провинциальном городке Елабуге, представляют собой огромный интерес в аспекте связей региональной литературы с общерусским литературным и социокультурным процессом; исследования в этом направлении позволяют установить границы самобытности региональной культуры и специфические черты, создающие «региональный текст» в русской

культуре [Салимова, 2014]. Материалом послужили более двухсот заимствованных слов, извлеченных методом сплошной выборки из «Записок» и проанализированных в нескольких ракурсах, например, сквозь призму подачи таких слов в этимологических словарях.

Вспомним: исследованию различных аспектов заимствования иноязычной лексики в русском языке посвящены труды И.С. Елисеевой, Л.А. Ильиной, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, Е.В. Ларионовой, Т.Н. Мамонтовой, В.В. Мартынова, И.Л. Медведевой и др. Как мы знаем, заимствования из древних языков (греческого, латинского), тюркизмы, галлицизмы, слова из голландского, немецкого, английского и т. д. осваивались русским языком в разные исторические эпохи, при этом, не нанося серьезного ущерба его национальной самобытности, а наоборот, обогащая его и расширяя лексическую систему.

Краткий исторический экскурс. В начале XIX столетия в рядах русских войск, сражавшихся в Пруссии, появилась загадочная личность — кавалерист-девица, русская амазонка, выступавшая под мужским именем (Соколов, потом Александров). Позднее она участвовала в войне с Наполеоном, совершила геройский подвиг и была награждена высшим знаком военного отличия — Георгиевским крестом. Нестандартность этого "происшествия в России" долгое время волновала не только армию, но и все слои общества. Истинный смысл истории гусара-девушки был не в романтической загадке, а в том патриотическом подвиге, который впоследствии стал примером любви к России, отечеству.

В 1836 г. А.С. Пушкин напечатал в своем журнале "Современник" отрывки из записок Надежды Андреевны Дуровой, веденных ею в 1812–1813 гг. Тепло встреченные гением русской литературы, "Записки кавалерист-девицы" [Дурова, 1979] были вскоре выпущены отдельным изданием и имели огромный успех. И хотя на титульном листе книги не было имени автора, героиня Отечественной войны и талантливый автор Н.А. Дурова стала известна всей России.

Во-первых, рассматривая этимологию заимствований, употребленных Н.А. Дуровой в произведении «Записки кавалерист-девицы», следует отметить, что из выборки в двести лексических единиц, большое количество слов иноязычного происхождения относится к тюркским языкам и, прежде всего, татарскому языку. Таково, например, происхождение следующих слов: *чекмень, чулок, сарай, караул, чемодан, амбар* и др. *Матушка, не находя уже удовольствия в обществе, вела затворническую жизнь. Пользуясь этим обстоятельством, я выпросила у отца позволение ездить верхом; батюшка приказал сшить для меня казачий чекмень и подарил своего Алкида* [Дурова, 1979, с. 10]. Слово *чекмень* заимствовано из татарского языка, где чикмэн — «суконный кафтан» [Фасмер, 1986, т. 4, с. 326]. *Ничвалодов отвечал за меня, что я в одних чулках. «Вот прекрасный дежурный! ну, сударь, идите хоть в чулках!»* [Дурова, 1979, с. 108]. Слово *чулок* заимствовано еще в древнерусскую эпоху из тюркских языков (например, в татарском: чолчак, "портянки, онучи"), где оно является производным от чул- (чол-, шул- и др.) "обвертывать, кутать". *Чулок* буквально означал "портянки, онучи", далее (ср. древнерусское слово *чулькъ*) — "исподняя легкая обувь" и затем — "чулок". В этом значении в тюркских языках слово является русизмом (например, татарское слово *челке*) [Фасмер, 1986, т. 4, с. 380]. Весьма интересно, что слово, когда-то пришедшее из тюркских языков в русский, сегодня оценивается как русизм, используется в основном в диалектах: *чолкэ* (теплые длинные чулки). *Я занимаю обширный сарай, это моя зала* [Дурова, 1979, с. 102]. Слово *сарай* заимствовано в XVII веке из татарского языка, где оно означало «дом; дворец; караванса-

рай; комната для жилья; стойло; тележный сарай» [Фасмер, 1986, т. 3, с. 560]. *Вчера я пришла к нему часу в десятом рапортовать о исправности караулов и чуть было не спросила его самого: «встал ли полковник?»* [Дурова, 1979, с. 158]. К тюркизмам относятся также *чемодан, анбар* (вместо амбар), *улан* и другие слова, выявленные нами в повести Н. Дуровой. К слову, сам А.С. Пушкин, анализируя «Записки...» автора, использовал эту лексему: "С неизъяснимым участием прочли мы признание женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным" [Дурова, 1979, с. 77].

В анализируемом произведении Н.А. Дуровой мы находим следующие слова, заимствованные из французского языка: *артиллерия, каска, деспот, аллея, фланг, офицер, карьер, бал, экипаж, квартира, саква, арсенал* и др. Полк наш в этом сражении мало мог принимать деятельного участия: здесь громила *артиллерия* и разили победоносные штыки пехоты нашей; впрочем, и нам доставалось, мы прикрывали артиллерию, что весьма невыгодно, потому что в этом положении оскорбление принимается безответно, то есть должно, ни на что несмотря, стоять на своем месте неподвижно [Дурова, 1979, с. 26].

Пользуясь этим, я поехала смотреть, как действует наша *артиллерия*, вовсе не думая того, что мне могут сорвать голову совершенно даром [Дурова, 1979, с. 30].

Слово *артиллерия* вошло в русский язык из французского языка (*artillerie* — суффиксальное производное от *artillier* «снабжать орудиями») через польский язык (*artyleria*) конца XVII в. [Фасмер, 1986, т. 1, с. 89].

Более трех недель стоим мы здесь; мне дали мундир, саблю, пику, такую тяжелую, что мне кажется она бревном; дали шерстяные эполеты, каску с султаном, белую перевязь с подсумком, наполненным патронами; все это очень чисто, очень красиво и очень тяжело! [Дурова, 1979, с. 20]. Слово *каска* заимствовано в начале XVI в. из французского языка, где *casque* означает «шлем» [Фасмер, 1986, т. 2, с. 206]. *Дед мой был величайший деспот в своем семействе; если он что приказывал, надобно было слепо повиноваться, и не было никакой возможности ни умилостивить его, ни переменить однажды принятого им намерения* [Дурова, 1979, с. 2]. Слово *деспот*, заимствованное из французского языка в конце XVII века, где *despote* — «господин, хозяин дома, начальник» [Фасмер, 1986, т. 1, с. 507]. *Большая каштановая аллея, темная как ночь, ведет от крыльца помещичьего дома к небольшому беленькому домику, обсаженному кругом липами* [Дурова, 1979, с. 51].

Желая пройти несколько пешком по прекрасной тенистой аллее, которая ведет от Ютерзейна к Пенибергу, встали мы оба с своего кабриолета; я обернула возжжи около медной шишечки спереди кабриолета и, в надежде на смирение старого коня, пустила его идти по дороге одного [Там же, с. 112]. Слово *аллея* заимствовано через польский язык (*aleja* «аллея») из французского языка (*allée* «проход, дорога»). Французское слово *allée* является производным от *aller* «идти» [Фасмер, 1986, т. 1, с. 71].

С этого достопамятного дня жизни моей отец вверил меня промыслу божию и смотрению флангового гусара Астахова, находившегося неотлучно при батюшке как на квартире, так и в походе [Дурова, 1979, с. 4]. *Полк наш примыкал левым флангом к какой-то деревишке; в ней не было уже ни одного человека* [Там же, с. 91]. Слово *фланг* было заимствовано в эпоху Петра I из французского языка, где «*flanc*» означал «бок» [Фасмер, 1986, т. 4, с. 198]. *Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда*

вырываются у них слова: *лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву! Разумеется, они говорят это друг другу вполголоса, а в таком случае офицер не обязан этого слышать* [Дурова, 1979, с. 91].

«Куда ты едешь, Александров?» — спросил меня офицер лейб-эскадрона, находившийся в передней линии наших стрелков [Там же, с. 92]. Слово *офицер* заимствовано в Петровскую эпоху через немецкий язык из французского языка, где *officier* (лат. *officiarius*) «должностное лицо; служащий» [Фасмер, 1986, т. 3, с. 174].

Итак, я взводила его за недоуздок в руках и, когда была на ровном месте, отыскивала пень или бугор, с которого опять садилась на спину Алкида, и до тех пор хлопала рукою по шее и щелкала языком, пока добрый конь пускался в галоп, вскачь и даже в карьер [Дурова, 1979, с. 6]. Слово *карьер* в приведенных выше контекстах означает «самый быстрый бег лошади», заимствовано из французского *carriere* «ипподром, карьер» [Фасмер, 1986, т. 2, с. 205].

Я так же ревностно посещаю графские балы и так же ревностно танцую, как и мои новые товарищи [Дурова, 1979, с. 158]. Здесь и занятия мои и удовольствия были совсем другие; тетка была строгая женщина, наблюдавшая неослабный порядок и приличие во всем; она жила открыто, была знакома с лучшим обществом из окружных помещиков, имела хорошего повара и часто делала балы; я увидела себя в другой сфере [Там же, с. 8]. Слово *бал*, согласно данным словаря М. Фасмера, появляется в русском языке в начале XVIII в. и происходит от французского слова *bal*, образованного от глагола *baller* «танцевать» [Фасмер, 1986, т. 1, с. 111].

Входя на двор, я увидела необыкновенную суетливость и беготню людей полковника; увидела множество экипажей и верховых лошадей [Дурова, 1979, с. 15].

Мы не заметили, что лошадь, чувствуя легкость экипажа, стала прибавлять шаг; но, наконец, я увидела, что она далеко ушла вперед; я побежала, чтобы остановить ее, но этим сделала то, что лошадь также побежала, и все шибче, шибче, вскачь и, наконец, во весь дух [Дурова, 1979, с. 112]. Слово *экипаж* заимствовано в XVIII в. из французского языка, где *équipage* (команда; команда корабля; снаряжение) является производным от *équiper* (снаряжать судно) [Фасмер, 1986, т. 4, с. 515].

С окончанием этого вопроса дежурный и жид в одну секунду исчезли; их обоих словно вихрем вынесло за дверь, и через десять минут экипаж офицера подкатился к крыльцу моей квартиры [Дурова, 1979, с. 74]. Не видя надобности дожидаться его возврата, мы ушли на свою квартиру [Там же, с. 112]. *Лексема квартира* заимствовано в начале XVIII в. из французского языка *quartier* через немецкий язык *Quartier* [Фасмер, 1986, т. 2, с. 217].

Непонятно современному читателю слово «саква»: Саквы его были наполнены разною провизией и возвышались двумя холмами по бокам его лошади [Дурова, 1979, с. 23]. Казаки, поймавшие моего Алкида, сняли с него саквы с сухарями, плащ и чемодан; я получила свою лошадь с одним только седлом, а все прочее пропало! [Там же, с. 24–25]. Слово *сак* (саква) заимствовано в XIX в. из французского языка, где *sac* (сумка, мешок), восходит к греческому *sakkos* (мешок) [Фасмер, 1986, т. 3, с. 546].

Слово *лагерь* заимствовано в Петровскую эпоху из немецкого языка, где *Lager* (лагерь, логово) производное от той же основы, что и *liegen* (лежать) [Фасмер, 1986, т. 2, с. 445]. Через полчаса, когда печаль моя несколько утихла, я встала, чтоб скинуть свое женское платье;

подошла к зеркалу, обрезала свои локоны, положила их в стол, сняла черный атласный капот и начала одеваться в казачий униформ [Дурова, 1979, с. 145].

Слово *униформа* в словаре М.Фасмера отсутствует, однако можно предположить, что это слово заимствовано из немецкого языка, в котором *Uniform* (*форма; форменная одежда; мундир; обмундирование*).

В произведении встречаются также заимствования из польского языка: *коляска, карета, трактир, штык, пан, религия, компания, навигация, кляштор, экспедиция* и др. *Полковник и я сели в коляску и отправились в Раздорскую станицу, где был у него дом* [Там же, с. 15]. *Наконец мы пустились в путь к Петербургу. Коляска наша чуть двигается, мы тащимся, а не едем* [Там же, с. 38]. Слово *коляска* заимствована в конце XVII в. из польского языка, в котором *kolaska* (*повозка*) образовано от *kolo* (*колесо*) [Фасмер, 1986, т. 2, с. 300].

Слово *штык* заимствовано в начале XVIII в. из польского языка, в котором *sztyk* (*острие, укол*), производное от немецкого *stechen* (*колоть*) [Там же, т. 4, с. 481–482]. *Но, к несчастью, выбор этот не был выбором отца ее, гордого властолюбивого пана малороссийского* [Дурова, 1979, с. 2]. Слово *пан* заимствовано из польского и чешского языков, где *pan* (*господин, помещик*) [Фасмер, 1986, т. 3, с. 195–196]. Встречаются в произведении слова, редко употребительные в современном русском языке: *Въехали таинственно, без шума, с предосторожностями вытянули фронт против стен какого-то кляштора, и Вонтробка послал унтер-офицера и четырех гусар в этот кляштор искать беглецов наших. Разумеется, посланные возвратились ни с чем, потому что кляштор был кругом заперт* [Дурова, 1979, с. 52]. Слово *кляштор* заимствовано из польского языка в начале XVIII века, где *klasztor* (*католический монастырь*) [Фасмер, 1986, т. 2, с. 261].

В произведении встречаются также заимствования из других языков, например, из арабского: *кандалы. Я привыкла к своим кандалам, то есть к казенным сапогам, и теперь бегаю так же легко и неутомимо, как прежде; только на ученье тяжелая, дубовая пика едва не отламывает мне руку, особливо, когда надобно вертеть ею поверх головы: досадный маневр!* [Дурова, 1979, с. 21]. Слово *кандалы* заимствовано из арабского языка, в котором слово *qandani* (*двойные путы*) — форма двойственного числа от *qaid* (*завязка*) [Фасмер, 1986, т. 2, с. 178]. Из голландского языка заимствовано слово *клинок*, в котором слово *kling* (*клинок, лезвие боевого оружия*) [Там же, т. 2, с. 251: «Я буду носить тебя с честью», — сказала я, поцеловав клинок и вкладывая ее в ножны [Дурова, 1979, с. 11]. Слово *флюгер* также имеет голландское происхождение *vleugel* (*крыло, флюгер*). Оно было заимствовано в эпоху Петра I [Фасмер, 1986, т. 4, с. 200].

Таким образом, анализ заимствованной лексики в произведении Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» показал, что в произведении встречаются главным образом заимствования из французского, татарского, немецкого и польского языков.

Во-вторых, тематический аспект исследования заимствований позволяет заключить: большая часть этимологически «чужеродных» слов относится к бытовой и военной лексике, при этом налицо закономерность: тюркизмы характерны в основном для бытовой лексики. *Улан, выслушав приказание, тогда же взял меня с собою в сборню, так называется изба, а иногда и сарай, где учат молодых солдат всему, что принадлежит до службы* [Дурова, 1979, с. 19]. Единственным исключением из данного тематического ряда является слово *караул*, относящееся к военной тематике:

Заимствования из французского языка по своей тематике, в основном, — это военные термины: *артиллерия, каска, фланг, офицер, арсенал, эскадрон* и т. д. Он приметно обрадовался моему предложению, и я тотчас спросила артиллерийского унтер-офицера, возьмет ли он под свой присмотр раненого улана и его лошадь? [Там же, с. 31]. Беспрепятственно льется дождевая вода на каску, сквозь каску на голову, по лицу за шею, по всему телу, в сапоги, переполняет их и течет на землю несколькими ручьями! [Там же, с. 26]. Взглянув, куда он указывал, мы увидели скачущую к нам во фланг неприятельскую кавалерию; в одно мгновение Подьямпольский командовал: «Второму полку эскадрону правое плечо вперед» [Там же, с. 84]. В одну из этих остановок раздался близ меня повелительный возглас: «Господин офицер!» [Там же, с. 128]. Эти случаи представлялись всякий раз, как к матушке приезжали гости; она занималась ими, а я, я, не помня себя от радости, бежала в сад к своему арсеналу... [Там же, с. 5]. Кроме военной тематики, встречаются слова французского происхождения, относящиеся к конному делу, например, слово «*карьер*», которое означало самый быстрый бег лошади:

Также в тексте распространена обиходная лексика, заимствованная из французского языка: *бал, экипаж, саква, квартира, аллея* и т. д.: *Ильинский пошел; а я, сев на кабриолет, поехала занять квартиру, где, отдав немцу-работнику лошадь свою в смотрение, пошла к начальнику этого города* [Там же, с. 112]. Эмоционально-оценочный характер имеет слово *деспот*, заимствованное из французского языка, и характеризующее человека властного, не терпящего пререканий со стороны: *Бесполезно бедная девица уверяла, что не может петь, что она простудилась, что у нее насморк и болит горло; деспот дядя ничему не внимал и настоятельно требовал, чтоб она сию минуту пела; должно было покориться и запеть перед двумя молодыми уланами: она запела!* [Там же, с. 124].

Заимствования из немецкого языка большей частью относятся к военной тематике: *лагерь, ротмистр, ранжир, егерь, триумф, униформа*: *Третьи сутки прошли так же: лагерь занят под местечком Кадневым. Я не в силах долее выносить; возвратясь из лагеря в местечко, я послала улана на дорогу смотреть, когда покажется полк, и дать мне знать, а сама пошла на квартиру в намерении что-нибудь съесть и после заснуть, если удастся* [Там же, с. 81]. *Я с великим удовольствием повезла этот прекрасный ответ своему ротмистру* [Там же, с. 85].

Сев, я опустила повод, и мой конь, верный, превосходный конь мой перескочил ров и прямо через кустарник понес меня легким, быстрым скоком прямо к полку, догнал его в четверть часа и стал в свой ранжир [Там же, с. 25]. *Впереди нас егеря перестреливаются с неприятельскими стрелками через речку; наш полк поставлен тотчас за егерским; но как нам совсем уже нет дела, то и приказано сойти с лошадей* [Там же, с. 24].

Заимствования из польского языка, как правило, представлены бытовой тематикой: *коляска, карета, трактир* и т. д.: *Мать моя поспешно отпирает эту маленькую дверь и бросается в объятия ротмистра, ожидавшего ее с коляскою, запряженною четырьмя сильными лошадьми, которые, подобно ветру, тогда бушевавшему, понесли их по киевской дороге* [Там же, с. 2]. *Однако ж Ильинский, Рузи и я остались в трактире поужинать на скорую руку и после пустились догонять эскадрон вскачь, гремя по каменной мостовой* [Там же, с. 111].

Среди заимствований из польского языка в тексте часто видим слова из религиозной тематики: *кляштор*, а заимствования *компания, навигация, экспедиция*, встречающиеся в произведении, относятся и к обиходной, и к военной лексике:

Я думала, что будет приступ; но вся тревога наша кончилась тем, что мы бросили в Гарбург несколько десятков бомб и ушли обратно на свои квартиры. Экспедиция эта сделала вред одной только мне [Там же, с. 111]. В качестве обозначения господина используется слово *пан*: *Поручение мое казалось мне довольно щекотливым, и оттого я пришла в большое замешательство, когда увидела дом пана Л*** в десяти шагах от себя* [Там же, с. 74]. Слово *штык* относится к военной тематике: *Милорадович везде посылал одну меня, и я во все продолжение маневров летала в своем золотом мундире с мантией на плечах, как блестящий метеор, мелькая среди стреляющих, марширующих, кричащих «ура!» и идущих на штыки* [Там же, с. 60].

Таким образом, характеризуя тематический состав заимствованной лексики, можно отметить следующее. Большая часть заимствований из татарского языка описывает быт, предметы одежды, обихода и т. п. Заимствования из французского и немецкого языков по своей тематике в основном — военные термины. Заимствования из польского языка, как правило, представлены бытовой тематикой.

Стилистико-функциональные особенности использования ряда заимствованных слов из текста позволяют делать тоже интересные с точки зрения современного языка выводы. В повести мы выявили как слова-заимствования, ставшие уже давно примерами общеупотребительной лексики, так и лексемы, значение которых можно понять, лишь при обращении к справочникам. Например, заимствование *саква* означает небольшой мешок у кавалеристов и артиллеристов для сухарей, овса, крупы, соли и т. п. *Казак, поймавший моего Алкида, снял с него саквы с сухарями, плащ и чемодан; я получила свою лошадь с одним только седлом, а все прочее пропало!* [Там же, с. 24–25]. Слово *ранжир* — типичный варваризм, не вошедший в русский язык. Иноязычный облик слова резко выделяет его на фоне лексики русского языка. У Н.А. Дуровой данное слово фигурирует в качестве термина, обозначающего структурное подразделение воинского формирования: *Воротившись к своему эскадрону, я не стала в свой ранжир, но разъезжала поблизости: новость зрелища поглотила все мое внимание* [Там же, с. 23]. *Советую тебе умирать на коне и в своем ранжире, а то предрекаю тебе, что ты или попадешься бесславно в плен, или будешь убит мародерами, или, что всего хуже, будешь сочтен за труса!* [Там же, с. 28]. В современном русском языке *ранжир* практически не используется, но широко употребляется глагол *ранжировать* и отглагольное имя *ранжирование*.

Употребление слова *триумф* в следующих контекстах, с точки зрения современного языка, стилистически неоправданно: *Станкович все делает с каким-то излишним триумфом* [Там же, с. 51]. *Но все уже кончилось скорее, нежели ожидали: меня и Алкида вели в триумфе обратно каждого в свое место* [Там же, с. 7], что позволяет делать нам вывод о том, что в XIX в. слово «триумф» имело более широкий диапазон употребления.

Бросается в глаза словоформа *униформ*, которая обозначает военное обмундирование. В произведении Н.А. Дуровой данное заимствование употребляется в форме мужского рода, что нетипично для современного русского языка, в котором существует имя существительное *униформа*, относящаяся к разряду имен существительных женского рода: *Через полчаса, когда печаль моя несколько утихла, я встала, чтоб скинуть свое женское платье; подошла к зеркалу, обрезала свои локоны, положила их в стол, сняла черный атласный капот...* Заимствованное из арабского языка слово *кандалы* в следующем примере употреблено Н.А. Дуровой в переносном

смысле. Метафорический перенос основан на сходстве признаков, когда казенные сапоги, так же как и кандалы, затрудняют передвижение в силу их неудобства: *Я привыкла к своим кандалам, то есть к казенным сапогам, и теперь бегаю так же легко и неумолимо, как прежде; только на ученье тяжелая, дубовая пика едва не отламывает мне руку, особливо, когда надобно вертеть ею поверх головы: досадный маневр!* [Дурова, 1979, с. 21].

Заключение

Использование широкого пласта заимствованной лексики в «Записках» Н. Дуровой вполне закономерно: автор — непосредственный участник боевых действий, пешком и на коне объехавшая Европу, побывавшая во многих странах, встречавшаяся с носителями разных языков и представителями разных государств, прекрасно знала это лексическое поле-континуум, состоящее из многоголосой и многоязыковой палитры. Так, уже для текстов начала XIX в. была характерна такая полифония русского художественного текста. Несомненно, важен учет этого аспекта в подготовке студентов-филологов и, что подчеркнем особо, обучающихся в городе, в котором долгую жизнь проживала Н. Дурова, то есть эта тема переплетается как с интегративными связями дисциплин, так и воспитанием толерантности к народам в полиязычном регионе. Этимолого-стилистический анализ ономастического корпуса «Записок» представляет тоже огромный научный интерес, такое исследование — перспективный ресурс в создании картины языковой личности автора Н. Дуровой.

Список литературы

1. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. Переиздание. Казань: Татарское кн. изд-во, 1979. 200 с.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 тт. Т. 6: Критика и публицистика. / А.С. Пушкин. Ленинград: Наука, 1978. 765 с.
3. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23426252> Салимова Д.А. Антропонимы как поэтонимы в текстах «елабужских авторов (на материале «Записок кавалерист-девицы Н.А. Дуровой) // Многоязычие в образовательном пространстве. Сер. "Языковое и межкультурное образование". Ижевск, 2014. С. 214–217.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / Пер. с нем. и доп. члена-корресп. АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. проф. Б.А. Ларина. Москва: Прогресс, 1986.

Salimova D. A.

*Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Elabuga Institute, Kazan Federal University*

BASIC LAYERS OF A LOANED VOCABULARY IN THE TEXT FIELD OF THE "NOTES OF THE CAVALRY-WOMEN" BY N. A. DUROVA

The article covers a brief diachronic-synchronous (etymological, stylistic) characterization of loan words in the text of the famous 19th century author Nadezhda Durova. An attempt to link language material with the historical and cultural atmosphere of Russia at the beginning of the 19th century is based on conclusions about the role of different thematic layers of loan in the text of military prose.

Keywords: Nadezhda Durova, text, military vocabulary, loan words, etymology.

УДК 81`34

Симонова Александра Вадимовна

Магистрант,

Амурский государственный университет

675027, Амурская область, г. Благовещенск, шоссе Игнатьевское, д. 21

Тел.: +74162234500

E-mail: IllAlexandraSimonovalll@yandex.ru¹,

Андросова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры иностранных языков,

Амурский государственный университет, г. Благовещенск

675027, Амурская область, г. Благовещенск, шоссе Игнатьевское, д. 21

Тел.: +74162234500

E-mail: androsova_s@mail.ru²

**К ВОПРОСУ ОБ АЛЛОФОНАХ ФОНЕМЫ /Т/И ЕЁ ФОНЕМНЫХ ЗАМЕНАХ
В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ВОКАЛЬНОЙ РЕЧИ**

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей реализации переднеязычной смычно-взрывной фонемы /t/ в афроамериканском рэпе. В данной работе рассматривается такое явление как «эбоникс», описываются основные теории происхождения данного языкового образования, уделяется внимание рассмотрению его современного лингвистического статуса. Афроамериканский рэп рассматривается как феномен, совмещающий в себе черты вокальной и спонтанной речи. Результаты акустического анализа позволили выявить фонетические характеристики, свойственные стандартному американскому и британскому вариантам английского языка и фонетические черты, характерные только для данного этносоциолекта.

Ключевые слова: эбоникс, одноударные аллофоны, глоттализация, эллиптирование, компенсаторное удлинение, ассимиляция, нестандартная вокализация.

Введение

Представители афроамериканской этнической группы обладают уникальной культурой, одним из элементов которой является афроамериканский этносоциолект (эбоникс), вызывающий интерес у исследователей не только благодаря своим грамматическим и лексическим особенностям, но и неповторимой фонетикой.

В эпоху глобализации музыкальная культура афроамериканцев получила распространение за пределами США, а такое течение как хип-хоп, и рэп в частности, стало инструментом выражения протеста среди молодёжи по всему миру. На сегодняшний день у нас есть возможность поближе познакомиться с фонетическими тенденциями современной афроамериканской вокальной речи, представленной главным образом в афроамериканском

песенном рэп-творчестве. С этой целью было необходимо провести акустический анализ современной афроамериканской вокальной речи. В задачи настоящей работы входило описание особенностей реализации согласной переднеязычной фонемы /t/ в вокальной речи афроамериканцев.

Основная часть

Язык афроамериканцев, или «эбоникс», стал объектом научных изысканий сравнительно недавно [Коваленко, 2010]. В современном лингвистическом сообществе существует 3 основных теории происхождения афроамериканского английского: креольская, диалектическая и социолингвистическая [Заграевская, 2012]. Согласно первой теории, эбоникс возник как инструмент коммуникации между рабами, привезёнными в Соединенные Штаты из Африки, и их белыми хозяевами, а затем креолизировался [Кушнарева, 2011].

Согласно второй теории, эбоникс — результат слияния ряда африканских языков и диалектов северной и южной диалектных зон американского варианта английского языка [Милосердова, 2008]. Третья теория предполагает, что эбоникс был сформирован в результате ряда социальных факторов, и развивался не только как принимающая система, но и как самостоятельная система [Douglas, 2004].

Относительно современного статуса эбоникса учёные по сей день не могут прийти к консенсусу: некоторые утверждают, что эбоникс является самостоятельным языком, некоторые сходятся во мнении о том, что эбоникс — диалект, третьи определяют язык афроамериканцев как говор в пределах американского английского [Милосердова, 2008; Language Jones, 2014; UA, 2015]. Мы, соглашаясь с мнением Т.Б. Заграевской, считаем, что эбоникс является этносоциолектом [Заграевская, 2012].

Афроамериканское население США, обладая особой культурой, старается сохранить культурную информацию и передать её окружающим. Для этого используются различные средства. Одним из таких средств является музыкальное искусство.

Вокальная речь, будучи частью песенных произведений, является не только инструментом хранения и передачи культурных ценностей, но и отражает современное состояние языка: его грамматическую структуру, лексический состав, фонетическую систему. Вокальная речь присутствует в различных музыкальных жанрах. Одним из них является хип-хоп. Музыка хип-хопа состоит из двух основных элементов: рэпа (ритмичного речитатива с чётко обозначенными рифмами) и ритма, задаваемого диджеем [Deliarap, 2019].

Особенность данного музыкального направления заключается в том, что он занимает пограничное состояние: с одной стороны, благодаря своей ритмической составляющей, речитатив относится к вокальной речи, с другой стороны, — схож с устной заготовленной или спонтанной речью.

Для выявления особенностей реализации переднеязычной смычной фонемы /t/ в афроамериканском рэп-творчестве были отобраны рэп-композиций а капелла, исполнителями которых являются афроамериканцы:

50 Cent (имя при рождении — Кёртис Джеймс Джексон III; родился 6 июля 1975 года в бедном районе Нью-Йорка Куинс) [Encyclopedia, 2019];

SnoopDogg (имя при рождении — Келвин Кордозар Бродус-младший; родился 20 октября 1971 года в городе Лонг-Бич штата Калифорния; на данный момент проживает в Калифорнии) [Biography, 2019];

Jay-Z (имя при рождении — Шон Кори Картер; родился 4 декабря 1969 года в районе Бруклин, Нью-Йорк; в настоящее время проживает в Лос-Анджелесе) [24 СМИ, 2019].

Общая продолжительность аудиофайлов составила 10 минут 40 секунд. Основным инструментом для исследования послужила компьютерная программа обработки речевого сигнала PRAAT. После отбора аудиотреков был проведен акустический анализ в ходе которого были обозначены границы слов и границы реализаций фонемы /t/ или замещающих её аллофонов других фонем во всём звуковом материале. Были получены спектрограммы и осциллограммы, демонстрирующие особенности реализации рассматриваемой фонемы в потоке вокальной речи афроамериканцев.

В результате эксперимента были получены следующие результаты.

Среди особенностей, характерных для стандартного американского варианта английского языка [Андросова, 2012; Караваева, Андросова, 2015 б], были выявлены случаи глоттализации фонемы /t/ перед смычно-взрывным: *cannotco-exist* [kə'na?kouvəg'zɪs], *getknocked* [gɪ?'nɑ?], *don't bite* [do?'baɪ?], *thatBrooklyn* ['ðæ'brʊklɪn]; перед сонорным: *that Mc Donald's* ['ðe?mæk'danəls], *brought my* ['bo?mɑ], *eightmillion* [eɪ?'mɪljən], *gotitmade* ['gɑɪ?'meɪ], *actlike* ['eklaɪ]; а также перед паузой: *youat* [ju'ε?], *pot* [pɑ?] и т. п.; также были выявлены случаи реализации импловзивного аллофона перед межзубным /ð/: *atthe* [εɪ?ðə], *outthat* ['ɑʊt?ðe?], *bitethe* [baɪ?ðə].

Кроме того, частотными были реализации одноударного аллофона в интервокальной позиции, *attitude* ['εretsu], *at a* ['εrə], *but I got a* [bʌɪl'gɑrə] и т. д., а также между сонорным и гласным (как вариация интервокальной позиции): *waitin' to blow* ['weɪnɪrə 'blou]. В результате вместо фонемы /t/ была реализована /t/ в виде своего одноударного аллофона.

Были также отмечены случаи ассибиляции перед /j/: *got you* ['gɑtʃu], *statue* ['stɛfʃu], *eatyou* ['i:ʃu] и т. д.; и аффрикатизация /t/ под влиянием сонорного /r/: *street* [ʃfri], *Sinatra* [sɪ'nɑfrə], *pastry* [peɪʃfi]. Здесь результатом была замена фонемы /t/ на фонему /tʃ/.

Весьма многочисленны случаи выпадения /t/ из сочетания /nt/: *ain'ta* ['emə], *ain'tgonna* ['eɪŋgənə], *gentlemen* ['dʒɛnlmən] и т. д.; из сочетания /st/: *nextto* ['nekstə], *eastside* ['i:ssa], *westside* ['wɛssa], *coast* [kɔʊs], *toast* [toʊs] и т. д.; из сочетания /kt/: *disrespectmy* [dɪsrɪs'pekma], *disrespectful* [dɪsrɪs'pekfʊl] и т. д. (см. таблица 1). Эти и другие особенности полностью соответствуют тем фонетическим процессам, которые характерны для современного стандартного американского варианта английского языка, а также британского (см. подробнее [Караваева, Андросова, 2015 а, б]) и, скорее всего, для других вариантов.

В данной таблице наглядно представлены модификации смычно-взрывной /t/, соответствующие стандартному варианту американского английского, выявленные на основе материала исследования. 1 колонка «Кол-во» отражает количество выявленных случаев реализации определённой модификации смычно-взрывной фонемы /t/; 2 колонка «Особенности реализации» содержит тип реализованной в материале исследования модификации фонемы; 3 колонка «примеры» содержит конкретные примеры реализации определенной модификации в материале исследования.

Таблица 1

Модификации смычно-взрывной фонемы /t/, соответствующие стандартному варианту американского английского

Кол-во	Особенности реализации	Пример
17	одноударный /t/ в интервокальной позиции	<i>liberty</i> ['libəri]
1	одноударный /t/ между сонорным и гласным	<i>waiting to blow</i> ['weɪrə'bləʊ]
14	глоттализация перед смычно-взрывным	<i>don't bite</i> [dɒn't'baɪtʔ]
5	глоттализация перед сонорным	<i>brought my</i> ['brɔʔmə]
4	глоттализация перед паузой	<i>you at</i> [ju'ɛʔ]
3	реализация имплозивного аллофона перед /ð/	<i>bitethe</i> ['baɪtʔðə]
3	ассибиляция перед /j/	<i>got you</i> ['gɔtʃu]
3	аффрикатизация под влиянием сонорного /r/	<i>pastry</i> [peɪʃrɪ]
10	выпадение /t/ из сочетания /nt/	<i>ain't a</i> ['eɪnə]
5	выпадение /t/ из сочетания /st/	<i>Westside</i> ['wɛsɪd]
4	Выпадение /t/ из сочетания /kt/	<i>disrespectful</i> [dɪsrɪs'pekʃəl]

Помимо этого, были отмечены особенности, несвойственные стандарту. Так, были выявлены случаи выпадения /t/ перед слоговым /l/: *little nigga* ['lɪl 'nɪgə], где по стандарту положен одноударный (см. рис. 1), а также перед /l/ на словесной границе: *out loud* [əʊ'laʊ], где по стандарту положена глоттализация (рис. 2).

Выпадение вместо стандартной глоттализации — явление в нашем материале нередкое: перед паузой: *bigshot* ['bɪʃʌ], *street* [stri:t], *out* [aʊ] (рис. 3); перед фарингальным /h/ в *sweetheart* ['swi:ha], *ithere* [ɪ'hɪə], *forgothow* [fə'gə'ha] (стандарт предполагает гортанную смычку) (рис. 4); перед сонорными в *at me* [əm'mi:], *about me* [ə'baʊm'mi:] (сопровождалось значительным компенсаторным удлинением /m/) (рис. 5), *what we* ['wɒt wɪ] (стандарт — гортанный взрыв) (рис. 6), перед взрывным шумным в *break it down* ['breɪkɪ 'daʊn], *getdown* [gɪ'daʊn].

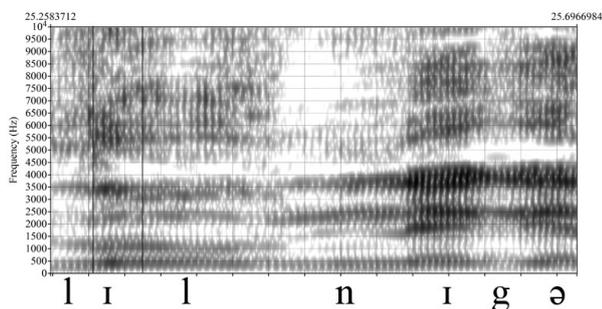

Рисунок 1. Выпадение /t/ перед слоговым /l/ в *little nigga* ['lɪl 'nɪgə].

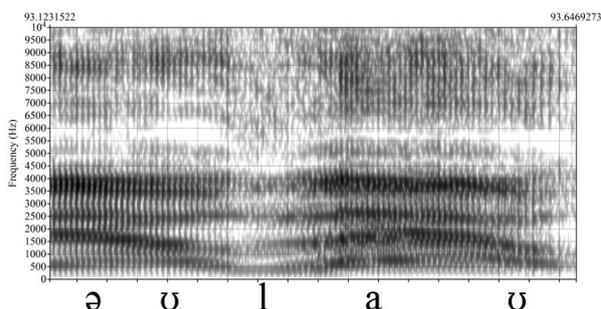

Рисунок 2. Выпадение /t/ перед /l/ на словесной границе в *out loud* [əʊ'laʊ].

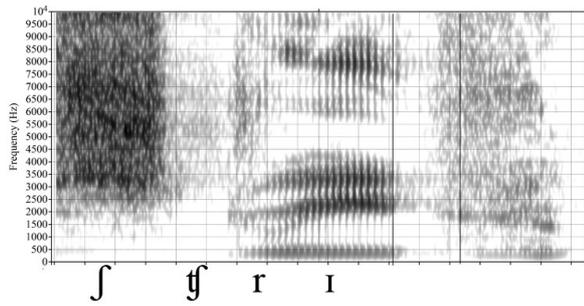

Рисунок 3. Выпадение /t/ перед паузой в *street* [stʃri:t].

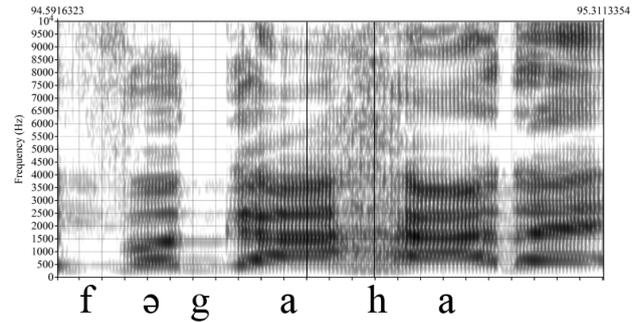

Рисунок 4. Выпадение /t/ перед фарингальным /h/ в *forgothow* [fə'gə'ha:].

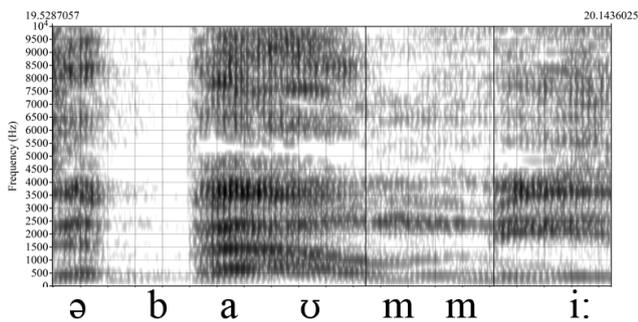

Рисунок 5. Выпадение /t/ перед сонорным в *about me* [ə'baʊt'mi:], сопровождаемое удлинением /m/.

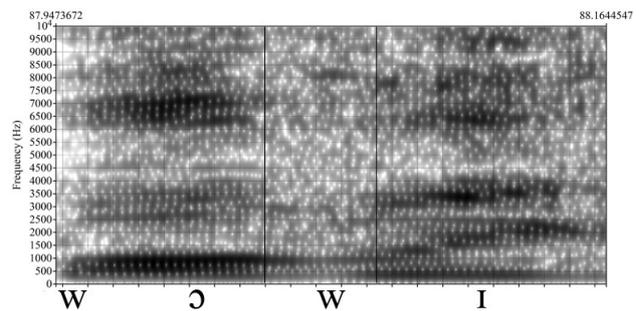

Рисунок 6. Выпадение /t/ перед сонорным в *what we* ['wɒ wɪ].

К другим случаям нестандартного выпадения относятся: выпадение /t/ после /f/ в *softinthe* ['sɒfɪnə] (рис. 9), выпадение /t/ из сочетания /ts/ в *it'sSnoopDogg* [ɪnsʊp'dɒg], *that'sjust* [ðæs'dʒʌs], *Igotsway* ['agəswɛɪ], *StateStreet* ['steɪstɪt] (рис. 7). В группе примеров на /ts/ и /st/ после выпадения, в отличие от стандарта, часто происходило значительное компенсаторное удлинение оставшегося звука (мы обозначили его удвоением соответствующего транскрипционного знака): *it's easy* [ɪs'eɪ], *it's been* [ɪs'bi:n], *that's* [ðɛs] (рис. 8); *hardest* ['hɑrɛs], *breakfast* ['brekfəst], *that's* [ðɛs] и т. д.

Наконец, отметим после стандартного выпадения /t/ нестандартную вокализацию /n/ в *can't sleep* [kænsli:p], *can'tsave* [kænsɛɪ] (рис. 10); нестандартную глоттализацию /t/ перед суффиксом *-ing*, из которого выпал гласный, образовав требуемую позицию, в *fronting* [frʌŋŋ], *waiting* [weɪŋŋ], *sitting* [sɪŋŋ] (в стандарте /t/ должен был выпасть) (рис. 11), а также нестандартную глоттализацию шумных щелевых /f/, /ð/ в консонантном кластере в *fifty* [fɪʔtɪ], *with toasts* [wɪʔtəʊs] (в стандарте глоттализация затрагивает только смычно-взрывные) (рис. 12). Также имела место нестандартная спирализация начального /t/ в *next time* [nɛks'taɪm] первый [t] выпал и вместо [st] реализовался удлинённый переднеязычный шумный [s] (рис. 13); помимо неё, в исследуемом материале наблюдается спирализация /t/ перед сонорным /j/ в *attitude* [ɛrɛʔɪu] (рис. 14). Все описанные случаи нестандартной реализации представлены в таблице 2.

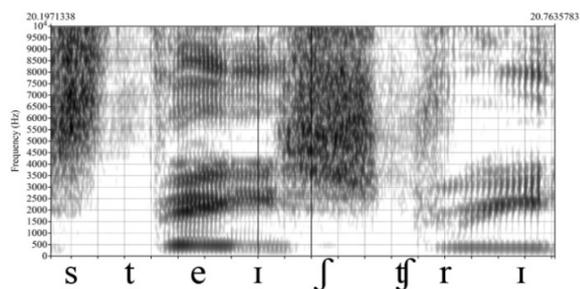

Рисунок 7. Выпадение /t/ из сочетания /ts/ в StateStreet [ˈsteɪ ˈʃtri].

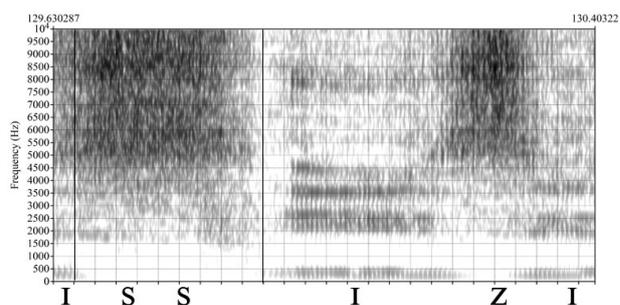

Рисунок 8. Выпадение /t/ из сочетания /ts/ из it's easy [ɪts ˈi:zi], с удлинением /s/.

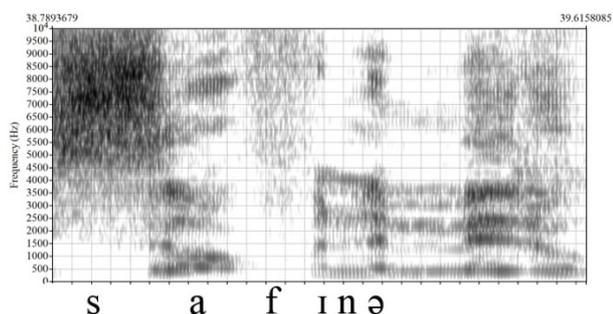

Рисунок 9 (слева). Выпадение /t/ после фрикативного /f/ в softinthe [ˈsɒftɪnə].

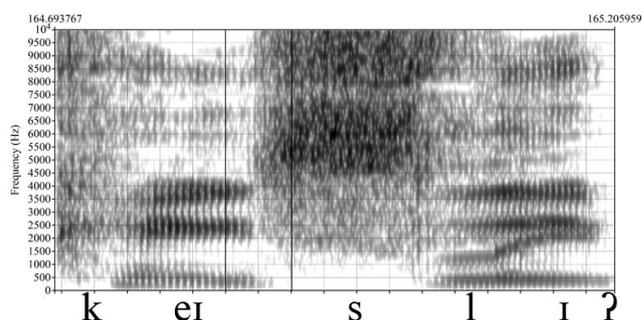

Рисунок 10. Выпадение /t/ сопряженное с нестандартной вокализацией /n/ в can't sleep [kæɪslɪʔ].

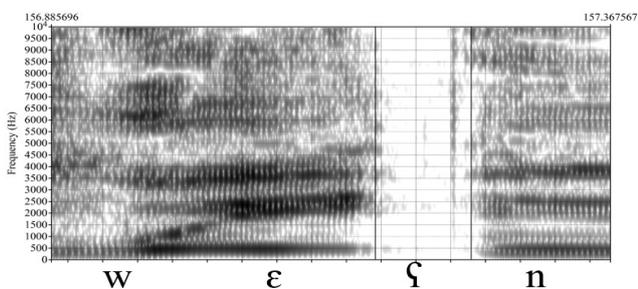

Рисунок 11. Глоттализация /t/ перед суффиксом -ing в waiting [weɪtɪŋ].

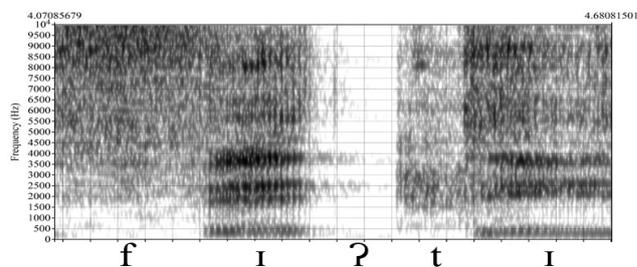

Рисунок 12. Глоттализация шумных щелевых /f/ в консонантном кластере в fifty [fɪftɪ].

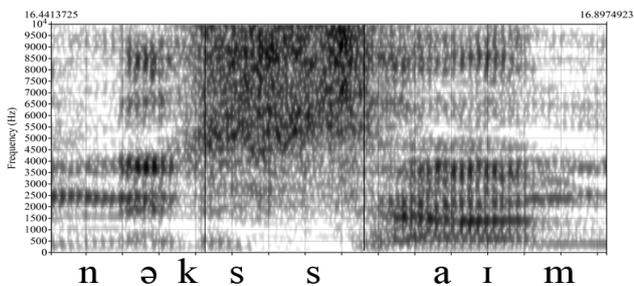

Рисунок 13. Спирантизация начального /t/ в next time [nɛksts aɪm].

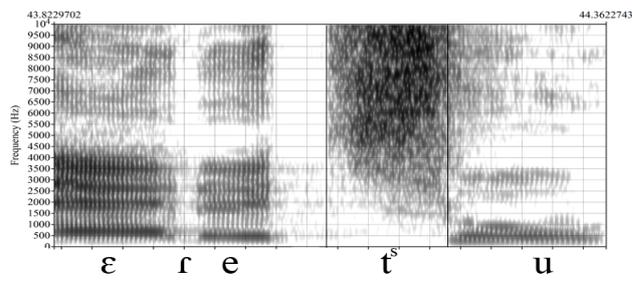

Рисунок 14. Спирантизация /t/ перед гласным /u/ в attitude [ætɪtʰuːd].

Таблица 2

Модификации смычно-взрывной /t/, несоответствующие стандартному варианту американского английского

Кол-во	Особенности реализации	Пример
6	глоттализация /t/ перед суффиксом –ing	<i>waiting</i> [weiʔn]
2	глоттализация шумных щелевых /f/, /ð/ в консонантном кластере	<i>fifty</i> [fiʔʔi]
1	спирантизация начального /t/	<i>next time</i> [nəks'saim]
1	спирантизация /t/ перед гласным /u/	<i>attitude</i> [εrəʔu]
8	выпадение /t/ из кластера /st/ и компенсаторное удлинение /s/	<i>breakfast</i> ['brɛkfəss]
4	выпадение /t/ из /ts/ (без компенсаторного удлинения оставшегося звука)	<i>I got sway</i> ['agə'swei]
3	выпадение /t/ перед паузой	<i>be shot</i> ['bɪʔʌ]
3	выпадение /t/ перед фарингальным /h/	<i>sweetheart</i> ['swi:ha]
3	выпадение /t/ с компенсаторным удлинением переднеязычного щелевого /s/	<i>it's easy</i> [iss'izi]
2	выпадение /t/ перед сонорным (с компенсаторным удлинением сонорного)	<i>about me</i> [ə'baʊm'mi:]
2	выпадение /t/ перед сонорным (без компенсаторного удлинения сонорного)	<i>what we</i> ['wɔwi]
2	выпадение /t/ перед взрывным шумным	<i>break it down</i> ['brɛki'dɛ]
2	выпадение /t/ и вокализация предшествующего ему сонорного звука	<i>can't sleep</i> [kɛɪsɪʔ]
1	выпадение смычно-взрывного /t/ перед /l/ на словесной границе	<i>out loud</i> [əʊ'ləʊ]
1	выпадение смычно-взрывного /t/ перед слоговым /l/	<i>little nigga</i> ['lɪl 'nɪgə]
1	выпадение /t/ после /f/	<i>soft in the</i> ['sɒfɪnə]

В данной таблице наглядно представлены модификации смычно-взрывной /t/, несоответствующие стандартному варианту американского английского, выявленные на основе материала исследования. 1 колонка «Кол-во» отражает количество выявленных случаев реализации определённой модификации смычно-взрывной фонемы /t/; 2 колонка «Особенности реализации» содержит тип реализованной в материале исследования модификации фонемы; 3 колонка «примеры» содержит конкретные примеры реализации определённой модификации в материале исследования.

Заключение

На сегодняшний день среди лингвистов, занимающихся изучением эбоникса, нет единого мнения относительно статуса данного языкового образования. Однако нам представляется правильным определение эбоникса как этносоциолекта, возникшего и развивающегося на основе американского варианта английского языка. В основе эбоникса лежит фонемная сис-

тема американского английского языка, согласные фонемы которой подвергаются определённым модификациям как в стандартном варианте языка, так и в рамках этносоциолекта. Рэп-творчество носителей афроамериканского этносоциолекта обладает двойственным характером: с одной стороны, речитатив сопоставим с вокальной речью, с другой стороны — с заготовленной / спонтанной речью. Рэп содержит аутентичный речевой материал, отражающий фонетические тенденции эбоникса.

В данной статье были рассмотрены особенности реализации смычно-взрывной фонемы /t/ в потоке вокальной речи носителей афроамериканского этносоциолекта (эбоникса). Исходя из результатов настоящего исследования, в афроамериканском рэп-творчестве имеют место как реализация стандартных модификаций фонемы /t/, её замена на другие фонемы и эллиптирование, так и реализация особенностей, несвойственных стандартному американскому варианту английского языка; последние носят заметно более радикальный характер в сравнении со стандартными модификациями, хотя и развиваются в схожем направлении.

Список литературы

1. Андросова С.В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи). Дис. ... д. филол. н, Благовещенск, 2012. 535 с.
2. Заграевская Т.Б. Генезис афроамериканских этноформ английского языка: оригинальные и заимствованные идеи в отечественной лингвистике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. С. 104–108.
3. Заграевская Т.Б. Проблема дискретизации континуума афроамериканских этноформ // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4, ч. 1. С. 88–93.
4. Караваева В.Г., Андросова С.В. Аллофонное варьирование интервокального /t/ в британском новостном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. 2015а. № 10. Вып. 95. С. 81–89.
5. Караваева В.Г., Андросова С.В. Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015 б. Вып. 1. № 2. С. 5–20.
6. Коваленко Н.И. История возникновения и развитие афроамериканского диалекта // Материалы 2-й научно-практической конференции студентов ФИЯ НГПУ «Формирование Лингвострановедческой и психолого-педагогической компетенции». Новосибирск, 15–20 февраля 2010 г. Новосибирск: Изд-во «Государственный педагогический университет», 2010. С. 15–20.
7. Кушнарёва Е.С. К вопросу об истории возникновения Black English // Молодой ученый. 2011. № 5. Т. 2. С. 22–25.
8. Милосердова Л.В. Социальный статус афроамериканского варианта английского языка // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. № 2. С. 147–157.
9. Теоретическая фонетика английского языка. Учебно-практическое пособие / Сост. А.В. Зырянова. Челябинск: Изд-во «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2016. 154 с.
10. Биография 50 cent // Encyclopedia.com: электронная энциклопедия. URL : www.encyclopedia.com/people/literature-and-arts/music-popular-and-jazz-biographies/50-cent (дата обращения: 17.04.19).
11. Биография Jay Z // 24 СМИ: медиа портал]. URL: www.24smi.org/celebrity/2718-dzhej-zi.html (дата обращения: 05.05.19).

12. Биография SnoopDogg // Biography: электронная библиотека данных о музыкальных деятелях URL: www.biography.com/musician/snoop-dogg (дата обращения: 25.04.19).
13. Блог о социолингвистике и антропологии Тэйлора Джоунса // Language Jones: информационный портал 2014. URL: www.languagejones.com/blog-1/2014/6/8/what-is-aave (дата обращения: 01.04.19).
14. Официальный сайт языкового центра // UA: образовательный портал 2015. URL: www.center-ua.com/interesno-znat/dialekty-vseh-yazykov/afroamerikanskij-anglijskij/?mode=list (дата обращения: 01.04.19)/
15. Электронный словарь // Delairap.Com: информационный портал — 2013. URL: www.delairap.com/uchebnik/slovar-rap/ (дата обращения: 02.04.19).
16. Энциклопедическая статья на тему «хип-хоп» // Russica.ru: электронная энциклопедия. URL: www.russika.ru/t.php?t=4224 (дата обращения: 17.04.19).
17. Douglas S. Segregation and stratification // Du Bois Institute for African and African American Research : офиц. сайт. URL: www.doi.org/10.1017/S1742058X04040032.htm (дата обращения: 11.03.19).

Simonova A. V.

Master student,

Amur State University

Androsova S. V.

Grand Ph.D. (Philology),

Professor of the Foreign Languages Department,

Amur State University

/T/ ALLOPHONES AND ITS SUBSTITUTE PHONEMES IN AFRO-AMERICAN SINGING

The current paper investigates realization patterns of voiceless front stop /t/ and other phonemes that substitute it in Afro-American rap. We consider the theories of Ebonics emerging and its status. We also view Afro-American rap as the phenomenon that combines the features of sing and casual speech. The results of its acoustic analysis enabled to discover the phonetic properties of Standard American and British that overlap with the ones characteristic only for Ebonics.

Keywords: Ebonics, taps/flaps, glottalization and glottaling, omission, compensatory lengthening, assibilation, misnomer vocalization

УДК 811.1

Царенко Наталья Михайловна

Ассистент кафедры английского языка, магистр филологии,
Ярославский государственный педагогический университет им К.Д. Ушинского
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Тел.: 8 (4852)213795
E-mail: tsarenkonm@mail.ru

**КОГНИТИВНАЯ НЕОЛОГИЧНОСТЬ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Данная статья посвящена вопросу неологичности дискурсивных маркеров. Автор обосновывает процесс появления дискурсивных маркеров путем частичной или полной деграмматики или десемантизации, а так же через неологизацию, путем семантических инноваций, заимствований или через собственно неологизацию. Для доказательства приводятся многочисленные примеры современных дискурсивных маркеров русского и английского языка преимущественно молодежного сленга, так представители именно этого слоя общества наиболее предрасположены к непосредственному применению неологизмов в речи.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, неологизм, прагматическая функция, деграмматизация, десемантизация.

Введение

Дискурсивные маркеры (ДМ) как особый класс единиц языка является объектом изучения отечественных и зарубежных лингвистов. Само понятие «дискурсивный маркер» имеет многочисленные синонимы и трактовки, например «дискурсивные частицы», «линкеры», «прагматы», «прагматические коннекторы» и др. Многие зарубежные лингвисты характеризуют ДМ как дискурсивные скрепы, то есть языковые единицы, способствующие логическому построению высказывания, не влияющие на общее содержание высказывания [Swan, 2005, 151; Fraser, 1996; Schiffrin, 1987].

Отечественные исследователи подчёркивают прагматическую функциональность ДМ, так как они способны реорганизовывать взаимодействие между коммуникантами и выражать их отношение к сказанному [Викторова, 2014; Когут, 2014; Каменский, 2015; Царенко, Шустова, 2018а, 2018б].

Особый интерес вызывает понимание ДМ, высказанное М.В. Каменским. ДМ для исследователя — это формальные экспликативы когнитивных связей в структуре дискурса, прагматические интенсификаторы пресуппозиций и когнитивные регуляторы ситуации общения [Каменский, 2015, с. 59].

Таким образом, ДМ наделяются особым когнитивным потенциалом, который передает определенную эксплицитную или имплицитную информацию, выстраивает устное или письменное оформление когнитивной деятельности адресанта и реализует в высказывании его интенции и намерения.

Основная часть

Постоянное появление новых ДМ того или иного языка обусловлено их коммуникативностью и непредметностью значения, которое можно вычленишь только в контексте. Многие ДМ являются частично или полностью деграмматизированными (*look, listen, like, anyway, now, значит, это самое, тина*) или частично или полностью десемантизированными (*well, kind of, sort of, вот, ведь, то*) языковыми единицами. ДМ служат для заполнения пауз в разговорной речи (функции хезитации), поиска, (*Well, I mean, you know... Значит, я там, это самое, пошел.*), рефлексии (*Today is a kind of a new task, yeah? Петров что ли, или как там его?*), дейксиса (*Listen, he has gone already. Вот тут вот видишь?*), аппроксимации (*She has bought a new T-shirt and some other stuff. Да там у него и ветрянки, и температура, в общем, полный набор*), аппеляции (*Hey, are you listening? Слышь, ты там где?*), этикетной функции (*Could you tell me the time? Извините, а где можно найти Иванову А.А.?*), оценки (*Ok, why not to go there. Ладно, от меня не убудет*) и др.

В речевой деятельности всегда наблюдается противостояние двух максим П. Грайса — максимы количества и максимы ясности, а использование ДМ в речи способствует преодолению этих противоречий. В момент порождения речи говорящий выбирает лучший способ адекватно отразить свои мысли и намерения, при этом, не используя большого количества слов. При оформлении речевого высказывания говорящий изначально определяется с типом иллокутивного акта, а затем осуществляет поиск лексических единиц для его смыслового наполнения [Заботкина, 2012, с. 128]. ДМ выступает в качестве способа компрессии информации когнитивного и прагматического характера.

Появление новых ДМ в результате деграмматизации и десемантизации (полной или частичной) лексической единицы связано с процессом речевого творчества, что можно охарактеризовать в терминах неологизации. Как отмечает В.И. Заботкина, говорящий переводит свой внутренний лексикон во внешний, то есть происходит семантический процесс, при котором неясные прагматические, в данном случае, смыслы формируются в пучки признаков, для которых происходит поиск соответствующей формы [Заботкина, 2012, с. 126].

В качестве подтверждения процесса неологизации при появлении нового ДМ можно привести слова Е.С. Кубряковой об акте номинации, при котором происходит общая категоризация значения, затем субкатегоризация с последующим поиском «тела» [Кубрякова, 1988], которое в нашем случае уже могут существовать, но несколько с другим значением. Получается, что процесс номинализации может осуществляться и по принципу аналогии в случае ДМ. Таким образом, неологичные ДМ можно разделить на две основные группы в терминах В.И. Заботкиной — собственно неологизмы и семантические инновации или переосмысления [Заботкина, 2012, с. 101].

На основании выше перечисленного, нам представляется возможным сформулировать утверждение о том, что часть ДМ являются неологизмами определенный период времени, пока их новое семантическое значение не будет закреплено повсеместно в языке. В разговорном дискурсе употреблению неологичных ДМ наиболее подвержены подростки и молодое поколение (до 35 лет), так как они в большей степени готовы к инновациям, как в жизни, так и в языке.

В качестве примеров неологичных дискурсивных маркеров русского языка могут служить *ништяк* (*Ты на это запала? Ништяк, пусть я лапты склею! — Пусть!*), *очешуенно* (*Очешуенно! Получилось же.*), *шикардос* (*как тебе мой новый свитшот? — Шикардос просто!*) с прагматической функцией одобрения.

Ряд неологичных ДМ были заимствованы из английского языка путем адаптационного перевода. Таким, например, является лексическая единица *бугага*, которая возникла благодаря переводу слова *bazinga* из сериала «Теория большого взрыва» («*Слушай, это просто что-то с чем-то, ну, такое бугага, и ты понимаешь, он сидит там и бугагашенька, пытается что-то рассказать, а в итоге ржут только те, кто все это со стороны видит, ну, бугага просто...*»). В молодежном сленге данный ДМ обозначает что-то очень смешное, заставляющее смеяться. То же самое происходит с заимствованием *йеп* (*да*) и *ноуп* (*нет*), только в данном случае эти лексические единицы не подвергаются переводу (*Ты пьян? — Ноуп. Йеп, мэм, — американский от-вет Лучникова прозвучал весьма подозрительно для ушей русских дам*). Крайнюю степень удивления можно выразить при помощи *ничоси* (*Ну ты даешь! Ну дела! Ничоси!*).

В качестве ДМ письменной речи, как в русском, так и в английском языках можно выделить аббревиатуру *омг* (*OMG — Oh my God!*), которая сейчас становится употребительной в молодежном сленге устного общения (*Омг как же мне понравилось вчера!!! You did it! OMG!*). Значение данного ДМ может трактоваться как крайняя степень удивления, шока или даже испуга.

Фонетические ДМ маркеры так же переживают внедрение неологизмов, например *азазаза*, *уруруру*, *мимими* («*И тут он такой мимишный, уруруру сплошное, так и хочется потискать, уурррр*»). «*Азазаза я, кажется, забыл студак дома, все, крышка мне. Азазазазаза... А без студака можно в корпус попасть?*»). Совершенно новым фонетическим ДМ можно считать звукоподражательную единицу *аици*, которая была заимствована из корейского языка, обозначающего междометие со значением раздражения (*Аици! Сколько можно тебе повторять!*).

Одним из самых общеупотребительных современных английских ДМ с функцией аппроксимации является и *stuff* (*We brought her yearbook and some other stuff*). Для заполнения пауз часто сейчас используется *kinda* (*Hey, bro, you look kinda... kinda sick*). Лексическая единица *derp* может быть использована в качестве восклицания подчеркивающего глупость (*Derp! Something is amiss here correct me if I am wrong*), в качестве синонима можно привести *damn* (*Damn, no Sake? No soft cheese? No raw fish? No hot dogs*). ДМ *sqwee* предполагает выражение сильной радости (*This is the singer's third marriage, but her first child. Sqwee!*).

Новые междометия *yech* или *yuck*, ограниченные в употреблении, выражают сильное отвращение (*Yuck! There's a freakin' fly in my soup!*). От данного междометия образовалось прилагательное *yucky / yukky* *отвратительный*, употребляемое преимущественно детьми и подростками (*Trey vomited all over the floor and it was yucky!*).

Заключение

Можно сделать вывод о том, что неологичные ДМ существуют только в течение определенного исторического периода, затем переходят в ранг постоянных ДМ или же исчезают из употребления. В качестве ДМ могут выступать лексические единицы, принадлежащие к разным классам, функционируя в дискурсе как его организаторы, обеспечивающие когезию и когерентность.

Список литературы

1. Викторова Е.Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Новая серия. Т. 14. Сер. Филология. Журналистика. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2014. Вып. 1. С. 10–15.
2. Заботкина В.И. Слово и смысл. Москва: РГГУ, 2012. 428 с.

3. Каменский М.В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров. Дисс... д. фил.н. Ставрополь, 2015. 495 с.
4. Когут С.В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 18–23.
5. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. Монография. Москва: Наука, 1986. 159 с.
6. Царенко Н.М., Шустова С.В. Дискурсивные маркеры в прагмалингводидактическом аспекте // Вестник Пермского исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018а, № 2. С. 8–16.
7. Царенко Н.М., Шустова С.В. Дискурсивные маркеры: прагмалингводидактический подход. Монография. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2018б. 148 с.
8. Fraser V. Pragmatic markers // Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1996. No. 6(2). P. 167–190.
9. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
10. Swan M. Practical English Usage. Oxford: Oxford University Press, 2005. 688 p.

Список иллюстративных источников

1. НКРЯ (Национальный корпус русского языка). URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 01.06.19).
2. Словарь молодежного сленга. URL: <https://teenslang.su/content/%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82%D0%B8> (дата обращения: 03.06.19).
3. NOW Corpus (News on the Web). URL: <https://corpus.byu.edu/now/> (дата обращения: 01.16.19).
4. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 03.06.2019).

Tsarenko N. M.

Teacher, Master,

Yaroslavl State Pedagogical University

COGNITIVE NEOLOGICAL DISCOURSE MARKERS (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

This article focuses on the question of the neologicity of discursive markers. The author justifies the process of the emergence of discursive markers by partial or complete degrammatization or desemantization, as well as through neologization, by semantic innovations, borrowings or through neologization itself. To prove it numerous examples of modern discursive markers of Russian and English, mainly of youth slang, are given, as representatives of this particular section of society are most prone to the direct use of neologisms in speech.

Key words: discourse marker, neologism, pragmatic function, degrammatization, desemantization.

УДК 811.11

Юшкова Людмила Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой профессионального иностранного языка
 для специальностей Института права, социального управления и безопасности,
 Удмуртский государственный университет
 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корпус 4, офис 306
 Тел.: 8(3412)916006
 E-mail: jushkova1@yandex.ru

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ В РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ
 (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛОВ)**

Данная статья посвящена проблеме словообразовательной метафоризации, рассматриваемой с позиций когнитивного и структурно-семантического подходов. Основное внимание в статье уделяется анализу разговорных глагольных лексем, образованных путем сочетания мотивирующей глагольной основы и приглагольного компонента — наречия или частицы. В статье на конкретных примерах рассматриваются разные типы словообразовательной метафоризации в этой лексической области.

Ключевые слова: разговорная лексика, глагольные единицы, словообразовательная метафоризация, идиоматичность, словообразовательная мотивированность.

Введение

Цель данной статьи заключается в том, чтобы представить результаты анализа словообразовательной и лексической семантики немецких разговорных глагольных единиц с приглагольными компонентами наречного и предложного характера и выявить некоторые причины их идиоматичности, обусловленные метафорическим переосмыслением. Материалом для исследования послужили разговорные глагольные единицы с превербальными компонентами пространственной семантики. Под идиоматичностью (немотивированностью) в статье понимается отсутствие равенства между значением производного слова и значениями составляющих его компонентов. При этом признается, что мотивированность словообразовательных конструкций может варьироваться от полной, когда морфемный состав и значение производных лексем прозрачны, до нулевой, когда ни одна из входящих в ее состав морфем не соотносится семантически с соответствующими непродизводными морфемами [Fleischer/Barz, 1992, S. 18; Käge, 1980, S. 13–23].

Основная часть

Значительное количество демотивированных глагольных единиц составляют лексемы, при образовании которых глагольная основа была подвергнута метафоризации.

К. Леманн описывает лексикализацию метафоры как трехступенчатый процесс [Lehmann, эл. р.]:

- 1) инновативная / креативная метафора (*schwängere Vision*);

2) конвенциональная / узуальная метафора (*spitze Bemerkung*);

3) мертвая / лексикализованная метафора (*Spaß machen*).

Подобный механизм характерен, на наш взгляд, и для лексикализации словообразовательных конструкций, в частности, для рассматриваемых в рамках данной статьи глаголов с превербальными компонентами пространственной семантики.

Пространственная метафора относится к базовым метафорам [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 35; Кубрякова, 1997, с. 26–30] и служит образцом для сопоставления и отображения абстрактных сущностей, принадлежащих другим понятийным системам [Юшкова, 2017, с. 323]. Метафорические представления, основанные на внутреннем сходстве конкретных и абстрактных явлений и сущностей, наиболее характерны для пространственной когнитивной системы. Регулярная повторяемость пространственных метафор способствует их узуализации, а впоследствии может приводить к полному стиранию метафорического образа.

Инновативная метафора неотъемлемый элемент разговорного языка и других языковых разновидностей, характеризующихся неофициальностью, спонтанностью, непринужденностью. Семантическое преобразование основы или всей конструкции в целом в разговорном словообразовании носит, как правило, выраженный креативный характер. В результате внешней несогласованности семантики мотивирующего глагола и приглагольного компонента усиливается эмоционально-экспрессивный потенциал лексемы, ее креативный характер выражен сильнее.

Примерами могут служить глагольные единицы с компонентом *hinein-*, у которых приглагольный компонент выражает пространственное значение «движения внутрь ограниченного пространства», а метафоризированный в процессе словообразования мотивирующий глагол обозначает не способ движения, а другое действие или процесс: *hineinrasseln* — попасть во что-либо, неожиданно для себя очутиться в какой-либо ситуации (мотивирован звукоподражательным глаголом *rasseln* — греметь, грохотать), *hineinriechen* — (фам.) поверхностно, бегло ознакомиться с чем-либо, не вникнув в суть (мотивирован глаголом, обозначающим чувственное восприятие, *riechen* — 1. нюхать; 2. пахнуть).

В отличие от креативной метафоры *лексикализованная метафора* не ощущается, что лишает производную единицу экспрессивных возможностей и способствует нейтрализации стилистической маркированности глагольной единицы, расширению сферы ее функционирования и ее возможному переходу в литературный лексический пласт.

Так, значение слова *zulernen* — пополнять знания, учиться новому — складывается из значения мотивирующего глагола и значения приглагольной частицы *zu-* «добавление, увеличение объема чего-либо», которое регулярно реализуется в словообразовании разговорных глагольных единиц, применительно как к конкретной, так и к абстрактной сфере.

Поэтому внешнее несоответствие семантических структур компонентов производной лексемы (мотивирующий глагол в основном значении не обозначает способ добавления или увеличения) не оказывает существенного негативного влияния на ее мотивированность. Активной лексикализации и деидеоматизации способствует также наличие в немецком языке аналогичных конструкций и регулярное использование глагольной единицы в речи [<https://www.dwds.de/wb/zulernen>].

Можно выделить несколько типов метафорических преобразований, характерных для разговорных глагольных единиц.

Метафоризация приглагольного компонента.

В основе производных значений приглагольных частиц лежат конкретные пространственные семы, которые выполняют функцию инварианта в их семантической структуре [Кронгауз, 2001, с. 214]. Соответственно, мотивация лексем, образованных с участием пространственных приглагольных компонентов в их производных значениях, в большинстве случаев достаточно быстро устанавливается, так как все производные значения приглагольного компонента сохраняют мотивационную связь с пространственным семантическим инвариантом. Кроме того, круг значений, реализуемых приглагольными компонентами в словообразовании разговорной лексики, сравнительно невелик (относительно их значений, представленных в словарных статьях [Fleischer, Barz, 1992]).

Например, в семантике компонента **vor-** четко выделяются две области: область локативных значений, как конкретных, так и абстрактных, и область темпоральных значений, которые являются производными значениями по отношению к локативным значениям. Представление о нахождении перед предметом имплицитно подразумевает мысль об опережении, выдвигании из массы однородных объектов, как следствие, в семантической структуре наречной частицы **vor-** формируется значение «осуществление действия перед кем-либо». Это значение включает сему направленности действия на объект, но в отличие от компонентов **zu-**, **an-**, **auf-** с синонимичным значением она выражена слабее: **vorheulen** — «жаловаться кому-либо, рыдая, сокрушаясь» (от **heulen** — «выть, реветь»), **vorjammern** — «жаловаться на что-либо, причитая» (от **jammern** — «рыдать, сокрушаться, причитать, жаловаться»), **vorheucheln** — фам. «притворяться, лицемерить перед кем-либо» (от синонимичного глагола **heucheln**).

Временная семантика наречной частицы **vor-** представлена в словообразовании разговорной лексики следующим образом: пространственная сема «нахождение перед предметом» интерпретируется как временная сема предшествования во времени. Функционируя в словообразовании разговорной лексики, **vor-** чаще всего реализует значение «соотнесенность предварительного, не окончательного действия с более поздним по времени действием или событием», указывая на подготовку к какому-либо событию: **vorerzählen** — «рассказывать заранее» (от **erzählen** — рассказывать), **vorsaufen** — «выпить перед вечеринкой (чтобы сэкономить потом на покупке алкогольных напитков)» (от **trinken** — пить).

Анализ примеров показывает, что единичные случаи метафорического переосмысления значения приглагольного компонента не встречаются. Даже те значения приглагольных частиц, которые реализуются ими только в составе разговорных лексем, не являются уникальными. Вторичное значение превербальных компонентов, даже в составе инновативных образований, оказывается уже включенным в систему его разговорных значений (хотя это не всегда фиксируется словарями) и используется при создании новых единиц по аналогии с другими, более ранними образованиями. Таким образом, метафоризация приглагольного компонента не является словообразовательной.

Метафоризация основы

Чаще всего идиоматичность семантики производной единицы возникает в результате метафорического преобразования основы мотивирующего глагола.

Метафорический перенос может опираться на существенные сигнификативные семы в семантике мотивирующего глагола, например; **‘durchschmoren** — перегореть (от **schmoren** — 1. тушить, жарить. 2. тушиться, жариться), **‘umtaufen** — переименовать (от **taufen** — крестить).

Идиоматичность единицы повышается, если в качестве базы для переноса был выбран скрытый, малосущественный признак.

В качестве примера проведем анализ разговорной глагольной лексемы *nachhaken* — «прерывать, переспрашивать кого-либо, задавая уточняющие вопросы, касающиеся предыдущей темы». Семы «навязчивость», «активное воздействие на объект» формируются, благодаря метафорическому переосмыслению мотивирующего глагола *haken* — «1. зацеплять крючком. 2. прицепляться», которое сопровождает словообразовательный процесс. Сфера функционирования единицы и ее сочетаемость уточняются в ходе контекстуального анализа, в результате которого становится ясно, что *nachhaken* имеет скрытые признаки «настойчивости», «уточнения, выяснения в проблемных ситуациях», (нередко связанных с административной сферой), которые реализуются во многих контекстах: *hartnäckig, mehrmals, unerbittlich, telefonisch, kritisch nachhaken*: “Doch als Wilson drei Wochen später noch einmal telefonisch *nachhakte*, waren erstere wesentlich unzufriedener mit ihrer Wahl und bekundeten, sie hätten sich gerne anders entschieden“ [Der Tagesspiegel, 03.02.2002 / dwds].

Другой пример: глагольная единица *umnieten* — 1. застрелить, пристрелить. 2. бить, сбить с ног ударом, нокаутировать. 3. сбить (машиной), переехать (от *nieten* — 1. клепать, скреплять заклепками. 2. приделывать шляпку гвоздю). Актуализированный в процессе словообразования метафорический образ, основанный на сравнении по сходству способа выполнения и интенсивности действия (удара), вносит в значение глагольной единицы экспрессивные семы. Контекстуальный анализ выявляет наличие у данной лексемы выраженной отрицательной оценки и фамильярной окраски: „Und wenn ein Schwarzenegger im Kino alles *umnietet*, darf ein Rapper das erst recht“ [Die Zeit, 24.11.2004, Nr. 48 / dwds].

Целостная метафоризация

Анализ примеров показал, что немотивированность в высокой степени свойственна прежде всего тем глагольным единицам, которые в процессе словообразования подверглись целостной метафоризации. Она охватывает всю словообразовательную конструкцию на завершающем этапе словообразовательного процесса, когда значение приглагольного компонента и мотивирующей основы переосмысливаются как единое целое. При этом возможны разные сценарии развития этого процесса:

1. После добавления приглагольного компонента переосмысливается вся лексема, как один комплекс: *danebentippen* — ошибиться, принять неправильное решение (от *tippen* — касаться пальцами), *durchwursteln* (*durchwurschteln*), *sich* — «кое-как, с трудом, некоторое время перебиваться, содержать себя» (от (разг.) *wursteln* — «работать спустя рукава»), *dahintergucken* — внимательно, подробно изучать что-либо, заниматься чем-либо (от *gucken* — смотреть).

2. Целостному метафорическому преобразованию предшествует семантическая трансформация производящей основы: *eintrommeln* — (фам., пренебр.) вдалбливать кому-либо что-либо (от *trommeln* — барабанить).

Наиболее ярким примером среди лексем, относящихся к этой группе, является глагольная единица *abfahren* — «использовать проездной билет полностью»: При наличии внешне очевидной семантической совместимости компонентов это слово является омонимом к соответствующему неразговорному глаголу. Полное лексико-семантическое согласование приглагольного компонента и производящей основы в данном случае не помогает определить направление мотивированности, а, напротив, затрудняет ее понимание.

Заключение

Полная идиоматичность, то есть абсолютная невыводимость значения производного слова из значения составляющих его компонентов, в целом, не характерна для словообразования немецких разговорных глаголов. Большую часть рассмотренных разговорных глагольных единиц составляют частично демотивированные глагольные единицы, отличающиеся только степенью затемненности мотивационных связей. Основным фактором, способствующим идиоматизации, признается словообразовательная метафоризация производящей основы.

Список литературы

1. Кронгауз М.А. Семантика. Москва: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2001. 398 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56, № 3. С. 22–31.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Юшкова Л.А. Словообразование глагольных единиц в современной немецкой разговорной лексике. Дисс. ... д. филол. н. Москва, 2017. 446 с.
5. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS): Zeit-Corpus. Projekt der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (Цифровой словарь немецкого языка: Корпус статей журнала Die Zeit. Проект Берлинско-Бранденбургской Академии наук) URL: <http://dwds.de/> (дата обращения: 02.02.2019).
6. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1992. 382 S.
7. Käge O. Motivation: Probleme des persuasiven Sprachgebrauchs der Metapher und des Wortspiels. Darmstadt: Kümmerle Verlag, 1980. 165 S.
8. Lehmann. Lehmanns Leitseite: Wissenschaft — Science. Sprachsystem. Semantische Übertragung. https://www.christianlehmann.eu/ling/lg_system/sem/index.html?https://www.christianlehmann.eu/ling/lg_system/sem/uebertragung.html2 (дата обращения: 11.02.2019).

Yushkova L. A.

Grand Ph.D. (Philology),

Associate Professor, Head of the Chair of the Foreign Language

for Specific Purposes for Institute of Law, Social Management and Security,

Udmurt State University

WORD-FORMATION METAPHORIZATION IN COLLOQUIAL VOCABULARY (BASED ON THE GERMAN VERBAL UNITS)

The article is devoted to the problem of the word-formation metaphorization, examined in terms of the cognitive and structural-semantic approaches. The author focuses on the analysis of the colloquial verbal lexemes formed by a combination of the motivating verbal basis and a preverbal component — an adverb or a particle. The article considers the different types of the word-formation metaphorization on concrete examples.

Key words: colloquial vocabulary, verbal units, word-formation metaphorization, idiomatichity, word-formation motivation.

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81–119

Исаева Екатерина Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английского языка
профессиональной коммуникации,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: 8 (342)2396839
E-mail: ekaterinaisae@gmail.com

Зубарева Екатерина Олеговна

Соискатель,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: 8 (342)2396339
E-mail: sialpsu@mail.ru

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ В E-LIBRARY.RU¹

В статье рассматривается репрезентативность проблемы медиации в контексте миграции в научной электронной библиотеке e-Library.ru.. Был выполнен автоматизированный поиск и количественный анализ публикаций, в тексте которых встречаются слова медиация и миграция. Описаны метрические данные публикаций по следующим параметрам: средневзвешенный импактфактор журналов, в которых были опубликованы статьи; распределение по тематическим рубрикам; ключевые слова; годы публикаций. Далее было проведено качественное исследование содержания статей и контекста употребления этих терминов. Были выявлены различные значения слов медиация и миграция, представлен обзор работ, изучающих технологию медиации для увеличения качества коммуникации и адаптации участников миграционных процессов. Сделаны выводы о степени изученности проблемы медиации в условиях нарастающей миграции.

Ключевые слова: медиация, миграция, миграционная лингвистика, вмешательство третьих сторон, межкультурная коммуникация, урегулирование конфликтов.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00825

Введение

Медиация, как технология урегулирования конфликтных ситуаций набирает все большую популярность в различных сферах социальной жизни человека: в образовании, административной сфере, судопроизводстве и др. Использование лингвистических инструментов в медиации обусловлено характером этой деятельности, который всегда вербально опосредован. Подтверждение тому было найдено в высокой репрезентативности публикаций, совокупно рассматривающих медиацию и лингвистику в различных предметных отраслях, включая социологию, гуманитарные науки, компьютерные науки, психологию, медицину, физиологию, нейронауки, математику и т. д. в наукометрической базе ElsevierScopus, обзор работ представлен в монографии «Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики». География этих публикаций также разнообразна: США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия, Канада, Китай, Италия, Россия и др. [Шустова, Желтухина, Дружинина и др., 2019].

В статье рассматривается технология медиации не только через призму лингвистики, но и в контексте миграции, феномена, также получившего широкое распространение по всему миру, затронувшего практически все сферы жизни общества, и достигшего своей кульминации в условиях «современного мобильного глобализирующегося мира» [Шустова, Желтухина, Дружинина и др., 2019, с. 6].

Авторы предпринимают попытку анализа публикационной активности отечественных авторов и представленность этих исследований в Российской научной электронной базе данных e-Library.ru [<https://elibrary.ru>]. С этой целью был сделан поисковый запрос «медиация миграция» на сайте библиотеки и проанализирована выборка «медиация + миграция» количественно с использованием автоматического статистического анализатора e-Library.ru и качественно с представлением обзора отдельных публикаций.

Обзор публикаций в e-Library

В базе данных e-Library.ru вопрос медиации в совокупности с миграцией, согласно поисковому запросу, рассматривается в 9 работах, 8 из которых опубликованы в научных журналах. 2 статьи входят в международные наукометрические базы Web of Science или Scopus и в ядро РИНЦ, 1 — в RSCI. Средневзвешенный импактфактор журналов, в которых были опубликованы статьи — 0,218. При рассмотрении распределения статей выборки по тематическим рубрикам было выявлено, что большинство (5) публикаций относятся к рубрике «Государство и право. Юридические науки». Остальные в равных долях (по 1 публикации) входят в рубрики: «Народное образование. Педагогика», «Психология», «Сельское и лесное хозяйство», «Экономика. Экономические науки».

Анализ ключевых слов показал общие тенденции: слова, относящиеся к конфликтологии, а именно медиация (4 статьи), mediation (4 статьи), conflicts (3 статьи), dispute (3 статьи), mediator (3 статьи), конфликты (3 статьи), переговоры (3 статьи), посредник (3 статьи); слова, относящиеся к сфере «Миграция»: immigration (2 статьи), миграция (2 статьи).

По годам распределение статей выглядит следующим образом: первая публикация появилась в 2004 г., вторая в 2007 г., далее 6 статей были опубликованы в 2016 г., последняя на момент написания нашей статьи — в 2019 г. Такие статистические данные были получены путем автоматизированного анализатора, встроенного в систему e-library.

Рассмотрим, релевантность данных публикаций для нашего исследования проблемы лингвистической медиации в контексте миграции. Исходя из названия публикаций и представленных ключевых слов (аннотации не приведены в НЭБ «e-Library.ru» и на вебсайтах журналов), мы можем сделать вывод, что первые 2 статьи: «Системный подход к анализу причин земельных конфликтов и управление этими конфликтами. (ФАО)» (2004) и «Указатель авторов и статей, опубликованных в журнале в 2007 году» (2007) не имеют отношения к нашему исследованию.

В статье «Транстерминологизация в языке медиации. Условия целесообразности использования транстерминов» [Моногарова и др., 2016] медиация рассматривается как «процесс проведения переговоров при посредничестве медиатора, направленный на урегулирование конфликта в интересах обеих сторон, <...> представля[ющий] собой гибридную процедуру переговоров, основу которой составляют принципы права, психологии и конфликтного менеджмента» [Там же, с. 22]. Такое общепринятое определение понятия *медиация* в отечественных публикациях позволяет провести параллель с зарубежным лингвистическим осмыслением медиации, как «вмешательства между конфликтующими сторонами в целях содействия примирению, урегулированию или компромиссу¹» [Merriam-Webster].

Авторы рассматриваемой статьи изучают лингвистический феномен транстерминологизации, заимствования терминов из других предметных областей, методы которых используются в медиации как «технологии альтернативного (досудебного) разрешения споров» [Моногарова, и др., 2016 с. 22]. Процесс транстерминологизации представляет интерес в рамках нашего направления исследования, так как лингвистическая медиация может включать транстерминологизацию при необходимости адаптации экспертного знания одной предметной области при его передаче эксперту другой предметной области.

Тем не менее, данная статья не в полной мере соответствует выборке «Медиация+миграция», поскольку термин «миграция» здесь рассматривается в контексте транстерминологизации как миграция термина из одной предметной области в другую и не имеет отношения к перемещению людей.

Еще одна статья, опубликованная в 2016 г., «Медиация как альтернативный способ разрешения споров» [Калистратова, 2016] также посвящена проблеме медиации как «процедур[е] переговоров с участием посредника (медиатора), методология которой, решение споров через сотрудничество» [Там же, с. 138].

По мнению автора, миграция является одной из множества предпосылок для возникновения конфликтов, оптимизация урегулирования которых достигается посредством обращения к методике медиации. В этом авторы видят решение важнейшей задачи, стоящей перед экспертами в области конфликтологии — «повысить стрессоустойчивость и привить обществу умение предотвращать конфликты, и способность к конструктивному их решению» [Там же, с. 139].

В нашей выборке данная статья отображена трижды с незначительно различающимися исходными данными. В связи с этим, 2 статьи следует исключить из нашего списка «медиация + миграция».

¹«Intervention between conflicting parties to promote reconciliation, settlement, or compromise» (Перевод наш)

Рассмотрим статью «Ценности, социальная дистанция и установки по отношению к миграции: кросскультурное исследование в Бельгии, Германии, Франции и Нидерландах» [Григорьев, 2016], опубликованную в 2016 г. в научном журнале «Психология. Высшая школа экономики». Данная публикация попала в нашу выборку, так как при описании «взаимосвяз[и] индивидуальных ценностей, социальной дистанции и позитивных и негативных установок по отношению к миграции» [Григорьев, 2016, с. 273] автор использует термин медиация: «эффект полной медиации социальной дистанцией некоторых связей между отдельными ценностями и отдельными установками». В данном контексте термин «медиация» носит значение «опосредованные» и не соответствует нашему толкованию. Поэтому эта статья исключается из выборки «медиация + миграция».

Следующий элемент результатов поиска — «Миграция. Медиация. Безопасность» [2016] — сборник материалов научно-практической конференции, в котором интересующие нас вопросы, представлены в отдельных трудах. Тем не менее, не было найдено статей, представляющих использование технологии медиации для решения проблем миграции.

Последняя статья в выборке — «Migration and integration processes in Portugal: the role of intercultural mediation» — опирается на существующие в Португалии практики интеграции иммигрантов для анализа развития межкультурной политики и межкультурной медиации [Marques, et al., 2019]. В статье обсуждаются проблемы, появляющиеся в результате активизации миграционных процессов, важнейшими из которых являются разобщенность внутри страны, отчужденность иммигрантов, необходимость адаптироваться к разным культурам. Конструктивным методом решения этих проблем авторы считают межкультурную медиацию, которую вслед за Romero, C.G., понимают как «a modality of intervention of third parties, in and on situations of significant multiculturality, geared towards the achievement of the recognition of the Other and the approximation of the parties, mutual communication and understanding, learning and development of coexistence, regulation of conflict and institutional adequacy, between ethnoculturally differentiated social or institutional actors» [Romero, 2010] [метод вмешательства третьих сторон, в ситуациях значительной мультикультурности и в ситуациях, направленных на достижение признания «Других», сближения сторон, взаимного общения и понимания, обучения и развития сосуществования, урегулирования конфликтов и институциональной адекватности между этнокультурно-дифференцированными социальными или институциональными субъектами]¹.

Применение межкультурной медиации, по мнению авторов статьи, позволяет интегрировать в процесс урегулирования проблемных ситуаций, вызванных миграционными процессами, широкий спектр действий, которые включают в себя не только действия, нацеленные на стимуляцию общения и взаимодействия, но и на трансформацию знаний, мнений, взглядов на образование, культуру, традиции, нормы как у представителей местного населения, так и у иммигрантов.

В совокупности такие действия позволяют достичь более полного и глубокого понимания «других» культур, что ведет к открытости по отношению к представителям этих культур и способствуют укреплению межкультурного диалога. Диалог здесь понимается как взаимодействие, ведущее к обсуждению, дискуссии, способности слышать собеседника. В таком

¹ Перевод наш.

диалоге межкультурная медиация позволяет перейти от монолитной социальной интеграции к инклюзивным процессам [Marques и др., 2019].

Понимая контекстуальный характер медиации, которая всегда ситуативно обусловлена, специфична в конкретной ситуации, с конкретными участниками, в определенном окружении и т. д., авторы приходят к выводу, что «межкультурная медиация представляет собой новую стратегию или способ социального вмешательства, направленного на межкультурное включение другого¹» [Marques и др., 2019, p. 196].

Приводя характерные черты межкультурной медиации, авторы опираются на исследование данного вопроса, представленного в книге «Letempsdesmédiateurs» [Six, 1990] и выделяют созидательность, поскольку в процессе медиации возникают новые связи между участниками межкультурной коммуникации, способность обновлять и модифицировать существующие связи для оптимизации взаимодействия, превентивный характер, способствующий предотвращению конфликтов между представителями разных культур, терапевтическую направленность, в рамках которой возможно урегулирование создавшейся конфликтной ситуации [Marques, и др., 2019, p. 196].

Замечательным в рассматриваемой статье, на наш взгляд, является обращение к герменевтике при объяснении сути процесса межкультурной медиации. В энциклопедии социологии герменевтика определяется как «1. Истолкование текстов. 2. Философское учение об искусстве понимания "другого" (Ф. Шлейермахер). 3. Метод интерпретации культ.-истор. явлений и понимания субъекта, основанный на "внутреннем опыте" человека и его непосредственном восприятии "жизненной целостности" (В. Дильтей, Х-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер)» [Академик, 2019]. Так, через призму герменевтики авторы статьи видят медиацию, как процесс «систематического толкования интересов взаимодействующих сторон²» [Marques и др., 2019 с. 192].

Если до этого речь шла о медиации ведущей к продуктивному взаимодействию и взаимопониманию, интеграции, слиянию, то другой задачей медиации как приема герменевтики, является толкование интересов и принципов определенных социальных групп и различных институтов и опосредованный через медиаторов, экспертов в соответствующей социальной области, диалог, что помогает достичь автономности социальных групп и способствует сохранению идентичности.

Авторы статьи также обсуждают роль школы в процессе межкультурной медиации, так как именно школа оперирует когнитивными приемами формирования личной и групповой идентичности [Marques и др., 2019, p. 198].

В заключении рассматривается личность медиатора межкультурной коммуникации, который, в отличие от подобной роли в судопроизводстве, далеко не всегда должен сохранять нейтральность взглядов, особенно в случаях проявления агрессии, несправедливости и жестокости к представителям «других» культур, а наоборот, демонстрировать понимание и сострадание.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели репрезентативность вопроса медиации в контексте миграции в НЭБ e-Library.ru. Исключив из выборки повторяющиеся и не имеющие непосред-

¹ Перевод наш.

² Перевод наш.

венного отношении к данному направлению публикации, мы получили только 1 статью, опубликованную Журнале Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки португальскими учеными Центра социальных исследований Политехнического института Лейрии.

Среди зарубежных ученых, занимающихся этим вопросом, следует отметить Я. Энберга (Орхусский университет), С. Д'Аванцо (Неаполитанский университет имени Фридриха II), Г. Карробио (Университет Бергамо), Д. Хеллер (Университет Бергамо), Е. Гугенбергер (Лейпцигский университет). Тем не менее, анализ публикаций в e-Library показал, что в отечественных исследованиях научное направление, возникшее на стыке медиации, лингвистики и миграции, является новым, малоизученным, однако перспективным, нацеленным на комплексное решение проблем современности.

Список литературы

1. Герменевтика // Академик. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 23.05.2019).
2. Григорьев Д.С. Ценности, социальная дистанция и установки по отношению к миграции: кросскультурное исследование в Бельгии, Германии, Франции и Нидерландах // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2016. Т. 13. С. 273–298.
3. Шустова С.В., Желтухина М.Р., Дружинина М.В., Зубарева Е.О., Исаева Е. В., Костева В. М., Черноусова А.С. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2019. 180 с.
4. Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко А.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Шустова С.В. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Пермь: Издательский центр Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 163 с.
5. Калистратова В.Е. Медиация как альтернативный способ разрешения споров // Евразийский союз ученых. Москва: ООО "Международный Образовательный Центр", 2016. 1 (26): Т. 5. С. 138–140.
6. Миграция. Медиация. Безопасность // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Уфа: Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования "Академия труда и социальных отношений", 2016. 168 с.
7. Моногарова А.Г., Кобышева Е.И. Транстерминологизация в языке медиации. Условия целесообразности использования транстерминов // *Juvenis scientia*. Санкт-Петербург: ООО, Издательский дом «Сциентиа», 2016. № 6. С. 22–25.
8. e-Library.ru // Научная электронная библиотека. 2000–2019 г. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 23.05.2019).
9. Marques J.C., Viera Ana и Vieira R. Migration and integration processes in Portugal: the role of intercultural mediation // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. С. 187–205.
10. Merriam-Webster. Электронный словарь. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 23.05.2019).
11. Romero C.G. Interculturalidade e Mediação. Lisboa: Alto Comissariado, 2010.
12. Six Jean-François Le temps des médiateurs. Seuil, 1990. 282 с.

Isaeva E. V.

*PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of English for Professional Communication,
Perm State University*

Zubareva E. O.

*Applicant, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University*

ANALYTICAL RESEARCH OF MEDIATION IN THE CONTEXT OF MIGRATION ON THE MATERIAL OF PUBLICATIONS IN E-LIBRARY.RU

The article discusses the representativeness of the mediation problem, considered in the context of migration, in the scientific electronic library e-Library.ru. An automated search and quantitative analysis of publications in the text of which the words mediation and migration are found have been performed. The metric data of publications are described by the following parameters: the weighted average impact factor of the journals in which the articles were published; distribution by subject areas; keywords; years of publication. Further, a qualitative study has been conducted on the content of articles and the context of these terms' usage. Different meanings of the words mediation and migration have been revealed, an overview of the works studying mediation technology to increase the quality of communication and adaptation of the participants in migration processes has been presented. Conclusions are drawn about the degree to which the problem of mediation in the conditions of increasing migration has been studied.

Keywords: mediation, migration, migration linguistics, third party intervention, intercultural communication, conflict resolution.

**Пермский государственный национальный исследовательский университет
Факультет современных иностранных языков и литератур
Магистерская программа**

«Переводческое обеспечение международной деятельности» (направление «Лингвистика»)

Цель программы – практико-ориентированная подготовка магистрантов к переводу и лингвистическому сопровождению профессиональной коммуникации в области международного сотрудничества.

Программа готовит к переводческой и консультативно-коммуникативной деятельности с использованием двух рабочих языков (английского и по выбору – французского, испанского, немецкого). Дисциплины и практики программы формируют навыки письменного и устного (в том числе синхронного) перевода, владение новыми переводческими технологиями, а также способность осуществлять межкультурную коммуникацию в ситуациях международного взаимодействия на основе подходов современного переводоведения и лингвистики.

Благодаря сотрудничеству кафедры лингвистики и перевода с работодателями и зарубежными вузами-партнерами, в ходе обучения делается акцент на связи с реальным профессиональным рынком переводческих услуг и возможности включенного обучения в форме академической мобильности. Для занятий синхронным переводом имеется специальное оборудование. Лекционные курсы и практические занятия для магистрантов ведут авторитетные специалисты в области лингвистики и переводоведения, а также профессиональные переводчики и эксперты в области международной коммуникации.

Подробнее: <http://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/napravleniya-obrazovatelnoj-deyatelnosti/napravlenie-lingvistika-magistratura>

Кафедра лингвистики и перевода: romanphyl@gmail.com

УДК 81'42

Зубарева Екатерина Олеговна

Соискатель,

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: 8 (342) 2396-637

E-mail: fialka21-85@mail.ru

ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА "МИГРАЦИЯ"

Объектом исследования выступает универсальный концепт "МИГРАЦИЯ". Предметом исследования является понятийный компонент изучаемого концепта. Цель работы представить модель концепта "МИГРАЦИЯ", отражающую его наиболее существенные характеристики. Для исследования использован компонентный анализ, включающий семное и лексикографическое описание.

Ключевые слова: концепт, понятийный компонент концепта, компонентный анализ, семма.

Введение

Процессы глобализации, возрастающие миграционные потоки, расширение международных контактов актуализируют изучение универсального концепта "МИГРАЦИЯ" для современного российского общества. Миграция изучается в различных науках не как простое механическое перемещение людей по территории, а как сложный социальный процесс, затрагивающий практически все сферы человеческой деятельности.

Миграция представляет собой сложный социальный феномен, до сих пор не существует четкого определения термина «миграция». Проводя исследование по данной теме, В.А. Ионцев и Ю.А. Прохорова насчитали в общей сложности свыше 36 различных определений "миграция". Авторы отмечают, что 17 научных дисциплин изучает феномен миграции с разных сторон. Миграция — не просто демографический процесс, а "разнообразное и многоплановое явление" [Ионцев, Прохорова, 2014, с. 84].

Проблема миграции привлекает внимание многих исследователей в области географии, экономики, истории, политики, социологии, но в современной научной парадигме антропоцентризма, учитывая массовый и международный характер, миграция и миграционные процессы вызывают большой интерес с точки зрения изучения влияния данного феномена на язык титульной нации. Так Д. Бойл попытался дать лингвистическое определение термина "миграция", выделив четыре основных признака, которые необходимо учитывать, говоря о степени влияния на титульный язык: пространство, время, мотивация, социально-культурные факторы [Boyle, Halfacree, Robinson, 2014, p. 34–38].

Миграцию в лингвистике можно рассматривать как постоянный или временный процесс трансформации языка, как титульной нации, так и языка мигрантов, который напрямую за-

висит от категории пространства, времени, мотивации и социокультурных факторов и который отражает идеологическую и прагматическую составляющую в конкретный период времени, что позволяет моделировать разные коммуникативные ситуации для эффективного межкультурного взаимодействия.

Статистические данные также обуславливают актуальность темы миграции в современном мире, например, по данным центрального государственного информационного агентства ИТАР-ТАСС в 2018 Россия занимает второе место по количеству мигрантов в мире. Всего насчитывается в мире 232 млн. мигрантов из них 11 млн. проживают в России [tass.ru].

Основная часть

Концепт "*МИГРАЦИЯ*" мы рассматриваем как мировой, универсальный и актуальный феномен. Концепт определяется как "дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету" [Попова, Стернин, 2007, с. 34]. Концепт рассматривается как "сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека" [Степанов, 1997, с. 51]. В.И. Карасик, например, характеризует концепты как "ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта" [Карасик, 2004, с. 59]. Концепт "*МИГРАЦИЯ*" представлен одноименным ключевым словом.

В структуре концепта выделяется понятийный компонент, включающий основные признаки и словарные дефиниции, образный компонент, состоящий из когнитивных метафор и значимостный компонент, включающий этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в языке [Воркачев, 2004, с. 7]. В данной работе рассматривается понятийный компонент исследуемого концепта, включающий его лексикографическое описание. "Семантический анализ этих единиц позволит определить содержательно-смысловое ядро концепта в русском языковом сознании <...> его общенациональные (инвариантные) смыслы, закрепленные в языке" [Баженова, Шенкман, 2013, с. 91—96].

В рамках проводимого исследования необходимо осмыслить соотношение концепта и значения слова, так как от этого зависит определение предмета исследования и методы анализа.

Концепт и значение представляют собой отражение объективной действительности. Оба явления имеют когнитивную природу и представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека. Концепт — продукт когнитивного сознания человека, значение — продукт языкового сознания. Под значением понимается общеизвестная и коммуникативно-релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации [Попова, Стернин, 2007, с. 64—65].

Значение по отношению к концепту выступает как его часть "соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова... Структура концепта гораздо сложнее и многогран-

нее, чем лексическое значение слова" [Пименова, 2004, с. 7]. Хотя существует мнение о том, что концепт равен значению, например, "концепт, закрепленный за определенным словом, является (лексическим) значением слова" [Мыркин, 2005, с. 102].

Значение и концепт соотносятся как коммуникативно- релевантная часть и ментальное целое. Значение распадается на более мелкие компоненты, для обозначения минимальной семантической составляющей используется термин "сема" в силу своей лаконичности. Под семой понимается "минимальный выделяемый смысловой элемент содержательной структуры слова (фразеологизма)" [Алефиренко, 2005, с. 98].

Значение можно описывать как совокупность сем. Выделяются архисема, представляющий наиболее общий, абстрактный компонент в структуре значения, и дифференциальные семы, выражающие отличительные признаки предмета [Стернин, Соломатина, 2011, с. 12].

В значении слова выделяются три составляющие: лексикографическое, коммуникативное и психолингвистическое [Стернин, Соломатина, 2011; Овчинникова, 2009]. В нашем исследовании моделируется лексикографическое значение, отражающее понятийный компонент концепта, как набор существенных признаков концепта "МИГРАЦИЯ".

Понятийный компонент концепта изучается с помощью компонентного анализа. В процессе эволюции компонентный анализ превратился из методики, "дававшей представление значения отдельно взятого слова в виде неупорядоченного набора однотипных минимальных компонентов, в метод анализа слова в типовом контексте, результаты которого представляются в виде разнообразных семантических метаязыков" [Кобозева, 2000, с. 89]. Данный метод рассматривается "как один из важнейших инструментов, с помощью которого мы можем проникать в тайны внутренней организации языка как системы, в частности в тайны структурной организации семантической системы языка" [Васильев, 2006, с. 467].

В нашем исследовании компонентный метод заключается в выделении дифференциальных и интегральных сем в значении слов на основе лексикографического описания. Многие исследователи отмечают значимость данных лексикографии для выявления понятийного содержания концепта "чрезвычайно важно обращение к данным лексикографической науки, так как семантика языковой единицы отражена, прежде всего, в лексикографических источниках" [Апресян, 1995, с. 56; см. также Кубрякова, 2002].

Лексикографическое описание ключевого слова "является по сути дела первым важным приближением к решению поставленной задачи" [Ельмслев, 1962, с. 135; см., например, о семантическом поле концепта Шалгина, 2017, с. 50–58].

Для того чтобы представить понятийный компонент концепта "МИГРАЦИЯ" необходимо обратиться к его этимологическому анализу.

Большой латинско-русский словарь объясняет природу корня *migr* следующим образом: *переходить, переезжать, переселяться* — *migrare ex urbe rus* — *переселяться из города в деревню; меняться, изменяться* — *omnia migrant* — *все изменяется; уносить, отправлять* — *res difficilia migrati*; *уклоняться; преступать, нарушать* — *migrare legem* — *преступать закон* [БЛРС].

Методом сплошной выборки проанализированы 29 словарные дефиниции¹. Необходимо отметить, что лексема *МИГРАЦИЯ* не представлена в толковых словарях русского языка

¹ Список литературы – БАС, БС, БСС, БТСР, ДЭС, КССП, ИЭС, НСР, НСИС, ПольшЭ, ПТС, СлИС, СлИН, СлР, СлРУС, СИН, СинС, СоцС, СПол, ССП, ССРЛ, СЦП, ТСИС, ТСК, ТСР, ТСРВ, ФС, ЭКС, ЭС.

[Ожегов, 1989; Ушаков, 1938; Ефремова, 2001 и др.], в связи с чем были привлечены толкования из словарей иноязычных слов и специализированных словарей. Во внимание принимались только толкования, связанные с миграцией населения.

В результате компонентного анализа нами выделены следующие семы, входящие в понятийный компонент концепта "МИГРАЦИЯ", каждая сема проиллюстрирована примером из Национального корпуса русского языка [далее НКРЯ], лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета [далее ЛКЛ], а также исследовательского ресурса Google Ngram Viewer [далее NV].

1. Перемещение

Интересна точка зрения о том, что миграция выполняет функцию центрального стержня пространственных перемещений [НКРЯ].

2. Переселение

Традиционными формами миграционной подвижности были колонизация и отходничество. Наряду с ними стала набирать темп новая форма миграции — переселение в города [NV].

3. Передвижение

Особым видом трудовой миграции является так называемая "маятниковая" миграция, представляющая собой ежедневные передвижения рабочей силы к месту работы и обратно к месту жительства [НКРЯ].

4. Переезд

Тогда молодые люди будут в еще большем количестве переезжать в другие регионы в поисках работы и лучшей доли со всеми вытекающими проблемами, которые порождает миграция [НКРЯ].

5. Мобильность

Миграция превратилась в почти безальтернативное средство социальной мобильности [НКРЯ].

6. Смена места жительства

Несмотря на различные подходы в типологии пространственной мобильности, в ее составе выделяется миграция, которая предполагает перемену индивидом постоянного места жительства [НКРЯ].

7. Перераспределение

Благодаря социально-экономическим функциям, внутренняя миграция является одним из средств адаптации населения к новым условиям, территориального перераспределения населения под воздействием изменения отраслевой и территориальной структур производства [НКРЯ].

8. Социальное явление

Миграция как любое социальное явление может и должна быть темой, о которой у каждого индивида есть своя точка зрения [NV].

9. Поездка

Некоторые исследователи к маятниковой миграции относят и культурно-бытовые поездки населения [NV].

10. Смена работы

В ведомстве считают, что в основном миграция может быть связана с поиском работы [ЛКЛ].

11. Возвращение домой

У этих этнических групп была главная родина и политическое лобби за пределами Восточной Европы. Таким образом, их миграции рассматривались преимущественно, как возвращение домой [NV].

12. Отпуск

Поэтому с точки зрения практики ежедневная поездка не будет считаться миграцией, а вот поездка в длительный отпуск — однозначно миграция [NV].

В результате анализа были выявлены ядерные и периферийные семы понятийного компонента концепта "МИГРАЦИЯ". Данные обобщены и представлены в сводной таблице, фиксирующей результаты семного анализа, с указанием индекса частотности (далее ИЧ) каждой семы по отношению к общему количеству проанализированных словарей.

Таблица 1

Индекс частотности сем понятийного компонента концепта "МИГРАЦИЯ"

Словари \ Семы	Перемещение	Переселение	Смена места жительства	Передвижение	Переезд	Смена работы	Мобильность	Перераспределение	Социальное явление	Поездка	Возвращение домой	Отпуск
БАС	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
БС	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
БСС	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
БТСР	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ДЭС	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
ИЭС	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КССП	+	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-
НСИС	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НСР	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ПоЛЭ	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-
ПТС	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СИН	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СинС	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СЛИН	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СЛИС	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СлР	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СлРУС	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СоцС	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-
СПол	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-
ССП	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-

Словари \ Семьи	Перемещение	Переселение	Смена места жительства	Передвижение	Переезд	Смена работы	Мобильность	Перераспределение	Социальное явление	Поездка	Возвращение домой	Отпуск
ССРЛ	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
СЦП	+	-	+	+	+	-	-	+	-	+	-	+
ТСИС	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ТСК	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
ТСР	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ТСРВ	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ФС	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
ЭС	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ЭКС	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-
ИЧ (%)	79	41	34	21	10	10	7	7	7	3,5	3,5	3,5

Всего выделено 12 сем, входящих в состав понятийного компонента концепта "МИГРАЦИЯ", которые представлены следующей иерархической структурой:

перемещение (79 %), переселение (41 %), смена места жительства (34 %), передвижение (21 %), переезд и смена работы (10 %), мобильность, перераспределение, социальное явление (7 %), поездка, отпуск, возвращение домой (3,5 %).

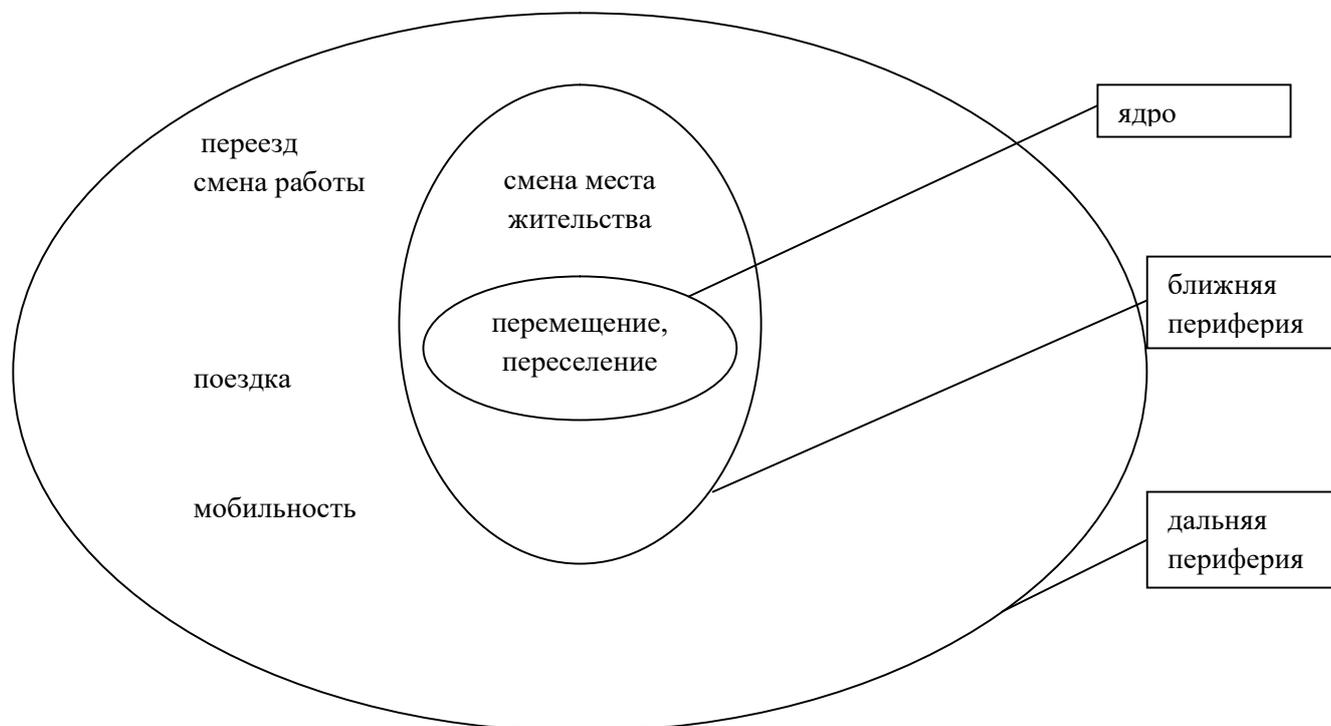

Рис. 1. Модель понятийного компонента концепта "МИГРАЦИЯ"

Индекс частотности сем позволил разработать лексико-семантическую модель, представляющую ядерное и периферийное описание лексического компонента концептуального поля "МИГРАЦИЯ". В результате анализа к ядерным мы отнесли семы, составляющие не менее 40 % от общего количества проанализированных дефиниций, к зоне ближней периферии — от 15 % до 39 % и к зоне дальней периферии — менее 15 % .

Таким образом, ядро модели понятийного компонента концепта "МИГРАЦИЯ" составляют семы перемещение и переселение, к зоне ближней периферии относятся такие семы, как смена места жительства и передвижение, к зоне дальней периферии — переезд, смена работы, мобильность, отпуск, возвращение домой, перераспределение и социальное явление.

Список литературы

1. Алиференко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 2005. 326 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Москва: Языки русской культуры, 1995. 464 с.
3. Баженова Е.А., Шенкман В.И. Номинативное поле концепта «Школа» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 91—97.
4. Бизнес-словарь. URL: <https://vslovar.info/slovar/biznes-slovar> (дата обращения: 30.04.2019). (БС)
5. Большой толковый словарь русского языка / Отв. редактор С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1535 с. (БТСР)
6. Большой иллюстративный словарь иностранных слов: 17 000 сл. Москва: ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство Астрель": ООО "Русское слово", 2002. 960 с. (БСС)
7. Большой академический словарь русского языка. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2008. Т. 10. 571 с. (БАС)
8. Большой латинско-русский онлайн словарь. URL: <http://www.вокабула.рф> (дата обращения: 10.05.2019) (БЛРС)
9. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сборник избранных статей. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 524 с.
10. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Москва: Гнозис, 2004. 192 с.
11. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. Москва: NOTA BENE, 2000. 1024 с. (СПол)
12. Демографический энциклопедический словарь / Ред. Д.И. Валентей. Москва: Советская энциклопедия, 1985. 608 с. URL: <https://demography.academic.ru> (дата обращения: 10.05.2019) (ДЭС)
13. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 800 с. (СИН)
14. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Москва, 1962. № 2. С. 117—136.
15. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е издание. Москва: Русский язык, 2001. Т. 1. 1232 с. (НСР)
16. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3. С. 83—91.
17. Информационная система корпусов Google Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 12.05.2019).
18. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. 807 с. (ИЭС)
19. Карасик В.И. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 207 с.
20. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

21. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1168 с. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 10.01.2019). (СЛИН)
22. Краткий словарь современных понятий и терминов. 3-е изд., дораб. и доп. / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. Москва: Республика, 2000. 670 с. (КССП)
23. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва: Изд-во «Эксмо», 2007. 944 с. (ТСИС)
24. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия Российской академии наук. Сер. «Лит. и яз.». 2002. Т. 61. № 1. С. 13—25.
25. Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: 15.05.2019).
26. Мыркин В.Я. Чувственно-иконическое значение слова // Филологические науки. 2005, № 5. С. 102—107.
27. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.05.2019).
28. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Москва: Современный литератор, 2003. 976 с. (НСИС)
29. Овчинникова И.Г. Диалог субкультур (концепты *деньги* и *бизнес* в сознании молодых россиян) // Я и другой в пространстве текста. Вып.2. Пермь-Любляна, 2009. С. 256—280.
30. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е издание, перераб. и доп. Москва: Русский язык, 1989. 924 с. (СЛРУС)
31. Пименова М.В. Предисловие. Введение в когнитивную лингвистику. Выпуск 4. Кемерово: Наука, 2004. 208 с.
32. Политическая энциклопедия / Ред. Г.Ю. Семигин. Т. 1. Москва: Мысль, 1999. 750 с. (ПоЛЭ)
33. Политика: Толковый словарь. Москва: ИНФРА-М, Изд-во Весь мир, 2001. 768 с. (ПТС)
34. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
35. Райзберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева, Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е издание. Москва: ИНФА-М, 1999. 479 с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18492 (дата обращения: 30.04.2019). (ЭКС)
36. Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. Москва: Русский язык, 1980. 324 с. (СЛИС)
37. Словарь иностранных слов. Москва: ЮНВЕС, 1996. 832 с. (СинС)
38. Словарь русского языка / Ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т.2. Москва: Русский язык, 1982. 736 с. (СлР)
39. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. Москва: Ленинград: Академия наук СССР, 1957. 1460 с. (ССРЛ)
40. Словарь современных понятий и терминов. 4-е изд., дораб. и доп. / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др./ Отв. ред. В.А. Макаренко. Москва: Республика, 2002 527 с. (ССП)
41. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. Москва: Норма, 2008. 608 с. (СоцС)
42. Социологический энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Осипов. Москва: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. 488 с. (ЭС)
43. Социальная политика: Толковый словарь / Ред. Н.А. Волгин, Б.В. Ракитский. Москва: Изд-во РАГС, 2002. 456 с. (СЦП)
44. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва, 1997. 824 с.
45. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
46. Толковый словарь русского языка / Отв. ред. Д.Н. Ушаков. Т. 2. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. 1040 с. (ТСР)

47. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 2007. 1175 с. (ТСРВ)

48. Толковый словарь русского языка конца XX века / Ред. Г.Н. Складерской. Санкт-Петербург: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во Фолио-Пресс, 1998. 700 с. (ТСК)

49. Философский словарь. URL: <https://vslovar.info/slovo/filosofskii-slovar> (дата обращения: 30.04.2019). (ФС)

50. Шалгина Е.А. Семантическое поле концепта «charite / милосердие» // Евразийский гуманитарный журнал. 2017, № 2. С. 50–58.

51. Центральное государственное информационное агентство России. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 01.12.2018)

52. Boyle P., Halfacree K., Robinson V. Exploring contemporary migration. London: Routledge, 2014. 296 p.

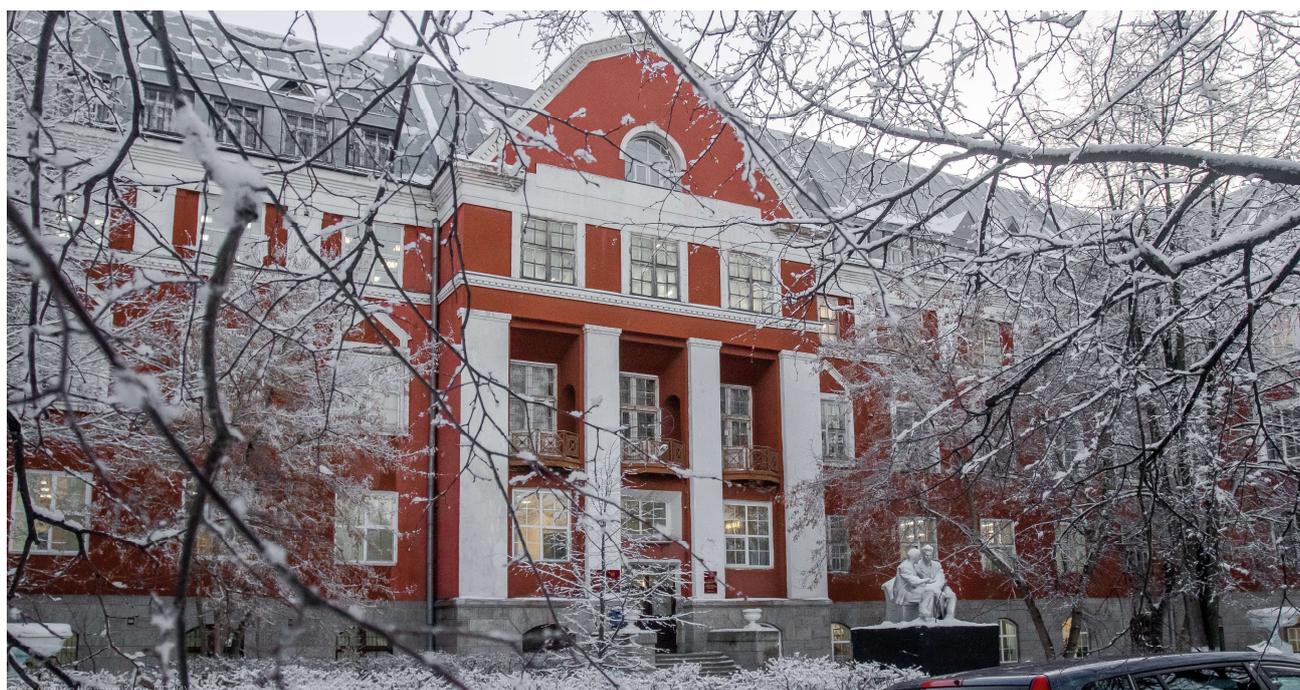
Zubareva E. O.

*Applicant of Linguodidactics Department,
Perm State University*

CONCEPTUAL COMPONENT OF THE CONCEPT MIGRATION

This article is devoted to the universal concept MIGRATION. The subject of the research is the lexicographic component of the studied concept. The purpose of work is to present the concept model MIGRATION reflecting its most essential characteristics. The component analysis including the lexicographic description and analysis of semes is used in the research.

Keywords: concept, lexicographic component of a concept, component analysis, sema.

УДК 81'27

Шавхелишвили Бела Абрамовна

Профессор,

Грузинский университет им. Св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии

E-mail: belashav@yahoo.com

Табидзе Манана Шотаевна

Доктор филологических наук, профессор,

Грузинский университет им. Св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии

Грузия, г. Тбилиси, проспект Чавчавадзе, д. 53А

E-mail: belashav@yahoo.com

КИСТЫ ПАНКИСИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кисты, живущие в Панкисском ущелье современной Грузии в грузинском обществе долгое время считались самым адаптированным и интегрированным и родственным грузинам народом настолько, что большинством населения (не вникающих в исторические и филологические науки) воспринимались одной из грузинских этнических групп. Этим объясняется тот факт, что интересная и полная приключений история появления кистов на территории Грузии полна фольклорных версий. На территории Чечни и Ингушетии термин кисты ныне не фигурирует и термин шашан в качестве отдельно взятой компактной единицы населения тоже, поэтому этот факт наводит на мысль, что и те, и другие полностью выселились из этих мест в разных направлениях – одна часть переселилась в Грузию, а другая подалась на Ближний Восток и сегодня они являются теми самыми мухаджирами-шашанами, которые проживают в Турции, Иордании и Сирии. Наш лингвистический анализ речи кистов Панкиси подтверждает эту гипотезу, ибо речь панкисских джоколойцев и дуйисцев являет собой пример классической диглоссии, которая, несмотря на два века совместного проживания, каждая характеризуется своими, индивидуальными лексико-фонетическими маркерами. Причину мы усматриваем в том, что в них отразились не только разные эпохи их переселения, но и места их изначального проживания.

Ключевые слова: Панкиси, кисты Панкиси, социолингвистика, этническая группа, миграция, диалект.

Введение

Кисты, живущие в Панкисском ущелье современной Грузии в грузинском обществе долгое время считались самым адаптированным и интегрированным и родственным грузинам народом — настолько, что большинством населения (не вникающих в исторические и филологические науки) воспринимались одним из грузинских этнических групп. Этим объясняется тот факт, что интересная и полная приключений история появления кистов на территории Грузии полна фольклорных версий. Более того, в последнее время так называемые «интернет-истории», пере-

мешавшие всю правду и неправду мира, запутали и историю кистов Панкиси. Мы попытаемся провести исследование их жизни в Грузии¹ и воссоздать их социолингвистический образ.

Основная часть

Изменения, произошедшие за последние два века в жизни кистов Панкиси можно разделить на несколько этапов: первый этап связан со временем их переселения в Грузию: это процесс происходил поэтапно и длился с XIX в. до нач. XX в. Первые переселенцы (разрозненные, некомпактные) отмечены в первой Камеральной переписи 1831 г., хотя в Панкисском ущелье, по архивным документам около двадцати семей кистов, живущих в с. Хорбалло, опережает данную перепись минимум на 30 лет, так как «согласно архивной справке выясняется, что кисты-чеченцы в верховьях Панкиси отмечены в 1791 г. в количестве 20 семей...» [Маргошвили, 1990, с. 3]. Данное село издревле входит в Тианетский округ и расположено по левобережью р. Алазани в 5 км от г. Ахмета. Её окружают «Бахтрионская церковь», останки Крепости Тамар, церкви «Святой Богородицы» и «Святого Георгия» и другие святилища. Компактное поселение этого ущелья кистами происходит много позже — в 1843, 1849, 1854... — вплоть до нач. XX в.

Исторически Панкиси, также как Алванская долина по побережью р. Алазани, принадлежали тушинам, которое проживали в нескольких сёлах (Омало, Биркиани, Дзибахеви, Бахтриони, Гургалчала, Пхакалкуре, Отхтвала, Байчлакюре и др.). В некоторых из них держали скот для перезимовки (в основном овец), а в некоторых жили вместе с семьями в домах, вполне пригодных для жилья. В своё время, поддавшись на уговоры местного Тинетского муниципального управления, которым руководил князь Леван Чолокашвили, тушины дали согласие на поселение кистов в Панкисское ущелье только с условием, что их поселят временно до тех пор, пока не подберут для них место для постоянного проживания.

Обоснованием для первого заселения Панкиси кистами послужило и то, что среди местного населения этим актом создавалась иллюзия, что прекратятся похищения скота и людей, которые в то время особенно одолевали приграничье Восточной Грузии. Дело доходило до того, что с лица земли стирали сёла, похищали не только простой люд (который потом продавался на Восточных рынках), но и стали похищать аристократическую знать (всем известна история с похищением сестёр Чавчавадзе, которые в плену Шамиля пробыли до тех пор, пока их не выкупили золотом). Надо отдать должное — с поселением кистов в ущелье похищения людей прекратились, но скот периодически всё же угонялся и это заканчивалось перманентными взаимными распрями.

Кто такие кисты? Это одно из чеченских племён, которое исторически проживали в горной части Чечни. Вот что пишет о них К.Ф. Ган в своём труде «Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей» (лето 1897 г.): «Во время путешествия мне пришлось познакомиться немного ближе с двумя племенами чеченцев, именно с кистинами и ингушами. По последней переписи на всем Кавказе числится 6150 кистин, из которых приблизительно половина, около 3000, живет в долинах р. Меше. Тут насчитывается 14 аулов и 230 дворов. Самые большие аулы Терети и Музо (на карте Машие). Долина р. Меше малоплодоносна и, вследствие сурового климата, жители очень бедны и часто нужда заставляла их грабить соседних хевсур...» [Ган, 1897]. «Википедия» тоже предлагает нам такую справку: «Устье реки Мешехи (уст. Меше-Хи) находится в 116 км по левому берегу реки Аргун. Её длина составляет 16 км. Вдоль реки цепью рас-

¹ <http://www.dzglebi.ge/statiebi/istoria/qistebi.html>

положены руины дозорных башен постройки IX–XIV вв. Кистины отделены от ингушей высоким горным хребтом, возвышающимся во многих местах до области вечного снега», что говорит о том, что вся означенная в этой справке территория когда-то была густо населена.

Термин *куштлу*, *кистлу* известен с древнейших времён — со времён Страбона. Думаем, что к этому времени кисты покинули свою исконную территорию, поэтому он среди вайнахов он немного подзабылся. Сам термин думаем, что принадлежит грузинам, так как его можно связать с др.груз. *клушти*, что означает «твёрдорукый, имеющий твёрдую руку (конечность)» — по аналогии с груз. *черклеси* «черкес», который исходит от груз. *клерклетлу* «твёрдый» [Шавхелишвили А., 2019, с. 65]. Хотя есть мнение, что он связан с чеч. *керист* «христианин» > **крисл* > *кисл* (ср., груз. *крислуани*), который тоже имеет право на существование, так как на границе с Грузией протекает р. Кистинка, которая могла быть своеобразным водоразделом, после чего уже начинается христианский мир, то есть Грузия. Не исключено и то, что здешнее население чеченцев одно из первых приняло христианство.

Надо заметить, что в справках последующих времён, на территории Чечни и Ингушетии подобно термину *кистов* не фигурирует и термин *шашан* в качестве отдельно взятой компактной единицы населения, поэтому сам этот факт наводит на мысль, что и те, и другие полностью выселились из этих мест в разных направлениях — одна часть переселилась в Грузию, а другая — подалась на Ближний Восток и сегодня они являются теми самыми *мухаджирами-шашанами*, которые проживают в Турции, Иордании и Сирии. Сейчас термин *шашан* среди вайнахов воспринимается скорее как эпоха *шашанов*, чем одно из племён, проживающих в нынешней Чечне.

В отличие от них кисты ассоциируют себя с вайнахами, которые в разное время перешли в Грузию с разных окраин Чечни и Ингушетии, поэтому уже к определённой компактной единице на своей старой родине себя они не причисляют. Термин обособлен и выражает только чеченцев, проживающих в Грузии. Именно поэтому в существующей ныне научной литературе сложилось мнение, что *кисты*, как этническая единица, сформировалась после их поселения на территории Грузии [Маргошвили, 1990, с. 3]. Мы всё же полагаем, что первые поселенцы — это то самое племя, которое упоминает К.Ф. Ган, в Аргунском ущелье, где он сам побывал и воочию познакомился с его населением. Интересна характеристика, которую он даёт кистам: «Кистины высокого роста, стройны и крепкого телосложения, лицо их красиво, овальной формы, нос орлиный. В движениях своих они выказывают большую ловкость и грацию, они очень понятливы и имеют большую охоту к учению. “Все мы *уздени*, — говорят они, — мы свободны, как борзсенна (волк) и единственную разницу между нами составляет большая или меньшая бедность” [Ган, 1897]. На самом деле это так и есть...

Из источников известно и то, что второй этап переселения кистов в Грузию связан с Джоколом Даркизанов-сыном — в прошлом наибом Имама Шамиля, который в 1854 г. привёл в Грузию вторую партию поселенцев-кистов. Он был из Майсты и, надо полагать, сам тоже приходил из них, так как с. *Пхьогл*, где он родился, именно из этих мест. Не секрет, что он враждовал с другим наибом Шамиля — Алдамом и чтобы избежать с его стороны кровной мести, Джоколо через князя Левана Чолокашвили наладил связи с Имперским Наместничеством и получил согласие поселиться в Грузии, но только с условием, что он с собой переведёт ещё несколько десятков семей. Вот архивная справка, свидетельствующая об этом: «От начальника Тушино-Пшаво-Хевсурского округа

13 февраля 1856 г. Докладная Записка

В 1854 году я успел склонить Кистинского Белада Джокола Даркизанашвили, наносившего до того значительные убытки, как вверенному мне округу, и ещё более Кахетии, к переселению с 54 семействами своих единоплеменников в наши пределы. 8 августа 1854 года он действительно прибыл ко мне в пограничное селение Муцо с 36 семействами; а 15 сентября вывел ещё 18 семейств. Белад этот наносивший прежде столько вреда, стал поборником нашим и всю месть и ожесточения свои обратил против своих единоплеменников, будучи обижен приближёнными Шамиля...» (справка взята из нового труда А. Шавхелишвили: Тушины Цовата (историко-этнографическое исследование), 2019).

Процесс переселения кистов в Панкисское ущелье шёл задолго до Джокола — и поэтапно, ибо несколько раньше, переселиться в с. Панкиси (так оно обозначено на карте Вахушти Багратиони), было позволено кистинцу Дуй Цицхашвили, который перед тем, как поселиться в Тианети, тоже был наёмом Шамиля и его соплеменником. Именно с ними по соседству и были поселены Джоколо и его спутники, которые составили 56 семейств. Так в Панкиси образовалось компактно заселённых кистами два села, одно из которых было село Панкиси, переименованное после смерти Дуй — в Дуиси и Джоколо, которое получило имя своего предводителя в его память.

Л. Маргошвили пишет: «Вначале первые переселенцы с. Дуиси осели вблизи с. Каклиани — в местечке *Балтагора*, но вскоре спустились в побережью р. Алазани — ближе к часовне Св. Николая, которую называли *Майстала*. По-видимому, на старой родине — в Майсты, они имели такие же молебни...» [Маргошвили, 1990, с. 223]. Название *Майстала* автор обосновывает тем, что на старой родине — в горном урочище Майсты (Чечня), они имели аналогичные святилища и в память о них так могли назвать и эту часовню (в 1902 г. она была снесена во время наводнения р. Алазани). По-видимому, это так и есть, так как по сведениям того же автора сторожили Панкиси помнят останки этой часовни, куда вплоть до принятия ислама, длилось полонничество кистинского населения в день Св. Николая [Там же]. К.Ф. Ган пишет, что «ингуши также высоко почитают святилища кистин, которые посвящены святому *Георгию*, *Богородице* и святой *Марии*...» [Ган, 1897]. Потому надо думать, что часть первых переселенцев из горной Чечни в Панкиси были христиане, а часть — всё ещё язычники, так как их поселение, как правило, сопровождалось обрядом крещения новопоселившихся.

Надо заметить, что как Дуй, так и Джоколо в исторических справках упоминаются как наём Имама Шамиля, то есть как мусульмане. Возможно это так и было, в противном случае, они не смогли бы стать наёмниками Имама, но их спутники думаем, не успели принять ислам, так как главной причиной оставления ими насиженных мест в документах часто указывалось то, что Шамиль насильственно насаждал ислам, который был для них неприемлем. Сам Дуй и его соплеменники были из чеченского рода Дышни, который относился к нохчемахкахойцам (Чечня — нынешние Шалинский, Курчалойский, Веденский и Ножай-Юртовский районы), а переселенцы Джоколо были именно те самые кисты, которые упомянуты в работе К.Ф. Гана.

Заключение

Наш лингвистический анализ речи кистов Панкиси подтверждает эту гипотезу, ибо речь джоколойцев и дуйисцев являет собой пример классической диглоссии, которая, несмотря на два века совместного проживания, каждая характеризуется своими, индивидуальными лексико-фонетическими маркерами. Причина в том, что в ней отразились не только разные эпохи их пе-

реселения, но и мест проживания на своей «первородине». Впоследствии мы планируем подключить данные речи турецких *шашан* в сравнении с кистинским диалектным материалом и уже на основе комплексного исследования искать дополнительные подтверждения. Это очень важно, так как речь мухаджиров-шашан очень схожа с речью кистов Панкиси, ибо в речи сохранены те общие лексико-грамматические особенности, которые характерны для кистинского диалекта в целом, того самого изначального, который отличал его от литературного чеченского. Это позволит с одной стороны, установить и лингвистическую хронологию поселения кистов в Панкиси, и с другой — проследить этот же процесс на территории Ближнего Востока.

Несомненно, в речи населения с обеих сторон чувствуется влияние того окружения, где они живут на протяжении десятков лет — грузинского и турецкого, однако, это явление, как вы понимаете, вторичное и оно легко бросается в глаза, так как на примерах их речи мы сможем убедиться насколько языковые маркеры, которые изначально были характерны для диалекта на родине, у них сохранены по сей день и в чём они разнятся.

Список литературы

1. Ган К.Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей, 1897. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd...> (дата обращения: 03.03.2019).
2. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и нач. XX в. (Кисты Панкиси), Тбилиси, 1990. 254 с.
3. Шавхелишвили А.И. Тушины Цовата (историко-этнографическое исследование), Тбилиси, 2019. 256 с.
4. Шавхелишвили Б.А. Язык. Мышление. Этнос (Лингвистические изыскания), Пермь: Прикамский социальный институт, 2012. 195 с.

Shavkhelishvili B. A.

Professor (Philology), Georgia, Tbilisi

Tabidze M. Sh.

Grand Ph.D. (Philology), Georgia, Tbilisi

PANKISI KISTS: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

Kists living in the Pankisi of modern Georgia in Georgian society for a long time were considered as the most adapted and integrated and related to Georgians - so much so that the majority of the population (who do not understand the historical and philological sciences) were perceived as one of the Georgian ethnic groups. This explains the fact that the interesting and complete adventure story of the appearance of cysts in Georgia is full of folklore versions. On the territory of Chechnya and Ingushetia, nowadays the term cysts is not used and the term Shashan as a single compact unit of the population, so this fact suggests that both of them was completely evicted from these places in different directions - one part moved to Georgia, and the other went to the Middle East, and today they are the same Mohajira Shashans who live in Turkey, Jordan and Syria. Our linguistic analysis of the speech of the Pankisi cysts confirms this hypothesis, since the speech of the Pankisi Jokoloyans and Duiis is an example of classical diglossia, which, despite two centuries of living together, is characterized by its own individual lexical and phonetic markers. We consider the reason by that they reflect not only the different epochs of their resettlement, but also the places of their original residence on their first-born.

Key words: Pankisi, Pankisi kists, sociolinguistics, ethnic group, migration, dialect.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

УДК 811.112.2 (075.8)

Архипова Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент,

Новосибирский государственный педагогический университет

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28

Тел.: +7(383)2441161

E-mail: irarch@yandex.ru

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ТАКСИСНЫЕ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются обстоятельственные таксисные ситуации в немецком языке. Функциональный и семантический анализ таксисных отношений демонстрирует главные типы таксиса в целом: обстоятельственные таксисные отношения одновременности, модальные, условные, причинные и медиальные таксисные отношения одновременности.

Ключевые слова: таксисные отношения, обстоятельственные таксисные ситуации, девербатив, немецкий язык, функционально-семантическое поле.

Введение

Таксис как сложное функционально-семантическое поле (ФСП) формируется различными грамматическими, лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами и имеет компактную полицентрическую структуру с двумя сферами — зависимого и независимого таксиса. Описание данной категории можно найти в различных исследованиях отечественных языковедов А.В. Бондарко, Т.Г. Акимовой, Н.А. Козинцевой, М.Б. Нуртазиной, Л.Н. Оркиной, С.М. Полянского, И.В. Архиповой и др. [Акимова, Козинцева, 1985; Архипова, 2006, 2011, 2012а, 2012б, 2012в, 2013; Бондарко, 1984; Маслова, 1978; Нуртазина, 2010; Полянский, 1991, 2001; Теория функциональной грамматики, 1987; Шустова, 2011, 2011а]. Под отношениями зависимого таксиса понимаются хронологические отношения одновременности и разновременности в их «чистом виде» и хронологические отношения в совокупности с другими значениями логической обусловленности и модальности, или так называемые обстоятельственно-таксисные отношения.

Основная часть

Высказывания с предложными девербативами являются конститuentами функционально-семантического поля (ФСП), или субполя (ФСсП) зависимого таксиса современного немецкого языка.

Обстоятельственно-таксисные отношения одновременности формируются в высказываниях с предлогами *in, bei, unter, mit* в модальном, медиальном, условном и причинном значениях. Ср.:

(1) «Es ist ja offen», rief es von innen, und Karl *öffnete mit ehrlichem Aufatmen die Tür* (F. Kafka).

(2) Crisanta *erschrak bei dem Anblick ihrer Besucherin* (A. Seghers).

При формировании модально-таксисных ситуаций одновременности по своим аспектуальным параметрам соотносятся дуративные состояния, процессы или протяженные непредельные действия девербативных существительных и аналогичные состояния, процессы и действия глаголов. Процессы, действия или состояния, обозначаемые девербативами с *in, bei* и *mit*, являются при этом некоторым способом осуществления основного действия или манерой протекания основного процесса глагольного сказуемого. Ср.:

(4) Fast eine Minute *saßen* sie so *in völligem Schweigen* ... (F. Fühmann).

(5) Edgar, wie willenlos, wie an Drähten, *trottet* immer mechanisch hinter ihnen *her, in stierem, hilflosem Nachdenken* (L. Feuchtwanger).

(6) Edgar... *trottet* immer mechanisch hinter ihnen *her, in stierem, hilflosem Nachdenken* (L. Feuchtwanger).

(7) Unrat machte nochmals kehrt und *schlich* zwei, drei Schritte weiter, *in einem drohenden Schweigen* (H. Mann).

(8) Ich dachte abwechselnd oder durcheinander an Rosa und die Frau in Venedig, wie wir *in scheuem Witzemachen* miteinander *gegangen* waren... (U. Widmer).

В высказываниях (4–8) формируются модально-таксисные ситуации полной одновременности при соотнесении дуративно-процессуальных и акционально-девербативов на *-en* (*das Schweigen, das Nachdenken* и *das Witzemachen*) (семь: «дуративность», «непредельность», «процессуальность») со стательными и акциональными глаголами с аналогичными аспектуальными характеристиками («дуративностью» и «непредельностью») (*sitzen, schleichen, trotten* и др.). При этом модально-таксисные значения полной одновременности итеративизируются наличием кратных обстоятельств «*immer*» и «*zwei, drei Schritte*», в результате чего в них эксплицируются модально-таксисные отношения итеративной одновременности.

Медиально-таксисные отношения одновременности формируются в высказываниях, содержащих акциональные и процессуальные девербативы, как правило, на *-en* или *-ung* с предлогами *mit* и *unter* в медиальном значении.

Сопутствующее действие или дуративный / трансформативный процесс девербатива с предлогом *mit* или *unter* в медиальном значении представляет собой «средство-способ» или «средство-орудие» осуществления субъектом некоторого целенаправленного действия глагола. Ср.:

(9) Aber mein Vater schwieg auf der ganzen Fahrt, er *strafte* mich *mit einem Schweigen* ... (S. Lenz).

(10) Frau Färber *hatte* Herrn Klaff *mit sofortiger Kündigungsgedroht* ... (M. Walser).

(11) Müller *quittierte* diesen Zug *mit einem Kopfschütteln* und schlug mit seinem Springer den gedeckten weissen Königsbauern (D. Noll).

(12) Frau Färber *hatte* Herrn Klaff *mit sofortiger Kündigungsgedroht* ... (M. Walser).

В высказываниях, передающих медиально-таксисную ситуацию частичной одновременности, имеет место сочетание акциональных глаголов со значением целенаправленного результативного действия, в частности, каузативных глаголов с семантикой психического / физического воздействия (*abwehren, abtun, auffordern, ermahnen, quittieren, strafen, streifen* и т. п.), и акциональных девербативов-соматизмов (*das Achselzucken, das Aufblitzen (der Augen), das Kopfschütteln, das Kopfnicken, das Lachen, das Heben (des Kinns), das Senken (der Augenlider)* и др.). Ср.:

(13) Er konnte nicht sehen, dass Kropinski mit *energischem Kopfschütteln* abwehrte, saugte aber gierig das Geflüster neben sich auf (B. Apitz).

(14) Gottschak *quittierte* es mit einem *Achselzucken* (F. Göhre).

(15) Mit einem *raschen Aufblitzen seiner Augenstreifte* er ihr Gesicht, und zog es vor, zu schweigen (L. Rinser).

Кондиционально-таксисные отношения одновременности эксплицируются в высказываниях, содержащих девербативы с предлогами *bei* и *unter* в условном значении. При этом сопутствующее действие, процесс или событие девербатива с предлогом *bei* или *unter* является некоторым условием, при котором имеет место основное действие, процесс, событие глагольного предиката. Ср.:

(16) *Bei Betrachtung dieser Jahre Carolinens glaubt* man fest daran, dass die Zukunft eines Menschen immer schon um ihn sei ... (R.M. Rilke).

(17) *Bei näherem Zusehen hatte* er festgestellt, dass auch bei den Persickes und darunter bei Fromm Licht war ... (H. Fallada).

(18) *Unter unheilvollem Schweigen des bleichgewordenen Herrn Hohmeier wickelte sich* das Geschäft jetzt *glatt ab* (L. Frank).

В высказываниях с предлогом *bei* в силу его многозначности для уточнения кондициональных отношений часто употребляются дополнительные лексические средства — так называемые *актуализаторы* условных отношений (*erst, nur, aber* и др.). Определительно-оценочные компоненты девербативных существительных (атрибуты *näher, genauer, zärter* и др.), характеризую их, ограничивают тем самым сферу употребления всей предложной конструкции с *bei*, что в свою очередь становится условием осуществления действий глагольных сказуемых. Ср. также:

(19) *Erst bei der Verbeugung* sucht sie Arne und lächelt ihm strahlend zu (Ch. Grasmeyer).

(20) *Bei einer Wendung der Lampe* oder *nur beim Schliessen der Tür* verblasste der Schatten an der Wand wie das Trugbild in meinem Kopf (A. Seghers).

(21) *Bei zärterem Abtasten* ergab jedoch das Schreiben mehr an Eigenart und Persönlichkeit, als man beim ersten Lesen vermutet hatte (H. Hesse).

(22) Wie es sich ja überhaupt *bei genauerem Nachdenken* zeigt, dass die Veränderungen, welche die Sachlage im Laufe der Zeit erfahren zu haben scheint, keine Veränderungen der Sache selbst sind, sondern nur die Entwicklung meiner Anschauung von ihr ... (F. Kafka).

Каузально-таксисные отношения одновременности формируются в высказываниях, содержащих девербативы с предлогами *bei, unter* и *mit* в каузальном значении. При этом сопутствующее действие, процесс или событие, обозначаемое девербативом с *bei, unter* и *mit*, дает своего рода обоснование основному действию глагола или называет некоторую причину его осуществления. Действие девербатива может быть причиной проявления эмоционально-

го/психического состояния человека как субъекта действия или же причиной его некоторых физических/морально-этических действий. Ср., например:

(23) *Beim Anblick des sterbenden Kindes* verlor er den Rest seiner Besinnung (H. Fallada).

(24) *Huldbrand empfand einen kleinen Schauer bei dieser Erinnerung* und blickte unwillkürlich nach dem Fenster ... (H. Fallada).

(25) Sie kannte mich also, sie war freundlich zu mir, obgleich ich *unter der Beschuldigung des Mordversuchs an meiner eigenen Frau in Haft saß* (H. Fallada).

(26) *Bei diesem Anblick war Nordfors erstarrt*, ihn packte ein Grauen (W. Schreyer).

Заключение

Итак, обстоятельство-таксисные ситуации одновременности эксплицируются в немецких полипропозитивных высказываниях с предложениями *in*, *bei*, *mit*, *unter* при употреблении их в модальном, медиальном, кондициональном и каузальном значениях.

Список литературы

1. Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. К определению значения зависимого таксиса в русском языке (на материале конструкций с деепричастиями) // Ученые записки Тартусского государственного университета. Функциональные аспекты грамматики русского языка. 1985. Вып. 719. С. 44–61.
2. Архипова И.В. Функционально-семантический анализ немецких высказываний с предложными девербативами: учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2006. 141 с.
3. Архипова И.В. Таксисные отношения в высказываниях с предложными девербативами // Функциональные свойства единиц языка: коллективная монография. Сер. Прикамское научное собрание. Пермь: Прикамский социальный институт, 2011. С. 16–46.
4. Архипова И.В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012а. Т. 9. № 5. С. 95–104.
5. Архипова И.В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2012б. 148 с.
6. Архипова И.В. Кратный таксис в современном немецком языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012в. Т. 9. № 5. С. 95–104.
7. Архипова И.В. Предложные девербативы в современном немецком языке. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2013. 80 с.
8. Архипова И.В. Предложный девербатив как конституент зависимого таксиса современного немецкого языка // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 135–142.
9. Архипова И.В. Лингвистический статус предложных девербативов // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2016а. № 10. С. 7–10.
10. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, 1984. 134 с.
11. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 1. Вопросы сопоставительной аспектологии. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4–44.
12. Нуртазина М.Б. Семантический потенциал таксиса при реализации идеи времени // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2010. № 4–5. С. 127–129.

13. Полянский С.М. К установлению признаков функционально-семантической категории таксиса // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике: межвуз. сб. науч. тр. Редкол.: С.М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.

14. Полянский С.М. Таксис — относительно время — эвиденциальность // Сибирский лингвистический семинар. № 2(2). Новосибирск, 2001. С. 34–47.

15. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. Ленинград: Наука, 1987. 348 с.

16. Шустова С.В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте. Автореф. ...д. филол. н. Пермь, 2011. 42 с.

17. Шустова С.В. Темпорально-аспектуально-таксисные отношения в немецком языке // Филологические заметки. 2011а, Т. 2. С. 355–364.

Arkhipova I. V.

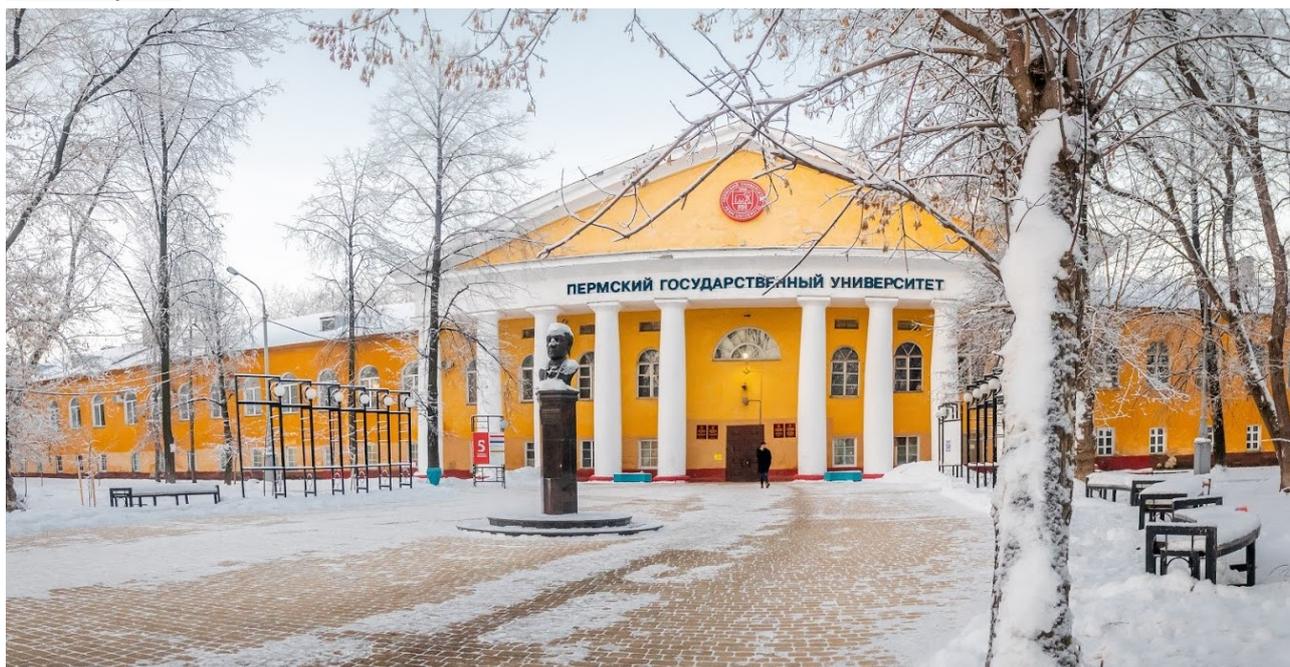
Ph.D. (Philology),

Novosibisk State Pedagogical University

CASES OF TAXIS SITUATIONS IN MODERN GERMAN LANGUAGE

The article deals with adverbial taxis situations in the German language. The functional and semantic analysis of taxis relations demonstrate the main types of taxis in general: adversarial taxis relations of simultaneous-sti, modal, conditional, causal and medial taxis of relations of simultaneous-sti.

Key words: taxis relations, adverbial taxis situations, de-verbative, the German language, functional-semantic field.

© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета

УДК 81"367.625-112.2(045)

Астахова Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17
Тел.: 89600055710
E-mail: t.astahova@narfu.ru

**МОДАЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ SOLLEN КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ**

Модальный глагол sollen является средством выражения одного из эвиденциальных значений — пересказывательности — в немецком языке. В статье производится анализ частотности употребления данного глагола в качестве эвиденциального маркера в текстах немецкой прессы, а также исследуются особенности его функционирования. Кроме того, дана характеристика случаев, когда глагол sollen одновременно используется для выражения как эвиденциальности, так и эпистемической модальности.

Ключевые слова: эвиденциальность, эпистемическая модальность, немецкий язык, модальные глаголы.

Введение

Основным семантическим признаком категории эвиденциальности является ссылка на источник информации [Козинцева, 2007, с. 13–14]. В некоторых языках мира (в тюркских, финно-угорских, кавказских языках, в языках американских индейцев и др.) данная категория является грамматической. В немецком языке присутствует ряд разноуровневых средств с эвиденциальной семантикой, поэтому целесообразно говорить о существовании функционально-семантического поля эвиденциальности.

Традиционно эвиденциальность делится на два типа — прямую и косвенную. Прямая эвиденциальность реализуется в высказывании, если говорящий получает информацию на основании чувственного восприятия действительности. Косвенная эвиденциальность включает в себя две сферы: инференциальность (говорящий формулирует предложение посредством логического умозаключения) и пересказывательность (источником информации служат сообщения других лиц) [Там же, с. 16]. В сфере пересказывательности также выделяют два типа значений: цитатив (источником информации являются определенные лица, организации и т. д.) и слухи (в качестве источника выступают неизвестные источники, которые в тексте не называются) [Willett, 1988, p. 57]. Следует отметить, что использование ссылок на источники информации является одним из проявления интертекстуальности текстов СМИ, или медиатекстов [Клочко, 2018].

Основная часть

Исследователи полагают, что глагол sollen имеет разные значения. Е.В. Боднарук отмечает, что глагол sollen используется для выражения следующих значений:

- 1) деонтическое значение (значение долженствования);
- 2) эвиденциальное значение (при передаче чужой речи);
- 3) футуральное значение.

Она отмечает, что в эвиденциальном значении глагол *sollen* является синонимичным высказываниям с косвенной речью [Боднарук, 2014, с. 70].

Для выявления особенностей эвиденциального употребления модального глагола *sollen* был произведен анализ статей выпуска газеты *Süddeutsche Zeitung* за 10 июля 2013 года (был проанализирован 341 пример).

Эвиденциальное значение немецкого модального глагола *sollen* относится к области косвенной эвиденциальности: он «выражает, что говорящий не ручается за истинность передаваемой новости или информации» [Duden online]. Глагол является весьма распространенным эвиденциальным маркером: случаи его употребления составляют 15 % от всех маркеров пересказывательности в проанализированных статьях. Под маркерами пересказывательности подразумеваются языковые средства, содержащие ссылку на источник информации: главные предложения в составе сложноподчиненных и бессоюзных предложений, вводные предложения, предложные конструкции, модальное слово *angeblich*. *Sollen* чаще используется для выражения значения «слухи» — 61 % от всех случаев эвиденциального употребления: *Im Juni 2014 soll das ehemalige Wahrzeichen wiedereröffnet werden: als Sitz von Bürgermeister und Stadtrat* [SZ, 2013, S. 3].

Глагол *sollen* может сочетаться с другими эвиденциальными маркерами. Сочетание нескольких эвиденциальных маркеров для выражения одного значения называется эвиденциальным согласованием (evidential concord) При этом в одном предложении может сочетаться не более трёх средств выражения пересказывательности: *Anna sagt Bea soll angeblich gestern angekommen sein* [Schenner, 2007, S. 209–210]. Б. Ханзен указывает на то, что возможно сочетание конъюнктива и эвиденциального глагола *sollen*: *Ich sagte ihm, ich solle nicht zuständig sein* — Я ему говорил, что это, как мне сказали, не входит в мои функции [Ханзен, 2007, с. 248].

Результаты исследования позволяют констатировать, что глагол *sollen* выражает значение «цитатив» в 39 % случаев. При этом источник информации может приводиться: а) в одном предложении с глаголом *sollen*: *Auf dem US-Stützpunkt Wiesbaden und mutmaßlich auch einer Mainzer Außenstelle ist eine Brigade tätig, die vor allem für die Verarbeitung und Analyse von Geheimdienstinformationen zuständig sein soll, wie es in amtlichen Papieren heißt* [SZ, 2013, S. 6]; б) в предыдущем предложении: *Die Bundesanwaltschaft wirft André E. die Unterstützung einer terroristischen Vereinigung vor. Er soll bis zuletzt engen Kontakt zu Beate Zschäpe, Uwe Mundlos und Uwe Böhnhardt gehabt haben und fest im rechtsradikalen Gedankengut verankert sein* [Ibid.].

Sollen в эвиденциальном значении употребляется как с инфинитивом I (1), так и с инфинитивом II (2) [Арсаханова, 2010; Нефёдов, 2013; Ханзен, 2007]: 1) *Jan Fischer soll im neuen „Experten-Kabinett“ stellvertretender Ministerpräsident und Finanzminister werden* [SZ, 2013, S. 7]; 2) *Der frühere Präsident des Rechnungshofes, Gérard Reuter, soll vermittelt haben* [Ibid., S. 3].

Б. Вимер приводит способ отличия эвиденциального значения глагола от деонтического. «Если направленная иллокуция относится к контролируемой ситуации, то преобладает деонтическое значение, если ситуация представлена как неконтролируемая (например, как простое описание), значение пересказывательности выходит на первый план». Так, в примере *Er soll im Bett liegen* основным значением является эвиденциальное, а в предложении *Er soll im Bett liegen bleiben* преобладает деонтическая семантика. Если же *sollen* употребляется с ин-

финитивом II, то деонтическое значение блокируется, возможно лишь эвиденциальное. Исследователь также отмечает, что *sollen* в эвиденциальном значении может употребляться только в форме настоящего времени [Wiemer, 2010, p. 81].

Однако в ходе анализа текстов выяснилось, что глагол *sollen* в значении «пересказывательность» может использоваться также в форме простого прошедшего времени: *Oder 2011: Damals wurden „Special Security Officer“ für Darmstadt gesucht. Sie sollten für die Sicherheit sensibler Einrichtungen zuständig sein* [SZ, 2013, S. 6].

В некоторых случаях эвиденциальность реализуется в высказываниях одновременно с эпистемической модальностью [Блох, Аверина, 2011, с. 47–48; Зеленецкий, Новожилова, 2003, с. 87]. Н.А. Козинцева определяет последнюю категорию следующим образом: «Эпистемическая характеристика высказывания представляет собой оценку достоверности высказывания с точки зрения говорящего. Достоверность высказывания представляет собой один из аспектов субъективно-модальных значений» [Козинцева, 2007, с. 26].

А.В. Аверина полагает, что если в тексте приводится противопоставление различных точек зрения, то говорящий посредством глагола *sollen* выражает свое сомнение относительно данной информации [Аверина, 2010, с. 14–15].

Э. Ляйсс говорит о средней степени истинности пропозиции в эвиденциальной конструкции с глаголом *sollen* [Leiss, 2009, S. 10]. Е.В. Боднарук отмечает, что глагол *sollen* наряду с эвиденциальным значением лишь иногда выражает эпистемическое значение, которое «может проявляться в том, что говорящий дистанцируется от передаваемой им чужой речи или выражает определённое сомнение в её достоверности» [Боднарук, 2013, с. 54]. М. Фоллер утверждает, что эвиденциальный глагол *sollen* не предполагает оценку говорящим истинности пропозиции. Говорящий может полагать, что пропозиция истинна, ложна, или может выражать нейтральное отношение [Faller, 2012].

Анализ контекстов позволяет сделать следующие выводы. Говорящий полагает, что пропозиция истинна в следующих случаях:

1) если в ней приводятся конкретные численные данные: *Das Flüssigerdgas-Projekt in der Arktis soll 2016 die Gas-Förderung aufnehmen und schon zwei Jahre später 16,5 Millionen Tonnen des verflüssigten Erdgases in speziellen Tankschiffen ausliefern* [SZ, 2013, S. 19];

2) если в предложении (или в ближайшем контексте) приводится дополнительная ссылка на авторитетный для большинства читателей источник информации: *Dazu soll eine gemeinsame Behörde und ein gemeinsamer Abwicklungsfonds eingerichtet werden, erfuhr die Süddeutsche Zeitung von EU-Diplomaten* [Ibid., S. 25].

Говорящий может выражать неуверенность в содержании пропозиции в следующих случаях:

1) указание на неуверенность содержится в ближайшем контексте: *Und deshalb wird es wohl weiter keine Beweise geben für das seit den Attentaten hartnäckig kursierende Gerücht, dass der Bruder des Großherzogs Henri an den Attentaten beteiligt gewesen sein soll* [Ibid., S. 3];

2) в предложении употребляется модальное слово *angeblich*: *Angeblich soll die Brigade verstärkt werden* [Ibid., S. 6].

Отметим, что модальное слово *angeblich* тоже является средством выражения эвиденциальности. Следовательно, в данном случае в одном предложении присутствуют два эвиденциальных маркера с одинаковым значением — «слухи», и здесь также реализуется эвиденциальное согласование.

Однако говорящий может иметь и нейтральное отношение к пропозиции, в данном случае глагол *sollen* не имеет дополнительного значения эпистемической модальности: *Der frühere Präsident des Rechnungshofes, Gérard Reuter, soll vermittelt haben* [Ibid., S. 3].

Кроме того, следует отметить, что глагол *sollen* может выражать эвиденциальное значение в разных типах предложений:

1) в простых предложениях: *Mit Hilfe der Bank soll das Geld auf die Briefkastenfirma in der Karibik transferiert worden sein* [SZ, 2014, S. 1];

2) в главных предложениях: *Damals soll Funke gesagt haben, dass er bereits im Dezember 2007 die Aktionäre vor der Schieflage warnen wollte* [Ibid., S. 21];

3) в придаточных предложениях: *Zudem geht es um den Flug eines Ambulanz-Jets, mit dem eine inzwischen geschasste ADAC-Managerin ihren Sohn nach Ägypten in den Urlaub geschickt haben soll* [Ibid., S. 1];

4) в элементарных предложениях в составе сложносочинённых: *Auch in diesem Fall sollte die Hälfte der Patienten ein Placebo erhalten, sie waren damit einem erhöhten Risiko ausgesetzt, einen Schlaganfall oder einen Herzinfarkt zu bekommen* [Spiegel, 2013, S. 41];

5) в постпозитивных частях бессоюзных сложных предложений: *Ohnehin ist der Zivildienst Vergangenheit: Er wurde 2011 mit der Wehrpflicht ausgesetzt — den Bedarf an Hilfskräften soll seitdem der Bundesfreiwilligendienst decken* (SZ, 2013, S. 1).

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Глагол *sollen* является средством выражения одного из эвиденциальных значений — пересказывательности — в немецких текстах прессы. Глагол *sollen* является довольно распространенным эвиденциальным маркером. *Sollen* может использоваться для выражения значения «слухи» и «цитатив». У глагола *sollen* эвиденциальное значение может сочетаться с эпистемическим лишь при определенных условиях. Глагол может употребляться в эвиденциальном значении как с инфинитивом I, так и с инфинитивом II, чаще всего употребляется в форме настоящего времени, однако иногда встречается и в форме простого прошедшего времени (претерит). Глагол *sollen* в эвиденциальном значении может использоваться в разных типах предложений: в простых, главных, придаточных предложениях, в элементарных предложениях в составе сложносочинённых, в постпозитивных частях бессоюзных сложных предложений.

Список литературы

1. Аверина А.В. Стилистический аспект функционально-стилистического поля (на примере поля эпистемической модальности немецкого языка). Автореф. ... д. филол. н. Москва, 2010. 38 с.
2. Арсаханова М.А.-Х. Парадигма времени немецкого и чеченского глагола. Автореф. ... к. филол. н. Пятигорск, 2010. 21 с.
3. Блох М.Я., Аверина А.В. Поле эпистемической модальности в пространстве текста. Монография. Москва: Изд-во «Московский педагогический государственный университет», 2011. 156 с.
4. Боднарук Е.В. Особенности использования глаголов *sollen* и *wollen* при передаче чужой речи о предстоящих событиях // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7 (60). С. 70–73.
5. Боднарук Е.В. Роль модальных глаголов в выражении будущего времени в немецком языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 53–59.

6. Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания. Учебное пособие для студ. вузов. Москва: Академия, 2003. 400 с.
7. Ключко К.А. Некоторые особенности подтекста и интертекста в структуре современного медиатекста // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 101–104.
8. Козинцева Н.А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. ст. памяти Н.А. Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; Ред. В.С. Храковский. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 13–36.
9. Нефёдов С.Т. Взаимодействие грамматических и лексических маркеров эвиденциальности в диакронии немецкого языка // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 26–31 марта 2012 г. Избранные труды / Отв. ред. А.С. Асиновский, С.И. Богданов. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 118–124.
10. Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. ст. памяти Н.А. Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; Ред. В.С. Храковский. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 241–252.
11. Duden online. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 25.04.2019).
12. Faller M. Reportative evidentials and modal subordination. 2012. URL: <http://media.leidenuniv.nl/legacy/faller-martina.pdf> (дата обращения: 26.04.2019).
13. Leiss E. Drei Spielarten der Epistemizität, drei Spielarten der Evidentialität und drei Spielarten des Wissens // Modalität, Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus / Hrsg. W. Abraham, E. Leiss. — Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. S. 3-24. (Studien zur deutschen Grammatik; 77).
14. Schenner M. Semantic Complexity of Evidentials: Some Typological Parameters // Proceedings of LingO. 2007. P. 204–211. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.579.4706&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 19.04.2019).
15. Wiemer B. Hearsay in European languages: toward an integrative account of grammatical and lexical marking // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / eds. Diewald G., Smirnova E. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 59–129. (Empirical Approaches to Language Typology, 49).
16. Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in Language. 1988. Vol. 12. P. 51–97.

Источники

1. Der Spiegel. 2013. Nr. 20.
2. Süddeutsche Zeitung (SZ). 2013. 10. Juli.
3. Süddeutsche Zeitung (SZ). 2014. 4. Februar.

Astakhova T. N.

*Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of English Language
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,*

MODAL VERB SOLLEN AS A MEANS OF EXPRESSION OF EVIDENTIALITY IN GERMAN PRESS

The modal verb “sollen” expresses evidential meaning “reportive” in the German language. The article analyses the frequency of this verb as an evidential marker in German press texts, also it is focused on different peculiarities of its functioning. Besides, there are of cases when the verb “sollen” can be used for expression of evidentiality and epistemic modality simultaneously.

Key words: evidentiality, epistemic modality, the German language, modal verbs.

УДК [81`36]=112.2

Боднарук Елена Владимировна

Доктор филологических наук, доцент,

заведующий кафедрой немецкой и французской филологии,

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

163000, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17

Тел.: 8(8182)660588

E-mail: e.bodnaruk@narfu.ru

ГЛАГОЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья освещает вопрос о межкатегориальных связях глагольной категории времени в немецком языке, точках соприкосновения данной категории с категориями аспектуальности, модальности и таксиса. Выявляются сходства и отличия таксисных и относительных значений. Определяется, влияет ли наличие у временных форм немецкого языка нетемпоральных характеристик на состав и количество форм в системе глагольной темпоральности.

Ключевые слова: глагольная категория времени, темпоральные, модальные, аспектуальные и таксисные характеристики временных форм, немецкий язык.

Введение

Время — это «объективная реальность», выражающаяся «в последовательной смене событий» [Мыркин, 1996, с. 95]. Оно имеет векторный характер. «Время представляется таким образом, как будто бы его поток, который упорядочивает события физического мира, протекает через человеческое сознание и вынуждает его приспособливаться к этому порядку ... и нам нельзя избавиться от этого неумолимого потока, который непрерывно течет от прошлого через настоящее к будущему» [Рейхенбах, 1962, с. 11].

Уже Аристотель выделял время как характерную особенность **глагола** в отличие от имени. Естественно в связи с этим полагать, что наиболее «специфическим языковым отражением объективного времени» является именно «глагольное время» [Маслов, 1998, с. 89]. Хотя временные отношения передаются и многими другими способами.

Настоящая статья посвящена анализу некоторых спорных вопросов глагольной категории времени в современном немецком языке, отражающих сложность ее структуры, семантики и функционирования.

Основная часть

А.В. Бондарко справедливо полагал, что с выражением идеи времени связан целый ряд категорий. Это не только категория времени (или темпоральности), но также категории аспектуальности, временной локализованности, таксиса и временного порядка [Бондарко,

2011, с. 26]. В работах других исследователей категории временной локализованности, временного порядка, а также довольно часто и категория таксиса не рассматриваются как отдельные категории, а входят в состав единой категории темпоральности как ее компоненты. При условии такого объединения становится возможным говорить о двух базовых категориях, имеющих дело с выражением идеи времени — категориях темпоральности и аспектуальности.

Тесная связь обнаруживается не только между темпоральностью и аспектуальностью, но также между темпоральностью и модальностью. Известно, что дифференциация временных форм глагола обнаруживается в рамках категории наклонения. Таким образом, наклонение, как модальная категория, по сути, детерминирует характер временных отношений в высказывании. Таким образом, в области глагольной темпоральности имеет место тесное взаимодействие категории времени с категориями аспекта и наклонения. Не случайно, в последнее время в немецкой лингвистике принято говорить о так называемых ТАМ (или ТМА)-категориях (Tempus (грамматическое время), Aspekt (вид), Modus (наклонение)) и исследовать их в едином темпорально-аспектуально-модальном комплексе [напр.: Thieroff, 2004, S. 63].

Названные категории относятся к числу ингерентных категорий глагола, в отличие, например, от категорий лица и числа (относимых к согласовательным категориям) и залога (являющегося трансформационной или реляционной категорией) [Thieroff, 1992, S. 13]. Ингерентные категории характеризуются тем, что обнаруживают тесные взаимосвязи друг с другом и отражают сущностные черты глагола.

Вместе с тем, категория аспекта отличается от категорий времени и наклонения своим нешифтерным (недейктическим) характером. К тому же, в немецком языке она может быть нерелевантной для глаголов в личной форме, и в связи с этим обычно отрицается германистами как имеющая грамматический характер. В центре внимания остаются, таким образом, время и наклонение.

Довольно часто отношения между категориями времени и наклонения определяются как гиперо-гипонимические. В качестве гиперонима может в зависимости от концепции исследователя выступать либо категория времени, либо категория наклонения [см.: Petrova, 2008, S. 27]. А.В. Зеленщиков, например, отмечает, что «в лингвистике находят больше оснований для включения категории времени в категорию модальности, чем для рассмотрения, как это нередко делается в логике, категории модальности в терминах категории времени» [Зеленщиков, 1997, с. 89]. В.С. Храковский и А.П. Володин склонны считать категорию глагольного времени субкатегорией наклонения [Храковский, Володин, 1986, с. 64–66]. Встречается и другой подход к характеристике связи между данными категориями. Так, М. Котин полагает, что существует принципиальная референциальная идентичность между категориями *время* и *наклонение*. Это означает, что любая временная форма имплицитно модальные значения и, наоборот, каждая форма наклонения имеет временное значение [Kotin, 2010, с. 29].

Если же обратиться к темпоральным отношениям, то на первый план выдвигается вопрос разграничения *абсолютного* и *относительного* употребления глагольных единиц, а также соотношение понятий *относительное временное значение* и *таксисное значение*.

Считается, что различие абсолютного и относительного времени зависит от того, ориентировано ли действие на момент речи, или оно определяется с точки зрения времени другого действия или какой-либо иной точки отсчета, не являющейся моментом речи [Бондарко, 1990, с. 13–14].

Когда действие ориентировано на момент речи говорящего субъекта, принято говорить об абсолютном употреблении временных форм. При этом выражается настоящее (действие совпадает с МР), прошлое (действие предшествует МР) или будущее (действие следует за МР). При выражении относительного значения действие ориентировано не на момент речи, а рассматривается относительно другого действия, предшествуя ему, следуя за ним или осуществляясь одновременно с ним. Типичным контекстом для абсолютного употребления является простое предложение диалогической речи, а для относительного употребления — определенные типы придаточных предложений (например, придаточные предложения времени). При темпоральной интерпретации остальных случаев употребления могут возникать споры.

Так, А.В. Бондарко считает абсолютным как употребление временных форм в диалоге, то есть с ориентацией на момент речи, так и их употребление в авторском повествовании, то есть при отсутствии живой связи времени действия с настоящим временем речи. Причем, если в составе одного предложения авторской речи представлено два действия, то одно из них можно расценивать как основное, выражающее абсолютное значение, другое действие как выражающее относительное значение [Бондарко, 1990, с. 13–15].

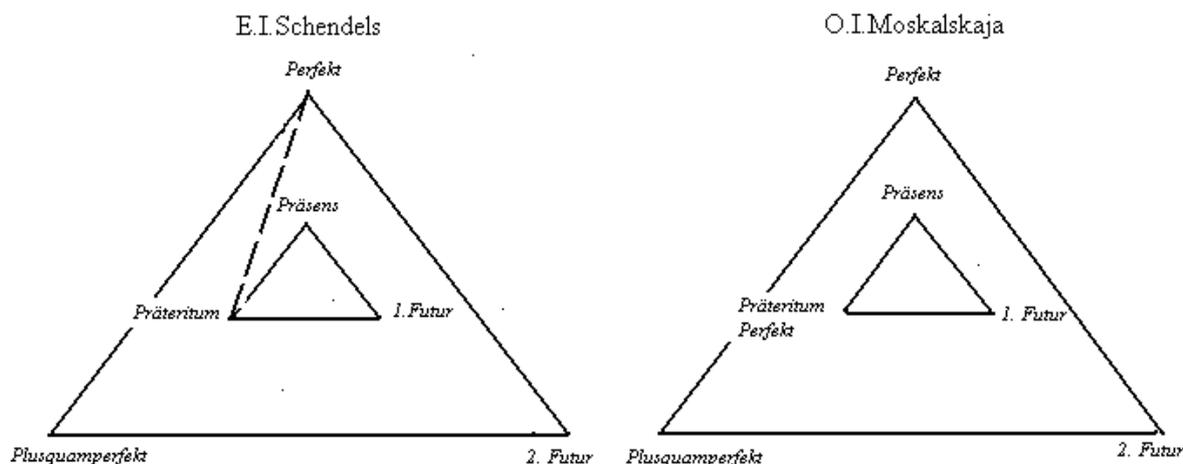
Кроме того, согласно А.В. Бондарко, в предложениях диалогической речи, содержащих более одной предикации, возможна двоякая темпоральная интерпретация зависимой предикации. Например, в предложении *Слышишь, как дождь шумит?* форма *шумит* выражает и одновременность (относительное время), и настоящее время с точки зрения момента речи говорящего (абсолютное время) [Бондарко, 1990, с. 16]. Чаще употребление временных форм в авторской речи признается все же относительным или релятивным, наряду с их употреблением в придаточном предложении [например, Мыркин, 2008, с. 13].

В работе В.А. Плунгяна проводится различие между дейктическим (абсолютным) употреблением временных форм и таксисным (относительным) употреблением [Плунгян, 2011, с. 345, 365]. Таким образом, относительное употребление, по сути, приравнивается к таксисному. Аналогичное понимание временных отношений представлено у А.Л. Зеленецкого [Зеленецкий, 2012, с. 68].

Как синонимы рассматривают относительные и таксисные значения также И.А. Мельчук и В.С. Храковский [Мельчук, 1998, с. 69; Храковский, 2003, с. 37]. В некоторых других работах таксисное значение трактуется шире относительного. В таком случае оно включает наряду со значениями «одновременность», «предшествование», «следование» и некоторые другие значения [Якобсон, 1972, с. 101].

Несмотря на наличие очевидных сходств, полного совпадения таксисных и относительных значений все же быть не может. Обнаруживается различие в выражении данных значений в конкретных видах речи. Зависимым от вида речи оказывается и абсолютное употребление временных форм.

В немецком языке до недавнего времени принято было говорить о временных формах с абсолютным значением и временных формах с относительным значением:

[напр., Шендельс, 1970, с. 9; Moskalskaja, 2004, S. 81]. Внутренние треугольники на рисунке включают в себя, согласно Е.И. Шендельс и О.И. Москальской, формы с абсолютным временным значением, внешние — с относительным значением. Вместе с тем, в последнее время все чаще и, наш взгляд, совершенно справедливо высказывается мнение о том, что все формы могут быть использованы как абсолютно, так и относительно [напр., Steube, 1980, S. 28]. Можно говорить лишь о предпочтительности тех или иных форм к относительному или абсолютному употреблению, но не о соответствующих значениях. Так, К. Фабрициус-Ханзен отмечает, что различие абсолютных и относительных временных форм восходит еще к классической латинской традиции. Однако абсолютной или относительной временная форма может быть только в том случае, когда она является таковой во всех своих употреблениях. В немецком языке лишь две формы тяготеют к преимущественно относительному употреблению. Это формы футура II и плюсквамперфекта [Fabricius-Hansen, 1991, S. 730].

Абсолютное время сегодня нередко характеризуется как *дейктическое*, в то время как относительное время квалифицируется как *анафорическое*. Дейктическое время имеет место в ситуации непосредственного общения, которую К. Бюлер рассматривает как своеобразную систему координат с исходной точкой $O = \text{Origo}$, в которой находится говорящий и его непосредственно переживаемое *сейчас*. Все события в этом случае ориентируются на момент речи говорящего. Анафорическое время не связано непосредственно с речевой ситуацией. Анафорическое употребление предполагает, что «отправитель и получатель имеют перед собой речевой поток как некоторое целое, к частям которого можно сделать проспективную или ретроспективную отсылку» [Бюлер, 2001, с. 94, 112, 120].

Еще одной проблемой немецкой глагольно-временной системы, обусловленной межкатегориальными связями категории времени, можно считать полисемию форм и наличие у них не-временных значений. Так, К.-Э. Зоммерфельдт и Г. Штарке отмечают, что временные формы немецкого языка служат для реализации комплекса значений: временных, модальных и акциональных (аспектуальных), представленных в соответствующих семах той или иной формы (Futur I = «zukünftig» (temporal), «ausstehend» (modal), «verlaufend» (aktional)) [Sommerfeldt, Starke, 1998, S. 66-67].

Обычно акцент делается на выражении частью форм модально либо аспектуально окрашенных значений. В этой связи традиционная шестичленная система глагольно-временных форм подвергается «расшатыванию», редукции, вплоть до ее полного отрицания. Чаще всего

критике подвергаются формы будущего времени: футур I и футур II, как якобы преимущественно модальные. Данные формы исключаются из системы в первую очередь [напр., Vater, 1983, S. 206]. Приписывание перфекту и плюсквамперфекту аспектуальных характеристик, выражающихся в экспонировании семы «завершенность» (Vollzug), также приводит к игнорированию данных форм как темпоральных [Engel, 1996, с. 495]. Презенс, будучи самой многозначной формой, способной выражать различные и порой прямо противоположные временные значения, объявляется «атемпоральной формой», приспособляющейся к условиям контекста [Vennemann, 1987, S. 239–240]. В наиболее радикальных суждениях единственной формой с преимущественно временной семантикой объявляется претеритум [Mugler, 1988]. Однако поскольку одна форма не может образовывать систему, представителям данной точки зрения приходится отказываться от системы временных форм как таковой [Engel, 1996, S. 495; Redder, 1992, S. 135].

Впрочем, в отношении состава временной системы немецкого языка обнаруживается и другой подход. Наличие у временных форм модальных и аспектуальных употреблений не рассматривается многими исследователями как повод для исключения этих форм из темпоральной системы. Наоборот, традиционная шестичленная система может подвергаться расширению. В состав нее могут быть «втянуты» формы т.н. двойного перфекта и плюсквамперфекта [Hennig, 2000, S. 36], а также формы кондиционалиса I, II (Futur Präteritum I, II) [Thieroff, 1992, S. 55; Erben, 1980, S. 86]. Таким образом, количество форм временной системы может достигать восьми [Hennig, 2000; Erben, 1980] или даже десяти [Thieroff, 1992].

Заключение

В современной темпорологии до сих пор остается множество спорных и нерешенных вопросов, обусловленных разной интерпретацией категории времени и ее конститuentов. Думается, что многие из перечисленных вопросов даже со временем едва ли найдут однозначное и удовлетворяющее всех решение ввиду сложного характера самой категории времени, ее многоаспектности. В данной работе представлен характер межкатегориальных связей категории времени. Данная категория самым тесным образом связана с модальностью, аспектуальностью и таксисом. В традиционном понимании временная система представлена шестью глагольными формами. Однако сложный характер связей глагольной категории времени побуждает некоторых темпорологов пересматривать ее состав, что приводит либо к сокращению количества временных форм, либо, наоборот, к их увеличению. Сокращение количества временных форм обусловлено стремлением к оставлению в составе временной системы только форм с временным значением. Данный подход может приводить к полному отказу от глагольной временной системы. Увеличение же количества временных форм является результатом понимания сложных межкатегориальных связей форм времени и их темпорально-аспектуально-модального характера.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Типы темпоральных отношений // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. С. 10–31.
2. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. Москва: Языки славянских культур, 2011. 488 с.

3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Москва: Прогресс, 2001. 528 с.
4. Зеленецкий А.Л. Теоретический курс немецкого языка как второго иностранного. Учебное пособие. Москва: Флинта, Наука. 2012. 228 с.
5. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1997. 244 с.
6. Маслов Ю.С. Время // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 89.
7. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2. Часть вторая: Морфологические значения. Москва, Вена: Языки русской культуры, 1998. 543 с.
8. Мыркин В.Я. Аспектуальная и темпоральная характеристика глагола (на материале немецкого языка). Дис. ... д. филол. н. СПб., 1996. 212 с.
9. Мыркин В.Я. Абсолютное, соотносительное и смещенное время в грамматике // Категории значения и выражения глагольной темпоральности и аспектуальности в немецком языке. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 7–13.
10. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Учебное пособие. Москва: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
11. Рейхенбах Г. Направление времени. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 396 с.
12. Храковский В.С. Категория таксиса (Общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.
13. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Ленинград: Наука, 1986. 272 с.
14. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. Москва: Высшая школа, 1970. 204 с.
15. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва: Наука, 1972. С. 95–113.
16. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos Verlag, 1996. 888 S.
17. Erben J. Deutsche Grammatik: ein Abriss. Ismaning: M. Hueber Verlag, 1980. 392 S.
18. Fabricius-Hansen C. Tempus // Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin; New York: De Gruyter, 1991. S. 722–748.
19. Hennig M. Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten. Tübingen: Niemeyer, 2000. 211 S.
20. Kotin M.L. Zur referentiellen Identität von Tempus und Modus // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / Hrsg.: A. Katny, A. Socka. Frankfurt am Main; Berlin; Bern [et al.]: Peter Lang, 2010. S. 29–38.
21. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Москва: Академия, 2004. 352 с.
22. Mugler A. Tempus und Aspekt als Zeitbeziehungen. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1988. 297 S.
23. Petrova S. Die Interaktion von Tempus und Modus: Studien zur Entwicklungsgeschichte des deutschen Konjunktivs. Heidelberg: Winter, 2008. 231 S.
24. Redder A. Funktional-grammatischer Aufbau des Verb-Systems im Deutschen // Deutsche Syntax — Ansichten und Aussichten / Hrsg.: L. Hoffmann. Berlin: De Gruyter, 1992. S. 128–154.
25. Sommerfeld K.-E., Starke G. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3., neu bearb. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. 301 S.
26. Steube A. Temporale Bedeutung im Deutschen. Berlin: Akademie Verlag, 1980. 19 S.
27. Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus — Modus — Distanz. Tübingen: Narr, 1992. 316 S.
28. Thieroff R. Modale Tempora — non modale Modi. Zu Bedeutung und Gebrauch inhärenter Verbkategorien in verschiedenen europäischen Sprachen // Tempus — Temporalität und Modus — Modalität im Sprachenvergleich / Hrsg. O. Leirbukt. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2004. S. 63–85.

29. Vater H. Zum deutschen Tempussystem // Festschrift für L. Saltveit zum 70. Geburtstag / Hrsg.: J. O. Askedal, Ch. Christensen, Å. Findreng, O. Leirbukt. Oslo, 1983. S. 201–214.

30. Vennemann T. Tempora und Zeitrelationen im Standarddeutsch // Sprachwissenschaft. 1987. Bd. 12. S. 234–249.

Bodnaruk E. V.

Grand Ph.D. (Philology), Associate Professor,

Head of the Department of German and French Philology,

Northern Arctic Federal University

**THE VERBAL CATEGORY OF TENSE IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE:
APPROACHES TO INTERPRETATION**

The article covers the issue of intercategory relations of the verbal category of tense in the German language, the points of contact of this category with the categories of aspectuality, modality and taxis. The similarities and differences of taxis and relative meaning are revealed. It is determined whether the presence of non-temporal characteristics by the temporal forms of the German language affects the composition and number of forms in the verbal temporal system.

Key words: verb tense category; temporal, modal, aspectual and taxis characteristics of tense forms, the German language.

МАГИСТРАТУРА в ПГНИУ!

Приглашаем всех желающих для обучения в магистратуре на базе факультета современных иностранных языков и литератур ПГНИУ по следующим направлениям:

Педагогическое образование (профиль: Инновационное педагогическое образование. Иностранные языки)
очная (8 бюджетных мест) и заочная (7 бюджетных мест) формы обучения;

Филология (профиль: Филология и коммуникация, Зарубежная литература в мировом литературном контексте)
очная форма обучения (10 бюджетных мест).

Информация по вступительным экзаменам на сайте www.psu.ru

Дополнительную информацию можно получить по тел. **2396339**

УДК 81

Сюткина Надежда Павловна

Старший преподаватель кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, Букирева, д. 15
Тел.: 8(342)2396477
E-mail: nad975@yandex.ru

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, Букирева, д. 15
Тел.: 8(342)2396477
E-mail: lanaschust@mail.ru

**ЭМОТИВНО-ИНТЕНСИВНО-КАУЗАТИВНЫЙ
КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБКОМПЛЕКС**

Настоящая статья посвящена анализу категории эмотивных каузативов, которые представляют собой глаголы интерперсональной семантики. Данные глаголы актуализируются в категориальной ситуации каузации модификации эмоционального состояния. В речи происходит взаимодействие категориальных элементов высказывания, актуализирующих различные категории. В результате мы наблюдаем категориальный семантический комплекс, под которым мы понимаем совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью. В процессе анализа ситуации каузации эмоциональной модификации выделяется эмотивно-каузативный категориальный комплекс. Основное содержание комплекса заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации и реализуется двумя категориальными семемами: семой эмотивности и семой каузации. Категория интенсивности взаимодействует с категорией эмотивных каузативов в речи, поэтому мы выделяем эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический субкомплекс, при реализации которого каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Результат каузации в ситуации эмоциональной модификации заложен в значении глагола — эмотивного каузатива, актуализаторы интенсивности взаимодействуют с этим элементом высказывания, указывая на степень, меру интенсивности каузируемой эмоции.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, ситуация каузации эмоциональной модификации, категориальный семантический комплекс, эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс, эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический субкомплекс.

Введение

В фокусе нашего внимания находятся эмотивные каузативы, которые актуализируют свое значение в ситуации каузации модификации эмоционального состояния. Данная ситуация отражает такое положение дел, при котором происходит взаимодействие двух одушевленных участников, один из которых, каузатор, оказывает воздействие на объект каузации с целью модификации психической, физической, перцептивной, информативной и других сфер объекта каузации, то есть каузативность фиксируется в области интерперсонального взаимодействия [см., например, Плюснина, Шалгина, 2018, с. 21–25].

Анализ ситуации модификации психической сферы у объекта каузации, позволяет выделить эмотивно-каузативный категориальный комплекс. Под категориальным семантическим комплексом понимается совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью — актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий. Основное содержание эмотивно-каузативного семантического комплекса заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации и реализуется двумя категориальными семами: семой эмотивности и семой каузации.

Категориальный семантический комплекс может включать в свое семантическое пространство другие семантические категории, которые находятся в подчинительном отношении к данному комплексу в данной категориальной ситуации (в другой категориальной ситуации эти категории могут стать ведущими). Таким образом, категориальный семантический комплекс представляет собой совокупность субкомплексов, то есть множества таких семантических категорий, которые находятся в подчинительном положении по отношению к отдельно взятому семантическому комплексу. При реализации эмотивно-каузативного семантического комплекса наблюдается актуализация различных категориальных ситуаций, мы выделяем эмотивно-экспрессивно-каузативный, эмотивно-интенсивно-каузативный и эмотивно-оценочно-каузативный семантические субкомплексы.

Основная часть

Обратимся к эмотивно-интенсивно-каузативному категориальному семантическому комплексу. Категория интенсивности в лингвистике широко обсуждается, но пока не существует однозначного понимания этой категории. Отмечается ведущая роль в системе языковых средств выражения значения интенсивности единиц лексического уровня, высоко продуктивных, отличающихся многочисленностью и разнообразием в различных языках мира [Бельская, 2004, с. 203]. Прежде всего, как отмечают многие ученые, интенсивность наиболее тесно связана с категориями количества и качества. Так, Е.И. Шейгал определяет категорию интенсивности как находящуюся на пересечении категории качества (неопределенного, недискретного) и количества (градуируемого, поддающегося количественной оценке) [Шейгал, 1981, с. 21–22]. И.В. Ревенко говорит о том, что «интенсивность указывает на количественные характеристики качественного признака предмета» [Ревенко, 2013, с. 202].

Н.А. Лукьянова под интенсивностью понимает «микроразличие, связанное с качественно-количественной характеристикой обозначаемого словом явления, иначе говоря, отражающее меру явления» [Лукьянова, 1986, с. 55]. Важным становится понятие нормы, так как именно отклонение от нормы в ту или иную сторону выделяет явление из ряда однородных ему яв-

лений. Как правило, усиление признака необходимо говорящему для актуализации экспрессивности. При этом «интенсивность выполняет функцию усиленного воздействия на адресата, она связана с субъективным выбором адресантом экспрессивных средств и средств интенсификации высказывания, ей сопутствуют показатели эмоциональности и оценочности [Шестова, 2002, с. 4].

Средства выражения категории интенсивности связаны с субъективным выбором говорящим средств интенсификации высказывания и выполняют функцию не просто воздействия, но усиленного воздействия на адресата. Нередко мотивом употребления тех или иных способов интенсификации являются эмоции, так как эмоциональная сфера личности — это ее отношение к миру, к объектам естественных и культурных потребностей, состояние ее сознания [Карповская, 2010, с. 177].

М.О. Лойко рассматривает взаимосвязь интенсивности и оценочности, которая проявляется в том, что с точки зрения логики, интенсивность является разновидностью оценки, так как оценка также может характеризоваться как с количественной, так и с качественной стороны. Она выделяет два типа шкал: шкала количественной оценки (много / мало) или интенсивности, и шкала собственно оценки (хорошо / плохо). Точка отсчета на шкале количественной оценки соотносится с нормой данного качества. Точка отсчета на шкале качественной оценки соответствует нейтральному отношению говорящего, который ориентируется на эталон, осознанный как стандартный всеми членами данного социума [Лойко, 1990, с. 9]. Интенсивность в языке выступает на первый план в связи с модально-оценочными элементами. «Средства обозначения этих элементов предполагают определенное отношение к обозначаемому признаку, они несут в себе дополнительную информацию, заключают в себе экспрессивность, эмоционально-оценочную характеристику. Каждая такая единица обозначения интенсивности содержит информацию о характере поступков, действий, поведении людей, качестве, дает им положительную или отрицательную оценку» [Там же, с. 16].

«В обобщенной формулировке семантический признак интенсивности можно определить как отклонение от ординарного уровня проявления определенных свойств предмета. Причем степень отклонения от этого ординарного уровня может быть различной» [Ревенко, 2013, с. 203]. В прагматическом аспекте категория интенсивности служит для усиления иллокутивной силы в результате того, что увеличивается экспрессивный потенциал реализуемой в речи языковой единицы.

Модель эмотивно-интенсивно-каузативного категориального субкомплекса отражает взаимодействие категорий эмотивности, каузативности, количественности, качественности, градуальности. Категория интенсивности отражает качественно-количественные характеристики явления, в ситуации каузации эмоциональной модификации интенсифицируется эмотивный каузатив в результате актуализации признака количества, качества либо градуальности.

При реализации эмотивно-интенсивно-каузативного субкомплекса каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Результат каузации в ситуации эмоциональной модификации заложен в значении глагола — эмотивно-го каузатива. Интенсификаторы усиливают этот компонент, например:

(3) Ты только что **безмерно осчастливил** Голдбергов (Ngram).

Интенсификатор «*безмерно*», то есть «в высшей степени, предельно в своём проявлении; чрезмерно, чрезвычайно, очень (употребляется при подчеркивании интенсивности действия

или состояния)» (СТС) показывает наивысшую меру эмоционального воздействия, актуализируемого глаголом.

В вышеприведенном примере в качестве актуализатора интенсивности выступает наречие. Однако, интенсификаторами могут также служить прилагательные, причастия, предложные группы, например:

*Эх, и отрядик был, вот **панику нагнал** на всех!* (Ngram).

*Я старался убедить его, что это все лишь пикник, приключение, которое скоро закончится, но мне лишь **с трудом** удавалось его **подбодрить*** (Ngram).

*Мальчишки **зажигали** в этот день **по полной программе*** (Ngram).

*Спектакли мейнингенцев **вызвали повсеместный восторг**, ими был увлечен Антуан* (Ngram).

*Она **изо всех сил** старалась **вывести** его из равновесия* (Ngram).

Также функции интенсификаторов могут выполнять модальные слова и дискурсивные маркеры [см., например, Аверина, 2017, с. 4–7].

*Осознав, что она **на самом деле разозлила** обычно спокойного Михаэля, Мария встала с кровати присев у его ног* (Ngram).

*Ответ Риты **несомненно обрадовал** Корнилова, но появившаяся между бровями вертикальная морщинка требовала разъяснения* (Ngram).

В приведенных выше примерах функционируют единицы: «несомненно» «употребляется при подтверждении сказанного, подчеркивании категоричности утверждения, соответствуя по значению» (СТС), «на самом деле» «употребляется при уверенном подтверждении чьих-либо слов или при выражении согласия с чьим-либо высказыванием» (СТС). Как мы видим, в контекстах с эмотивными каузативами они подчеркивают достоверность, истинность эмоции, тем самым подчеркивая ее интенсивность. Сравним с другим примером:

*Если бы муж делал даже нечто совершенно бессмысленное, он смог бы, **пожалуй, успокоить** требующую ответа жену* (Ngram).

Функционирующие в вышеприведенных примерах лексемы имеют значение предположительной достоверности: «*пожалуй*» — «употребляется при выражении неуверенного согласия» (СТС). В результате мы можем говорить о низкой интенсивности каузируемой эмоции.

Заключение

Возникновение эмотивно-интенсивно-каузативного категориального семантического комплекса в речи неслучайно, оно обусловлено тесным взаимодействием категорий интенсивности и эмотивности. Интенсивность есть «мера количества эмоциональности» [Туранский, 1990, с. 11]. О тесном взаимодействии эмоциональности и интенсивности находим и у Э. Сепира: «даже простые градуаторы «больше, чем» и «меньше, чем» связаны обычно в конкретном контексте с выражением определенных эмоций» [Сепир, 1985, с. 66]. Таким образом, категориальная ситуация каузации эмоциональной модификации сопровождается категориальной ситуацией интенсификации, при этом происходит интенсификация эмотивного каузатива в результате актуализации признака количества, качества либо градуальности. Языковые средства, способные выступать в качестве интенсификаторов, обширны, охватывают разные классы лексико-грамматических, лексических разрядов слов.

Список литературы

1. Аверина А.В. К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2017, № 2. С. 4–7.
2. Бельская Е.В. Проблемы интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 202–210.
3. Карповская Н.В. Интенсивность атрибутивного признака как лингвопрагматическая категория (на материале испанского языка) // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1 (61). С. 176–181.
4. Лойко М.О. Функционально-семантическая категория интенсивности признака. Автореф... к. филол. н. Минск. 1990. 18 с.
5. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1986. 227 с.
6. Плюснина Е.М., Шалгина Е.А. Сценарий каузативной ситуации с глаголом *aimer* // Евразийский гуманитарный журнал. 2018, № 3. С. 21–25.
7. Ревенко И.В. Комплекс признаков семантической категории «Интенсивность» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 200–205.
8. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Москва: Прогресс. 1985. С. 43–79.
9. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. Москва: Высшая школа. 1990. 173 с.
10. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке. Дисс... к. филол. н. Москва, 1981. 244 с.
11. Шестова А.А. Категория степени интенсивности в семантике двучленных словосочетаний, обозначающих эмоции, в современном английском языке. Автореф...к. филол. н. Институт языкознания РАН. Москва, 2005. 26 с.

Список принятых обозначений и сокращений

СТС — Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: 16.05.2018).

Ngram — Google Books Ngram Viewer — Исследовательский ресурс <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 16.05.2018).

Sytkina N. P.

*Senior Lecturer, Linguodidactics Department,
Perm State University*

Shustova S. V.

*Grand Ph.D. (Philology), Linguodidactics Department,
Perm State University*

EMOTIVE-INTENSIVE-AUSATIVE CATEGORICAL SEMANTIC SUBCOMPLEX

This article is devoted to the analysis of the category of emotive causatives, which are verbs of interpersonal semantics. These verbs are updated in a categorical situation causation modification of the emotional state. In speech, the interaction between categorical elements of the utterance, ac-

tualizing various categories occurs. As a result, we observe a categorical semantic complex, by which we mean a set of semantic categories, functionally united by a common goal. We analyze the situation of the causation of emotional modification, therefore we single out the emotive-causative categorical complex. The main content of the complex is the actualization of a positive or negative modification of the emotional state of the object of causation and is implemented by two categorical semes: emotive semen and caus semen. The intensity category interacts with the category of emotive causatives in speech; therefore, we single out the emotive-intensive-causative categorical semantic subcomplex, when implemented, the causator influences the object of causation in order to change its emotional state. The result of causation in the situation of emotional modification lies in the meaning of the verb — the emotive causative; the actualizers of intensity interact with this element of the utterance, indicating the degree, measure of the intensity of the causal emotion.

Keywords: emotive causative, situation of emotional modification causation, categorical semantic complex, emotive causative categorical semantic complex, emotive-intensive-causative categorical semantic subcomplex.

УДК 81'243

Храмченко Татьяна Александровна

Преподаватель кафедры теории и методики русского языка как иностранного,

Белорусский государственный университет

220030, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 20

Тел.: +375 172095044

E-mail: hramchenkot@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРОТКИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

При обучении иностранных учащихся важно помнить о взаимодействии культур в образовательном процессе. Преподаватель иностранного языка выступает посредником межкультурного общения. В настоящее время традиционные подходы к обучению активно сочетаются с интерактивными методами. Включение в интерактивный урок видеоматериала позволяет не только выполнить поставленные задачи, но и сделать занятие более увлекательным. В статье предлагаются рекомендации для работы на уроке с юмористическим журналом «Ералаш».

Ключевые слова: межкультурное общение, видео, интерактивный урок, культура, русский язык как иностранный.

Введение

Сегодняшние возможности открывают большие перспективы для желающих овладеть иностранным языком. Печатные издания и многочисленные интернет-материалы (видео- и аудиоразработки, электронные книги, программы для общения с носителями языка) помимо овладения языком способствуют также приобщению к иноязычной культуре. Соприкасаясь с необычными явлениями, учащиеся узнают, взаимодействуют и принимают культурные особенности другой страны.

Основная часть

Совершенно очевидно, что преподаватель русского языка как иностранного (РКИ) выступает в роли посредника межкультурного общения. А.Л. Бердичевский, автор свыше 200 работ по проблемам преподавания иностранных языков, отмечает, что «преподаватель РКИ — это специалист-профессионал не столько в области языка, сколько в области методики обучения языку и межкультурной компетенции» [Бердичевский, 2011, с. 48]. Таким образом, преподаватель является носителем изучаемого языка и представителем русской культуры, организуя в процессе обучения взаимодействие между культурами доступными ему методами.

В данной статье мы продолжаем тему, начатую в предыдущих номерах «Евразийского гуманитарного журнала». Речь идет о достоинствах использования аудиовизуального материала на занятиях РКИ. Действительно, грамотное построение урока с просмотром аутентично-

го художественного фильма погружает иноязычных учащихся в естественную среду изучаемого языка, повышает мотивацию на занятиях и задействует все аспекты речевой деятельности студента [Абрамова, 2018, с. 109]. Особое внимание при выборе полнометражных фильмов уделяется их лексико-грамматическому наполнению.

Однако на уроке не всегда есть возможность выделить достаточно времени для аудиторной работы с полнометражным фильмом. При этом многие видеоматериалы желательнее не только обсуждать с преподавателем, но и просматривать вместе. Тогда вероятность неправильного понимания сюжета или отдельных речевых явлений сводится к минимуму. В этом случае принципы отбора видеоматериала будут несколько другими.

Вслед за О.В. Власовой отметим основные критерии для работы с видео [Власова, 2013, с. 85]: материал должен соответствовать целям и задачам урока, представлять интерес для целевой аудитории; качество звука и изображения должно быть комфортным для восприятия; продолжительность видео составляет порядка 3 минут. В качестве такого материала можно показать небольшой видеоролик, клип на предложенную тему, короткометражный фильм или анимацию.

В зависимости от конкретной задачи, видео может содержать речевые ситуации или обходиться без них. Например, нашим студентам было интересно обсудить следующие анимационные фильмы без слов: «Mr Indifferent» (2 мин 18 сек), «Bon Voyage» (3 мин 06 сек), «Lily and the Snowman» (2 мин 21 сек). Замечательные идеи для обсуждения предлагают и социальные ролики, например: «Нужно помогать всем» (0 мин 39 сек) или «Реклама Raffaello про любовь без предрассудков и стереотипов» (1 мин 52 сек). Такие «безмолвные» сюжеты хороши тем, что их можно просматривать в иноязычной аудитории с любым уровнем владения языком, задумываться над общечеловеческими ценностями, развивать критическое мышление, выражать свою точку зрения и в этом увлекательном процессе развивать устную или письменную речь.

Особое внимание направлено на использование коротких юмористических сюжетов для обучения русскому языку как иностранному, а именно, о популярном юмористическом журнале «Ералаш». Несмотря на то что «Ералаш» рассчитан, главным образом, на детское восприятие, он обладает рядом преимуществ для иностранной (не обязательно детской) аудитории [Казакова, 2015, с. 1385].

Начнем с того, что длительность одной серии «Ералаша» составляет порядка 3–4 минут, то есть всю работу можно провести на занятии без привлечения внеаудиторных часов.

Все ситуации киножурнала разворачиваются на глазах у зрителя, что облегчает иностранным учащимся понимание сюжета и реализует цели аудирования.

В сценах «Ералаша» воспроизводится настоящая разговорная речь в ее лексическом, фразеологическом и синтаксическом многообразии. Студенты наблюдают использование в речи разговорных формул, клише, применение невербальных средств. Примеры будут приведены чуть ниже.

Естественный темп речи, разнообразный тембр и отличительные особенности произношения героев киножурнала тренируют фонемный слух и интонационный навык учащихся, приучают их различать и воспринимать особенности индивидуальной речи.

Заметим, что несмотря на краткость серии, в сюжетах «Ералаша» отражены проблемы взаимоотношения людей в социуме, то есть в обсуждении их идеи реализуется воспитательная и культурологическая цели обучения.

Диалоговая направленность сюжетов «Ералаша» обеспечивает развитие диалогической речи у студентов. Это формирует у них умение выражаться кратко и быстро реагировать на реплики собеседника. Такие навыки хорошо отрабатываются в ролевых играх или мини-постановках по просмотренному сюжету.

Продемонстрируем на примерах, какие задания можно предложить студентам при просмотре некоторых серий «Ералаша».

Серия под названием «Белая ворона» [Белая ворона].

Безусловно, название этой серии можно обыграть в самом начале, предложив иностранным учащимся догадаться, о чем может идти речь. Этот подход часто себя оправдывает. Однако в случае с фразеологизмом это понятие можно раскрыть и в конце. Приведенные ниже задания выполняются после просмотра серии.

— Опишите место действия. Где происходят события? Что на это указывает?

— Как вы думаете, кто беседует с учеником? Как вы это определили?

— Как вы полагаете, кто такие эмо? Назовите их отличительные черты, опираясь на героя в сюжете.

— Каким тоном ученик говорит о своем желании? Как вы думаете, почему он себя так ведет?

— Что мы видим в конце сюжета? В чем ирония этой серии?

— Можете ли вы дать определение понятию «белая ворона»? В чем противоречивость таких личностей?

— Встречались ли вам когда-нибудь люди, очень выделяющиеся среди других? Какие чувства они у вас вызывают?

— Приходилось ли вам бывать на их месте? Поделитесь личным опытом.

Как видим, предложенный сюжет хорошо вписывается в тему урока, на которой студенты знакомятся с фразеологическими оборотами.

При желании можно дать студентам задание найти информацию о происхождении этого понятия, составить мини-истории по этой теме или предложить ситуации, в которых надо угадать поведение «белой вороны». Для развития письменных навыков можно предложить оформить свои размышления в виде эссе.

Рассмотрим другой пример. Серия под названием «Источник знаний» [Источник знаний]. Можно изменить предыдущую тактику работы и обсудить некоторые вопросы до просмотра фильма.

— В нашей культуре у студентов есть приметы, что нужно делать в ночь перед экзаменом. Например, под подушку следует положить учебник, чтобы умные мысли из учебника пришли тебе в голову. Какие хитрости используются в вашей культуре?

— Есть также поверья, чего нельзя делать накануне сдачи экзаменов. Например: в ночь перед экзаменами нельзя мыть голову или стричься, иначе забудешь все, что знал.

— Какие еще студенческие приметы вам известны? Что из них вы применяете на практике?

После просмотра серии можно поработать над ее содержанием:

— Где происходят события в этой серии? Назовите главных действующих лиц сюжета.

— Каким тоном учительница вызывает к доске Сидорова? Как она реагирует на ответ ученика?

— Почему Белкина стукнула Сидорова учебником по английскому? Зачем она ударяет его учебником по математике?

— Проследите за реакцией учеников во время ответа Сидорова. Почему они так реагируют?

— Как реагируют на это учителя? Что происходит на уроке у третьей учительницы?

— Как объясняется неожиданный поворот событий?

— Вы бы хотели, чтобы такая возможность поумнеть была на самом деле? Почему?

Этот сюжет, совершенно очевидно, хорошо подходит для разыгрывания сценки с привлечением всех участников группы. Если уровень владения русским языком не позволяет участвовать в мини-спектакле, можно предложить учащимся чтение по ролям, обращая особое внимание на то, чтобы студенты использовали необходимые интонационные конструкции. Скрипты к видео можно подготовить заранее, либо написать вместе с учащимися при повторном просмотре фильма.

Надо отметить, что упомянутые серии из «Ералаша» были опробованы на практике и восприняты студентами с чувством юмора и позитивом. Учащимся были интересны данные темы, на занятии часто звучали вопросы о происхождении той или иной фразы, о сравнении русской культуры и той страны, откуда студенты родом. Поскольку большинство носителей русского языка активно пользуются фразеологизмами в повседневной речи, важно, чтобы студенты могли свободно ориентироваться в естественной русскоязычной среде.

Перечисляя достоинства «Ералаша» в обучении русскому языку, мы намеренно не упомянули о его еще одном несомненном преимуществе перед другими видеоматериалами — это юмор, который понятен большинству людей. Однако здесь необходимо сделать ремарку о том, что не все сюжеты подойдут для иноязычной аудитории. То, что в русской культуре будет воспринято со смехом, у иностранной аудитории может вызвать противоположные ощущения.

Наглядным примером может послужить серия под названием «Шпаргалка» [Шпаргалка]. Школьный учитель внимательно следит за тем, чтобы ученик, вызванный к доске, решил сложную геометрическую задачу. Пока педагог то и дело обнаруживает «подсказчиков» среди одноклассников мальчика, главный герой умудряется представить подробное объяснение на доске. Реакция учителя хорошо передает его изумление, он понимает, что самостоятельно этот ученик не справился бы с задачей. Вот тут и наступает «скользкий» момент: поиск спрятанной шпаргалки на самом ребенке. Пока в русской культуре студенты смеются над находчивостью озорника, иностранные студенты могут возмутиться действиями педагога. Вот почему на стадии отбора материала важно посмотреть видеосюжет с позиции другой культуры.

Итак, с учетом выше приведенных факторов, мы видим, что при правильном отборе видеоматериала сюжеты юмористического киножурнала «Ералаш» могут помочь в решении коммуникационных задач урока и разрядить напряженный учебный процесс.

Заключение

В заключение отметим, что разнообразие методов работы с учебным материалом на уроках РКИ сказывается благоприятным образом на атмосфере обучения. «При использовании видеофильмов на занятиях развиваются два вида: самомотивация, когда фильм интересен сам по себе, и мотивация, которая достигается тем, что учащемуся будет показано, что он может понять язык, который изучает. Это приносит удовлетворение, придает веры в свои силы, вызывает желание совершенствовать знания» [Весова, 2013, с. 145].

Безусловно, в процессе изучения языка многое зависит и от личности преподавателя, который, в свою очередь, также влияет на результативность обучения. Компетентный преподаватель, заинтересованный в успехах своих студентов, создает на уроке условия, при которых иностранные студенты чувствуют себя более уверенно. Преодолевая языковой барьер, они свободнее аргументируют свое мнение, с большей готовностью обсуждают ситуации, не боясь ошибиться или быть неправильно понятыми. Положительные эмоции на занятиях приводят к большей результативности в обучении, и вследствие этого прогресс становится еще более существенным и заметным.

Список литературы

1. Абрамова В.С. Аутентичный художественный фильм в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 109–112.
2. Бердичевский Л.А. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Москва: Изд-во «Русский язык», 2011. 148 с.
3. Весова Т.Н., Чистякова Е.В. Методические основы использования художественных фильмов в процессе преподавания русского языка как иностранного // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. № 2(105). С. 145–148.
4. Власова О.В. Развитие критического мышления посредством работы с видео на занятиях иностранного языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 1. С. 83–88.
5. Грачевский Б.Ю. «Белая ворона» URL: <https://www.iv.ru/watch/eralash/113126> (дата обращения: 06.02.2019).
6. Грачевский Б.Ю. «Источник знаний» URL: <https://www.iv.ru/watch/eralash/113124> (дата обращения: 07.02.2019).
7. Грачевский Б.Ю. «Шпаргалка» URL: <https://www.iv.ru/watch/eralash/2239> (дата обращения: 08.02.2019).
8. Казакова Ю.В. Приемы работы с видеотекстами на уроках РКИ (на примере киножурнала «Ералаш») // Наука ЮУрГУ. Секция социально-гуманитарных наук. Материалы 67-й науч. конф. Юж.-Урал. гос. ун-т. Челябинск: Изд-во «Издательский центр ЮУрГУ», 2015. С. 1385–1388.

Khramchanko T. A.

*Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language,
Belarusian State University*

THE USE OF SHORT HUMOROUS FILMS IN PRACTICE OF TEACHING RFL

While teaching foreign students it is important to remember about the interaction of cultures in the educational process. A foreign language teacher acts as mediator of cross-cultural communication. Currently, traditional learning approaches are combined with interactive methods. The inclusion of video in the interactive lesson enables not only to meet the tasks, but also make the lesson more amusing. The article provides recommendations of using humorous video series “Yeralash” in studies.

Key words: cross-cultural communication, video, interactive lesson, culture, Russian as a foreign language.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа — 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 6–15 страниц, а для аспирантов — 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 — код УДК;
 - 2 — фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 — ученая степень, ученое звание;
 - 4 — должность, место работы (если таковое имеется).
 - 5 — контактная информация (адрес, e-mail, телефон — для размещения на сайте в сведениях об авторе);
 - 6 — название статьи;
 - 7 — аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 — ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и / или словосочетаний);
 - 9 — ссылки.

Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Иванов, 2005, с. 25].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первоначального источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения 22.12.2014). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

2. Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 51–63.

3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

УДК 81-13

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: 8 (342) 2396477
E-mail: lanaschust@mail.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ**

В настоящей статье исследуется функциональный потенциал английских глаголов с инкорпорированными актантами to cycle, to ferry, to jet, входящих в семантическое поле «перемещение в пространстве». Анализ синтаксической и семантической валентности данных глаголов, основанный на изучении эмпирического материала, позволил сделать вывод об их высоком функциональном потенциале.

Ключевые слова: функциональный потенциал, инкорпорация, актант, глаголы с инкорпорированными актантами, синтаксическая и семантическая валентность, индекс функционального потенциала.

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1.

Shustova S.V.

Grand Ph.D. (Philology),
Linguodidactics Department, Perm State University

FUNCTIONAL POTENTIAL OF ENGLISH VERBS OF TRANSPORTATION

The article explores functional potential of English verbs with incorporated actants to cycle, to ferry, to jet, which are part of the semantic field “transportation”. Corpus analysis showed that the syntactic valence of the verbs in question exceeds their semantic valence and it allows us to conclude that the verbs in question have a high functional potential.

Keywords: functional potential, incorporation, actant, verbs with incorporated actants, syntactic and semantic valency, functional potential index.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (1 месяц).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnal.blogspot.com>